

СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕДИЦИНСКИЕ АСПЕКТЫ ЖЕСТОКОСТИ

SOCIAL, PSYCHOLOGICAL AND MEDICAL ASPECTS OF CRUELTY

Информационный, научный журнал

№ 1–2 (5–6), 2006

Издается с июля 2001 г.

Главный редактор Марина Гутгарц

Редакционная коллегия:

Александр Беца

Семен Глузман

Мридула Гош

Олена Сулова

Редакционный совет:

Александра Абессонова (Украина)

Роберт ван Ворен (Нидерланды)

Инге Генефке (Дания)

Елизавета Джирикова (Россия)

Нино Махашвили (Грузия)

Владимир Пристайко (Украина)

Николай Шульга (Украина)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕДИЦИНСКИЕ АСПЕКТЫ ЖЕСТОКОСТИ

SOCIAL, PSYCHOLOGICAL AND MEDICAL ASPECTS OF CRUELTY

Информационный, научный журнал

№ 1–2 (5–6), 2006

Издается с июля 2001 г.

Учредитель – Международный медицинский реабилитационный центр
для жертв войн и тоталитарных режимов (МРЦ)

Свидетельство о регистрации КВ № 5163 от 29.05.2001 г., выдано Государственным
комитетом информационной политики, телевидения и радиовещания Украины

Адрес редакции: Украина, 04209, Киев, ул. Героев Днепра, 20.
Международный медицинский реабилитационный центр для жертв войн
и тоталитарных режимов (МРЦ).

Для корреспонденции: Украина, 04209, Киев-209, а/я 74.

Контактные телефоны: (38 044) 412–30–94; тел./факс (38 044) 412–00–77.

E-mail: mrc@viaduk.net

Этот проект финансируется Европейской инициативой за демократию
и права человека, цель которой — пропагандировать и защищать пра-
ва человека и основные свободы, поддерживать процессы демокра-
тизации и мероприятия по предотвращению и решению конфликтов.

This project is co-financed by the European Initiative for Democracy and
Human Rights to help promote and defend human rights and fundamental
freedoms, to support the processes of democratisation as well as
measures for conflict-prevention and resolution.

Редакция благодарит за помощь в подготовке этого выпуска журнала *Геннадия Гутгарца*

Перевод с русского *Слава Гордийчук*

Редактор и корректор *Валентина Божок*

Макет *Наталья Погорелова*

Подписано в печать 17.12.06. Формат 60x84/16. Печать офсетная. Тираж 1000.

РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ БЕСПЛАТНО

Международный Благотворительный Фонд «Издательство «Сфера».

Украина, 04101, Киев, пер. Дедегатский, 3.

Свидетельство о внесении в Государственный реестр издателей

ДК № 233 от 07.11.2000 г.

Материалы, опубликованные в журнале, не обязательно отражают взгляды редакции или изда-
теля, если это не оговорено особым образом.

Ни редакция, ни издательство не несут ответственности за любые последствия, связанные
с использованием предоставленной в журнале информации.

За достоверность фактов, дат, имен собственных отвечают авторы публикаций.

Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать принятые к публикации мате-
риалы.

При перепечатке или другом использовании материалов журнала обязательна ссылка на из-
дание.

© Издательство «Сфера», макет, 2006

Содержание

От редакции	5
ПРОБЛЕМА ЖЕСТОКОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ	
Социальные и правовые аспекты	
ЛИББИ ТАТА АРЦЕЛ, МИ КРИСТИАНСЕН, ЭРИК РОКЭ. Репарация для жертв пыток: некоторые определения и вопросы	7
Правовые аспекты войны в Афганистане и другие элементы антитеррористической кампании	15
ПЬЕР АПРАКСИН. Международное гуманитарное право и право прав человека: сходства, различия, взаимодополняемость	33
Исторические аспекты	
Лев Толстой. Солдатская памятка	50
ДЖЕЙМС МЕЙС. Политические причины голодомора в Украине (1932–1933 гг.)	52
ЮРГЕН БЕРТЕЛЬСМАНН. «НА ТОЙ И ДРУГОЙ СТОРОНЕ – ЛЮДИ...» Война глазами немецкого солдата	76
Медицинские аспекты	
ФИОНА ФЛЕК. Правительства должны больше осознавать значение прав человека в сфере здравоохранения	79
ХОСЕ ХИРОГА, ДЖЕЙМС М. ЯРОНСОН. Политически мотивированные пытки и их жертвы: Оценка состояния	81
Психологические аспекты	
М.А.Костенко, Н.Б.Костенко, А.В.Урезков. Психосоциальная работа с участниками локальных боевых действий. Методическое пособие	97
КРИСТИАН ПРОСС. Выгорание, замещающая травматизация и их предупреждение. Что такое выгорание, что такое замещающая травматизация?	129

Жестокость и война	
Кеннет Росс. Война в Ираке и гуманитарная интервенция	145
Крис Стивен. Права человека и война в Чечне: испытание для Европы	164
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	
ВСЕМИРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ	
Стоимость насилия	171
Хьюман Райтс Вотч	
Афганистан: произвол американских сил	175
АССОЦИАЦИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПЫТОК	
Официальный отчет АПП 2004 года по пыткам в странах-участницах ОБСЕ	181
АМЕРИКАНСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПСИХОЛОГОВ	
Жанна Корейко. Американские психологи не выдержали пыток	191
МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ РЕАБИЛИТАЦИОННЫЙ ЦЕНТР ДЛЯ ЖЕРТВ ВОЙН И ТОТАЛИТАРНЫХ РЕЖИМОВ, УКРАИНА	
Татьяна Яблонская. История одного «Дела»	194
ПРАВООЗАЩИТНЫЙ ЦЕНТР «МЕМОРИАЛ», РОССИЯ	
Чечня, 2004 год: Похищения и исчезновения людей	200
У соседа хата белая? Интервью с руководителем Назраньского офиса (Ингушетия, Россия)	
Правозащитного центра «Мемориал» Шахманом Акбулатовым о ситуации в Чечне	221
ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА	
Решения по жалобам от жителей Чеченской Республики	227
ДОКУМЕНТЫ И ПОЛЕЗНАЯ ИНФОРМАЦИЯ	
Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций	233
Материалы Службы Безопасности Украины о голодоморе 1932–1933 гг.	
«Анализ цифровых данных об оперативной работе органов ГПУ УССР по сельскому террору за время с 1 января 1932 по 1 ноября 1932 года»	245
Осуждение недавних нарушений прав человека в Чеченской Республике	
Декларация Комитета по юридическим вопросам и правам человека Парламентской Ассамблеи Совета Европы	253
Abstracts	255

От редакции

Этот выпуск посвящен в основном войне. Взаимной ненависти европейских стран, уничтожавших друг друга в XX веке во имя «классового» или «национального» идеала. Написав десятки умных книг по проблемам международного публичного права, сотни диссертаций о стандартах поведения во время вооруженных конфликтов, тысячи ярких газетных статей с призывами к ненасилию, мы остались прежними. Жестокими и циничными. Почтенный скептик Анатоль Франс как-то заметил: «Если хочешь видеть наступление эры справедливости, следует согласиться с тем, что может случиться на пути к ее достижению — с несправедливостью, зверством, кровью». Он не мог представить себе, какие масштабы все это может принять в XX веке.

Век двадцать первый. Все продолжается...

Семен Глузман

ПРОБЛЕМА ЖЕСТОКОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Социальные и правовые аспекты

Либби Тата Арцел, Ми Кристиансен, Эрик Рокэ

Репарация для жертв пыток: некоторые вопросы и определения

Либби Тата Арцел, профессор, консультант Международного совета по реабилитации жертв пыток

Ми Кристиансен, юридический советник

Эрик Рокэ, интерн

© International Rehabilitation Council for Torture Victims (IRCT)

Пытки — преднамеренное причинение боли человеком, наделенным официальными полномочиями, другому человеку, оставляющее после себя особого рода постоянные психические «шрамы», которые необходимо возмещать путем репарации.

Действия по репарации подразумевают исправление чего-то сломанного, то есть для жертв пыток репарация означает обеспечение механизмов их восстановления до целостной и интегрированной личности. То, что необходимо принять во внимание при предоставлении репарации для жертвы пыток, это воздействие самих пыток. Жертвы пыток часто, вдобавок к физическим повреждениям, остаются с чувствами страха, вины, стыда, разочарования, неуверенности в безопасности, утраты смысла жизни.

© Ю.Пиевская, перевод с англ., 2005

РЕПАРАЦИЯ

Как на международном [1] так и на национальном [2] уровнях уже приняты нормы, касающиеся репарации. Однако проблема состоит в том, что, во-первых, существуют тенденции как можно больше сузить фокус репарации и, во-вторых, политическая воля для того, чтобы сделать эти нормы более эффективными, недостаточна. Опыт показал, что удовлетворение потребностей в репарации — сложный и целостный процесс.

Задача Международного совета по реабилитации жертв пыток в вопросе репарации состоит в том, как перенести накопленный опыт реабилитации жертв пыток в эффективный режим, который бы наиболее полно, насколько это возможно, способствовал реабилитации жертв пыток.

Почему репарация является важной?

Цель репарации — облегчение физической боли у жертвы пыток и как можно более полное восстановление ее до прежнего уровня жизни. Репарация может предоставить жертвам возможность воспринимать себя как пережившими пытки, и обеспечить им не только физическое, но и эмоциональное восстановление. Репарация дает жертвам возможность восстановить свою честь, достоинство, самооценку, уверенность, силы, доверие к окружающим и возможность верить в этом мире.

Однако следует также принять во внимание следующее: репарация жертвы пыток важна не только в отдельном случае, она является краеугольным камнем в построении общества, в котором не будет места пыткам. Причин для пыток может быть много, но неотъемлемой чертой становится внушенный страх — отдельной жертвы и общества в целом. Будучи коллективным, страх влияет на травму от пыток не только на общество, но и последующие поколения — детей и внуков.

Почему репарация справедлива

Репарация может видаться жертвам пыток, прежде всего, как моральная победа, как осознание государством своей ответственности за пытки. Это безусловное и прямое публичное признание, что лица, проводившие пытки, и государство попрали и нарушили определенные фундаментальные нормы.

Важным пунктом является то, что после пыток жертвы становятся недоверчивыми не только по отношению к самим себе, но и к людям и обществу, которые их окружают. Поскольку все стороны человеческой личности в процессе пыток попираются, то жертва очень легко чувствует общую утрату ценностей и, таким образом, равновесия в жизни. Репарации имеет целью восстановление этого равновесия путем утверждения, что

- жертва ничего не сделала, что оправдывает пытки;
- лицо, проводившее пытки, является неправым;
- государство не выполнило своей обязанности по защите граждан;
- жертва пыток является чем-то «ценным», пользуясь как экономическими, так и общечеловеческими терминами.

Репарация и социальная реинтеграция

Вероятно, что наиболее унижающим и вредным последствием пыток часто является последующая социальная изоляция жертвы. В некоторых случаях сам факт того, что человек подвергся пыткам, стоит на первом месте, а это само по себе может стать причиной для изоляции, если пытки являются «распространенным» преступлением. Однако даже если пытки могут показаться отчасти «героической» борьбой, социальная изоляция во многих случаях все же неизбежна. Социальное взаимодействие основывается на определенной степени доверия и открытости в отношениях с окружающими людьми, а также характеристики у жертв пыток заменяются недоверием и одиночеством.

Финансовая и материальная поддержка восстановительного режима способствуют социальной интеграции. Недостаточная материальная поддержка часто диспропорционально влияет на жертвы пыток, которые в большинстве случаев имеют проблемы со здоровьем, теряют работу, способность обеспечить свои семьи, возможность участвовать в социальной жизни. Кроме того, недостаточная материальная поддержка причиняет вред их социальной реинтеграции. Репарация же поддержит существование жертв, поможет избавиться от зависимости от своей семьи и родственников.

В этой связи важно, что жертва почувствует опору в жизни и ее безопасность. Профессиональная реабилитация, компенсация нанесенного увечья или гарантия недопущения пыток впредь станут относительной гарантией долговременной финансовой поддержки жертв пыток, что очень важно для пострадавших: будет ли вновь

создано солидное основание, на котором можно строить новую жизнь.

Что охватывает репарация?

Целью репарации должно быть обеспечение целой системы восстановления полнокровной жизни человека, подвергшегося пыткам.

В Основных принципах ООН [3], в Конвенции против пыток и других международных документах [4] предусмотрены права на реабилитацию, реституцию, компенсацию, сатисфакцию и гарантии недопущения впредь.

Реабилитация

Первостепенная цель реабилитации — восстановление здоровья жертвы пыток. Хотя физическая реабилитация служит фундаментальной предпосылкой реабилитации любого вида, психологическая требует более широких мер. Реституция, компенсация, сатисфакция и гарантии недопущения впредь зиждутся на психологической реабилитации жертв и признании, что им был причинен вред, что приняты соответствующие меры по возмещению этого вреда. Чтобы реабилитация была эффективной, следует обеспечить следующие аспекты:

- экспертиза реабилитации должна быть легко доступной;
- реабилитация должна быть бесплатной (включая такие вещи, как медикаменты и медобслуживание)
- услуги по реабилитации должны охватывать широкий диапазон — психологическая помощь, социальные службы, физиотерапия и т.д.;
- должна быть обеспечена политическая независимость реабилитационных услуг, если они являются частью системы охраны здоровья.

Реституция

Цель реституции — помочь жертве пыток воссоздать ситуацию, что схожа, насколько это возможно, с той, что была у жертвы до пыток. Это включает такие вещи, как возвращение жертве ее прав (например, восстановление свободы, семейной жизни, права гражданства и других свобод), собственности и т.д.

Компенсация

Ключевым положением, относящимся к компенсации, является оценка нанесенных повреждений. Компенсация — это материальное возмещение утрат, как явных, так и неявных. Основной вопрос компенсации — понимание определенных потерь жертв пыток и возмещение «только» за эти повреждения, наиболее заметен из которых вред, нанесенный здоровью. Жертвы пыток, однако, могут иметь и другие утраты, не обязательно заметные постороннему наблюдателю.

Сатисфакция и гарантия недопущения впредь

Сатисфакция есть важный элемент в публичном объявлении вреда, который государство причинило жертве.

Гарантия недопущения впредь является фундаментальной составляющей репарации, поскольку предоставляет жертве ощущение безопасности. Более того, судебное разбирательство против лиц, проводивших пытки, и борьба с безнаказанностью также придают репарации смысл правосудия. Судебные случаи могут послужить в качестве поучительных примеров, демонстрирующих ужас и трагические результаты пыток, внося тем самым вклад в сохранение исторической памяти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жертвам пыток наносится вред не в результате случайного происшествия или обстоятельств, находящихся вне чьего-то контроля, но при предусмотренных и чрезвычайно контролируемых обстоятельствах. Поэтому обязанность общества — взять на себя ответственность за жертвы пыток и их семьи. Репарация является фундаментальной стадией в длительном процессе реабилитации жертвы пыток, помогающей одержать моральную победу, предоставляющей материальную помощь, помогающей жертве физически и психологически выздороветь.

Парадокс пыток, равно как и большинства других нарушений прав человека, состоит в том, что их применение не требует больших затрат, но процесс возмещения весьма дорогостоящ. Репарация имеет свою цену — как финансовую, так и политическую, но эти затраты будут превышать цену дисфункционального общества, не способного обеспечить поддержку своего развития.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Репарация должна обеспечиваться путем целостного подхода, учитывающего сложность и многосторонность влияния, которые пытки оказывают на человека и на общество.

- Жертвам пыток следует предоставлять консультации о разработке системы репарации в любом отдельно взятом государстве; специальная помощь должна оказываться, таким образом, чтобы избежать повторной травматизации жертв в процессе предоставления репарации.
- Эффективная национальная система репарации должна включать необходимую финансовую поддержку как на национальном, так и на международном уровнях (например, Добровольный фонд для жертв пыток при Организации Объединенных Наций или другие учреждения, предоставляющие реабилитацию жертвам пыток).
- Юридическая помощь должна обеспечивать получение репарации.
- Репарация должна предоставляться как административная мера, чтобы способствовать этому процессу с надлежащей поддержкой юридической системы.
- Реабилитация должна происходить отдельно от уголовных процедур. Это значит, что репарация предоставляется на балансе возможностей и не в уголовном порядке, когда человек должен доказывать, что перенес пытки, без причин для сомнения.
- Требования, касающиеся репарации для жертв пыток, не должны быть предметом установленных ограничений (например, основания для исключения, сроки и назначение).

Признательность

Мы хотели бы поблагодарить всех членов Международного совета по реабилитации жертв пыток, которые потратили свое время, чтобы сделать вклад в этот документ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Всеобщая декларация прав человека (ст. 8); Международная Конвенция гражданских и политических прав (ст. 2 (3)); Конвенция

- против пыток и других форм жестокого и унижительного обращения или наказания (ст. 14).
2. Например, Акт провозглашения национального единства и примирения (от 26 июля 1995 г. в Южной Африке); Правила компенсации государством нанесенных повреждений лицам при проведении действий по наказанию (от 11 марта 1976 г. в Норвегии).
 3. Основные правила и руководства по праву на возмещение и репарацию для жертв нарушений международных прав человека и гуманитарных норм (Annex to UN Doc. E/CN.4/2000/62).
 4. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (Декларация Организации Объединенных Наций № 40 от 20 ноября 1985 г., принятая Генеральной Ассамблеей); статья 4 Европейской конвенции о компенсации для жертв преступлений насилия от 24 ноября 1983 года); случай постановления Европейского суда по правам человека (Ассенов против Болгарии от 28 октября 1998 года) или случай постановления внутри американского суда по правам человека (случай Лоавза Томаво в 1998 г.).

Библиография

1. Boven T van. Reparations for victims of gross violations of human rights. *Netherlands Quarterly of Human Rights* 1994; 12(1): 93–8.
2. Carmichael K, McKay F, Dishington W The need for redress. Why seek a remedy? *Reparation as rehabilitation. Torture* 1996; 6:7-9.
3. Espersen O, Genetke I. Considerations concerning criteria for financial compensation to victims of torture. Annex D in Report of the Panel of Experts appointed to Assist the United Nations Compensation Commission in Matters Concerning Compensation for Mental Pain and Anguish. Geneva: United Nations Compensation Commission, 1994.
4. Gordon N. Compensation suits as an instrument in the rehabilitation of tortured persons. *Torture* 1994;4(4):.11-4.
5. Ingadottir T, Shelton D. The International Criminal Court: re parations to victims of crimes (article 75 of the Rome Statute) and the Trust Fund (article 79), recommendations for the Court Rules of Procedure and Evidence. New York: Center on International Cooperation, New York University, 1999.
6. Lillich RB. Damages for gross violations of international human rights: US courts' cases and a proposed international convention fur the redress of human rtghts violatiofls. *Torture* 1996; 6:56–7
7. Marcussen H. Compensation for torture. *Torture* 1994; 4: 75.
8. Maslen S. Promoting the right to reparation for survivors of torture: what role for a permanent international criminal court? London: Redress, 1997.

9. Pross C. Paying for the past: the struggle over reparations for surviving victims of the Nazi terror. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press. 1998.
10. Rodriguez Rescia VM. Las reparaciones en el sistema interamericano de protección de derechos humanos. Revista IIDH 1996.
11. Shelton D. Remedies in international human rights law. Oxford: Oxford University Press. 1999
12. Sooka Y. The Truth and Reconciliation Commission: the concept of reparation and the rights of victims to proper compensation. Freedom of Expression Institute Update 1995, October November.
13. Bassiouni M Cherif. Final report of the Special Rapporteur, submitted in accordance with Commission resolution 1999/33 UN Doc. E/CN.4/2000/62.
14. Bassiouni M Cherif. Report of the independent expert on the right to restitution, compensation and rehabilitation for victims of grave violations of human rights and fundamental freedoms, submitted pursuant to Commission on Human Rights resolution 1998/43. UN Doc. E/CN.4/1999/65.
15. Various reports and studies by Theo van Boven on the right to reparation; UN Docs. reparation; UN Docs. E/CN.4/Sub.2/1996/17, E/CN.4/Sub.2/1996/18, E/CN.4/Sub.2/1992/8, E/CN.4/Sub.2/1990/10.
16. Report of the sessional working group on the administration of justice and the question of compensation. UN Doc. E/CN.4/Sub.2/1996/16. ■

Правовые аспекты войны в Афганистане и другие элементы антитеррористической кампании

<http://hrw.org/russian/backgrounders/2001/afghanistan-legal-issues.html>

Данный обзор подготовлен сотрудниками Международной правозащитной организации Human Rights Watch. На примере войны США в Афганистане в 2001 г. и используя базу международного права, авторы доказывают, что государства не вправе вести войну любыми средствами, даже с неявным противником. Главной целью международного гуманитарного права, известного также как законы и обычаи войны, является защита мирного населения и других лиц, не участвующих в военных действиях.

Беспрецедентные удары 11 сентября 2001 г. по зданиям Всемирного торгового центра и Пентагону, унесшие жизни тысяч мирных граждан, представляют собой уголовное преступление как по американскому законодательству, так и по меркам международного права. В частности, как умышленное убийство в связи с широкомасштабным нападением на гражданское население, они квалифицируются как преступление против человечества, уголовно наказуемое в лю-

© Human Rights Watch, 2001.

бой стране мира. Главным подозреваемым является Усама бен Ладен — скрывающийся в Афганистане гражданин Саудовской Аравии, который, как полагают, и был вдохновителем и организатором террористической сети, обучал и финансировал боевиков. Утверждается, что с ним связаны также организации, созданные для тайных операций против военных и гражданских объектов в США, и вооруженные формирования, действующие в составе афганского движения «Талибан».

Ответной реакцией стали удары антитеррористической коалиции по вооруженным силам талибов и объектам, связываемым с бен Ладеном и его террористической сетью. Новый международный конфликт наложился на затяжную гражданскую войну или внутренний вооруженный конфликт между движением «Талибан» и противостоящим ему Объединенным фронтом (Северным альянсом).

Как будет доказано ниже, государства не вправе вести войну любыми средствами, даже с неявным противником. Главной целью международного гуманитарного права, известного также как законы и обычаи войны, является защита мирного населения и других лиц, не участвующих в военных действиях. Воюющие стороны обязаны различать комбатантов и некомбатантов. Существует требование о сведении к минимуму ущерба для гражданских лиц и гражданского имущества и вытекающий из него запрет нанесения таких ударов, которые привели бы к непропорциональному ущербу для гражданского населения и были бы неизбирательными по характеру своего воздействия.

В период вооруженного конфликта сохраняет силу и ряд международных правовых норм в области прав человека. Приостановление некоторых прав не допускается даже в условиях чрезвычайного положения. Речь идет о запрете произвольного лишения жизни, пыток, суда постфактум, а также о свободе религии. Ограничение других гражданских и политических свобод допустимо, но лишь при соблюдении строго определенных условий: такое ограничение должно вводиться на определенный период, исключать возможность дискриминации отдельных лиц и только в объеме, безусловно необходимом с учетом остроты положения, при котором жизнь нации находится под угрозой.

Рассматриваемые два корпуса правовых норм — гуманитарное право и права человека — могут одновременно применяться для географически разных районов. Например, вооруженный конфликт в

одной стране будет подпадать под действие главным образом гуманитарного права, в то время как борьба правоохранительных органов с преступными группировками в другой стране должна регламентироваться правозащитными нормами со всей полнотой гарантий в области использования силы и справедливости правосудия, даже если такие группировки и были бы связаны с одной из сторон конфликта в первой стране. В силу этого вопрос об отнесении стороны, противостоящей США и их союзникам по складывающейся антитеррористической коалиции, к преступникам или военному противнику является не только чисто политическим, поскольку от его решения зависят такие важнейшие моменты, как условия применения силы на поражение. Далее будут рассмотрены различные аспекты и связь между требованиями международных норм в области прав человека и гуманитарного права.

- Законность применения США военной силы в ответ на теракты 11 сентября
- Понятие международного гуманитарного права
- Основные различия между гуманитарным правом и стандартами в области охраны правопорядка
- Нормы международного гуманитарного права, регулирующие войну, в которой одной из сторон являются негосударственные субъекты
- Проблема выбора правоохранительного или военного преследования подозреваемых Соединенными Штатами или их партнерами по коалиции
- Законность физического устранения лиц, подозреваемых в терроризме
- Возможность назначения США награды за убийство Усамы бен Ладена или других подозреваемых в свете заявления Дж.Буша об объявлении бен Ладена в розыск «живым или мертвым»
- Возможность привлечения пленных к уголовной ответственности и последствия признания их военнопленными
- Преступления, по которым возможно уголовное преследование организаторов и исполнителей терактов 11 сентября
- Место привлечения подозреваемых к уголовной ответственности
- Положения международного гуманитарного права, применимые к конфликту в Афганистане
- Международно-правовые ограничения объектов нападения

- Законность ударов, направленных на деморализацию мирного населения или ослабление его поддержки военных усилий противной стороны
- Конкретные цели авиаударов в Афганистане
- Международно-правовые ограничения методов нападения
- Использование гражданского населения в качестве «живого щита»
- Вероятность гибели зимой тысяч афганских перемещенных лиц от голода и холода и гуманитарное право
- Виды оружия и средства нападения, запрещаемые гуманитарным правом
- Обязанность соблюдения норм гуманитарного права вне зависимости от действий противной стороны
- Ответственность США в случае нарушения их союзниками законов и обычаев войны

Законность применения США военной силы в ответ на теракты 11 сентября

Вопрос о законности войны против государств, причастных к террористической деятельности или попустительствующих ей, является сложным и вызывает серьезные споры (см., например: <http://www.crimesofwar.org/> и <http://www.asil.org/insights/>). Устав ООН ограничивает право государств на использование военной силы при разрешении международных споров. Законным является использование военной силы в случае индивидуальной или коллективной самообороны, или с санкции Совета безопасности в случае акта агрессии, или наличия другой угрозы международному миру и безопасности.

В интересах поддержания непредвзятости и авторитетности анализа соответствия войн нормам международного гуманитарного права Хьюман Райтс Вотч не ставит вопрос о законности или справедливости конкретной войны. Как и у Международного комитета Красного Креста, центральным пунктом нашего мандата во время войны служат собственно методы ее ведения (*jus in bello*), а не вопросы законности войны как таковой (*jus ad bellum*). Исключение делается только в случае призыва к военному вмешательству как к единственному средству прекращения массовой гибели людей, граничащей с геноцидом, как это было в Боснии и Руанде в 1990-х годов. Поэтому здесь мы рассматриваем именно вопросы *jus in bello* в контексте международного гуманитарного права.

Понятие международного гуманитарного права

Международное гуманитарное право регламентирует действия сторон международного и внутреннего вооруженного конфликта. В числе прочего, оно основано на четырех Женевских конвенциях 1949 г. и двух Дополнительных протоколах к ним 1977 г., Гаагских конвенциях 1907 г. о средствах и методах войны, а также на общепризнанных международных обычаях. К 7 октября 2001 г. Афганистан большую часть последнего десятилетия находился в состоянии гражданской войны, подпадающей под международные правовые нормы о внутренних вооруженных конфликтах. Действия антитеррористической коалиции после 7 октября — это сфера применения норм международного вооруженного конфликта, наиболее подробно разработанных и предусматривающих наибольшую степень защиты как для гражданского населения, так и для военнослужащих.

В основе международного гуманитарного права лежит обязанность защиты жизни гражданского населения, а также здоровья и неприкосновенности мирных жителей и других категорий некомбатантов, включая раненых или пленных, а также сложивших оружие. В частности, запрещается нападение на этих лиц или умышленное причинение им физического вреда.

Фундаментальное значение для международного гуманитарного права имеет различие между комбатантами и некомбатантами. В то время как в отношении первых, как и их командования, применение силы на поражение признается оправданным, нападения на гражданских лиц и некомбатантов запрещаются при любых обстоятельствах. Более того, как будет показано ниже, предполагаемые последствия для некомбатантов в каждом конкретном случае нападения не должны быть чрезмерными по сравнению с тем военным преимуществом, которое предполагается в результате такого нападения получить.

Основные различия между гуманитарным правом и стандартами в области охраны правопорядка

Международное гуманитарное право не запрещает убийство противника военнослужащими даже при отступлении, до тех пор, пока противник не ранен, не захвачен в плен или иным образом не выведен из строя. В отличие от этого международные стандарты в области охраны правопорядка запрещают представителям правоохранительных органов использовать силу на поражение в отношении подозреваемых, за исключением случаев, когда это безусловно необ-

ходимо для защиты себя или третьих лиц от реальной угрозы жизни либо серьезного вреда здоровью. После заключения под стражу подозреваемый может быть привлечен к ответственности за любой акт насилия, в то время как при международном конфликте захваченные комбатанты противной стороны не несут ответственности за сам факт участия в военных действиях, хотя и могут быть преданы суду за уголовные преступления, военные преступления и преступления против человечества.

Нормы международного гуманитарного права, регулирующие войну, в которой одной из сторон являются негосударственные субъекты

Как уже отмечалось, наиболее четко разработан инструментарий, относящийся к вооруженным конфликтам между государствами. Военные действия между антитеррористической коалицией и режимом талибов в Афганистане можно отнести к данной категории. Те же нормы работают и в случаях, когда на стороне одного из государств действуют полувоенные формирования, включенные в состав вооруженных сил. Представляется, что именно так обстоит дело с военным крылом «Аль-Каиды» в Афганистане, называемым иногда 55-й бригадой сил движения «Талибан». При этом остается открытым вопрос, какими нормами регламентируются возможные операции США по преследованию «Аль-Каиды» или других террористических групп за пределами Афганистана, особенно если такие группы не будут входить в состав вооруженных сил ни одного из государств.

Разумеется, термин «война» неоднократно применялся при обозначении кампаний борьбы с преступностью, в частности с наркокартелями или мафией. Однако такие кампании на деле представляют собой, даже при участии военных, широкую операцию по обеспечению правопорядка, но не боевые действия вне рамок уголовной юстиции. В таком случае работают традиционные нормы в области защиты прав человека.

При этом гуманитарное право все же применяется к определенным конфликтам с участием негосударственных субъектов, к которым относятся и мятежники в условиях гражданской войны. В своих Комментариях к статье 3 Женевских конвенций 1949 г. МККК раскрывает позицию государств, участвовавших в разработке данного положения. По мнению Красного Креста, государства признают наличие вооруженного конфликта по смыслу гуманитарного пра-

ва в том случае, если противостоящая сторона организационно оформлена, находится под ответственным командованием, контролирует определенную территорию и имеет возможность обеспечивать соблюдение норм гуманитарного права. Будучи достаточно аморфной сетью групп и отдельных лиц в около 60, как утверждают, странах, «Аль-Каида» вряд ли отвечает этим критериям, по крайней мере, за пределами Афганистана.

Хьюман Райтс Вотч придерживается убеждения, что даже в случае использования военной силы против негосударственных субъектов, не обладающих всеми перечисленными признаками, основные принципы гуманитарного права все же должны соблюдаться. В Комментариях МККК также утверждается, что основные гарантии по статье 3 Женевских конвенций 1949 г. применяются и к тем «негосударственным» комбатантам, которые не в полной мере отвечают установленным критериям повстанческих сил. При том что Комментарии МККК рассматривают ситуацию гражданской войны, аналогичный подход должен иметь место и в случае международного конфликта с участием негосударственных субъектов.

Проблема выбора правоохранительного или военного преследования подозреваемых Соединенными Штатами или их партнерами по коалиции

Как указывалось выше, Хьюман Райтс Вотч не затрагивает вопроса о законности или справедливости конкретного случая военного вмешательства. Однако при отсутствии вооруженного конфликта с определенным государством мы настаиваем на соблюдении обычного корпуса процессуальных гарантий до того момента, когда будет исчерпана целесообразность правоохранительных действий. Соответственно, до тех пор, пока сохраняется целесообразность использования имеющихся инструментов уголовного судопроизводства, мы выступаем против использования военной силы в отношении внутреннего противника. В противном случае применение военной силы автоматически отменяет такие уголовно-процессуальные гарантии, как право на жизнь, свободу и справедливый суд.

Законность физического устранения лиц, подозреваемых в терроризме

Международное гуманитарное право в период вооруженного конфликта разрешает нападения на войска противника и его командова-

ние, даже высшее, при условии соответствия таких нападений принципу защиты гражданского населения. Однако казнь военнопленных или нанесение ударов по некомбатантам относятся к военным преступлениям. В ситуациях, не доходящих до вооруженного конфликта, международные стандарты в области охраны правопорядка налагают дополнительные ограничения. Представители правоохранительных органов вправе использовать силу на поражение только для защиты себя или третьих лиц от реальной угрозы жизни или серьезного вреда здоровью, но не для убийства подозреваемого, скажем, при попытке к бегству в отсутствие такой угрозы. Действие этих положений гуманитарного права и правозащитных норм распространяется не только на государственные силы безопасности, но и на любых агентов, которых те могут привлечь.

С 1976 г. все американские президенты неизменно подтверждают директиву, запрещающую политические убийства. Ее принятие последовало за разоблачениями предыдущих покушений и попыток покушений на политических деятелей разных стран. В соответствии с вышеуказанными нормами такая директива не распространяется на комбатантов противной стороны и их командование в условиях вооруженного конфликта и не запрещает представителям правоохранительных органов использовать силу для предотвращения угрозы жизни или здоровью. Однако она совершенно правомерно запрещает при любых обстоятельствах внесудебную расправу и умышленное убийство (кроме как в отношении комбатантов в условиях вооруженного конфликта) как альтернативу имеющимся инструментам уголовного преследования.

Возможность назначения США награды за убийство Усамы бен Ладена или других подозреваемых в свете заявления Дж. Буша об объявлении бен Ладена в розыск «живым или мертвым»

Назначение вознаграждения за смерть человека является побуждением к внесудебной расправе, что запрещено при любых обстоятельствах.

Возможность привлечения пленных к уголовной ответственности и последствия признания их военнопленными

Военнопленными считаются определенные категории комбатантов в условиях международного вооруженного конфликта, «попав-

шие во власть неприятеля». Они не подлежат уголовной ответственности за сам факт принадлежности к комбатантам, т.е. за вооруженное противостояние противной стороне. При этом уголовная ответственность может наступить для них за те же преступления, по которым могут привлекаться силы держащей в плену державы, т.е. за собственно уголовные преступления, военные преступления и преступления против человечества. Даже в случае осуждения военнопленных остаются под защитой Третьей Женевской конвенции 1949 г.

США и их союзники пока четко не заявили о том, намерены ли они признавать военнопленным и обращаться соответствующим образом с любым захваченным в Афганистане комбатантом. В условиях международного конфликта военнопленным считается личный состав вооруженных сил одной из сторон. При том что вооруженные силы талибов контролируют большую часть территории Афганистана, США (как и ООН) не признают их законным правительством. В прошлом американское руководство подтверждало приверженность принципу гуманитарного права о признании (в случае сомнений) захваченного лица военнопленным до тех пор, пока его положение не будет определено компетентным судом. Исходя из того, что и США и Афганистан являются участниками Третьей Женевской конвенции (об обращении с военнопленными), обе эти стороны обязаны соблюдать ее положения вне зависимости от того, признают ли они противостоящие силы принадлежащими законному правительству.

«Иррегулярные» формирования, такие как ополчение или добровольческие отряды, к которым относятся и любые формирования, связанные с «Аль-Каидой», могут в случае захвата быть отнесены к военнопленным при следующих условиях (Третья Женевская конвенция): имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных; открыто носят оружие; имеют определенный и ясно видимый издали отличительный знак и соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны. В случае сомнений они также считаются военнопленными до решения компетентного суда.

Указанные требования были несколько смягчены Первым дополнительным протоколом к Женевским конвенциям, который разрешил комбатантам, если они открыто носят оружие, в определенных обстоятельствах считаться военнопленными и при отсутствии отличительных знаков (формы). США, в отличие от ряда стран участниц коалиции, не являются участником этого протокола, и его положе-

ния не являются для США обязательными, поскольку не считаются общепризнанным международным обычаем.

Захваченные комбатанты, не отвечающие критериям военнопленных, должны считаться задержанными, и на них не распространяются гарантии, предоставляемые военнопленным: в частности, они могут быть преданы суду за участие в военных действиях. При этом, однако, в период содержания под стражей по отношению к ним действует такой же режим обращения, как и к гражданским лицам, с соответствующими гарантиями, предусмотренными гуманитарным правом и правозащитными стандартами.

Нормы международного гуманитарного права, относящиеся к внутреннему вооруженному конфликту, не предполагают предоставления статуса военнопленного комбатантам, захваченным противной стороной.

Преступления, по которым возможно уголовное преследование организаторов и исполнителей терактов 11 сентября

Уголовное преследование организаторов, пособников или подстрекателей терактов 11 сентября может осуществляться американскими властями по таким составам преступления, как убийство и похищение. Помимо этого, угон самолета может подпадать под действие разных международных договоров в области борьбы с терроризмом. Наконец, эти деяния могут быть квалифицированы как преступление против человечества.

Согласно последнему по времени определению преступлений против человечества, содержащемуся в Уставе Международного уголовного суда, убийство и «другие бесчеловечные деяния аналогичного характера, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений, или серьезного ущерба психическому либо физическому здоровью», составляют преступление против человечества, если они «совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, и если такое нападение совершается сознательно». Хьюман Райтс Вотч полагает, что умышленный угон пассажирских самолетов и их использование в качестве орудия разрушения офисных комплексов, в результате которого погибло около 5 тыс. человек, могут быть признаны «широкомасштабным нападением». Большинство судебных прецедентов по преступлениям против человечества относятся к деяниям, совершенным в период войны по приказу государственной

власти, однако в последнее время юриспруденция стала признавать возможность совершения таких преступлений также в условиях мира и негосударственными субъектами.

Место привлечения подозреваемых к уголовной ответственности

Преступления против человечества, военные преступления и случаи нарушения таких договоров, как Гаагская конвенция по борьбе с незаконными захватами воздушных судов, подпадают под универсальную юрисдикцию, т.е. подозреваемых можно судить в любой стране, вне зависимости от гражданства или места совершения преступления. Универсальная юрисдикция может быть задействована конкретным государством, когда это предусмотрено национальным законодательством. В случае, однако, если государство не привлекает подозреваемого к уголовной ответственности, оно обязано выдать его другому государству, которое готово и будет иметь возможность предать подозреваемого суду.

Сохранение в США смертной казни затрудняет выдачу из стран Европы, где это наказание отменено. Хьюман Райтс Вотч выступает против любых видов смертной казни и отмечает преобладание в мире тенденции к ее отмене. Как правило, европейские государства перед выдачей требуют от США гарантий того, что к выдаваемому лицу не будет применяться смертная казнь, и такие гарантии в последнее время в большинстве случаев предоставляются.

Высказывается также мнение о необходимости предания подозреваемых в терактах 11 сентября международному суду. Это возможно, поскольку преступления могут быть отнесены к универсальной юрисдикции. Но, в связи с тем, что Международный уголовный суд находится пока в процессе создания и по определению не имеет обратной юрисдикции, этот институт не сможет принять дело к рассмотрению. В данной ситуации возможно создание специального международного трибунала — по аналогии с трибуналами по бывшей Югославии и Руанде под эгидой Совета Безопасности ООН, или же всеми либо частью государств, граждане которых пострадали в результате терактов.

Положения международного гуманитарного права, применимые к конфликту в Афганистане

И США и Афганистан являются участниками Женевских конвенций 1949 г. Обязывающими для них служат также общепризнан-

ные международные обычаи. Многие из стран — членов НАТО и других потенциальных участников коалиции являются также участниками Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям. При том что ни США, ни Афганистан не являются участниками Первого протокола, США признают многие его положения как отражающие международные обычаи. Помимо этого, как государство, подписавшее (но не ратифицировавшее) Протокол I, США приняли на себя международно-правовое обязательство воздерживаться от действий, которые могли бы привести к подрыву данного международного договора.

Международно-правовые ограничения объектов нападения

Фундаментальным принципом международного гуманитарного права является концепция «гражданской неприкосновенности». При любых обстоятельствах запрещаются прямые нападения на мирное население: умышленные действия такого рода есть грубое нарушение гуманитарного права, или военное преступление. В каждом случае поэтому первостепенный долг — определить и провести различия между комбатантами и некомбатантами; оперативная либо разведывательная информация может оказаться при этом недостаточной. Ярким примером последнего может служить удар сил НАТО по колонне беженцев в Косово в 1999 г., когда цель была ошибочно определена как военная.

К некомбатантам относятся также военнослужащие, выведенные из строя вследствие ранения, пленения или по другим причинам; при этом комбатанты остаются законной военной целью и в период, свободный от выполнения ими боевых задач. Гражданские лица в случае участия их в боевых действиях лишаются международно-правовой защиты, однако после возвращения к мирной жизни действие гарантий возобновляется. Политические деятели не являются законной военной целью, кроме как в случаях, когда они в силу занимаемой должности или прямого участия в военных действиях фактически становятся комбатантами. Согласно определению МККК, прямое участие в военных действиях означает «акты войны, которые по своему характеру и направленности могут нанести реальный ущерб личному составу и боевой технике вооруженных сил противника»; к ним относится и оборона. Таким образом, законной военной целью будут политики, на практике осуществляющие командование силами государства, но не работники, скажем, министерства

образования (за исключением каких-то редких и маловероятных случаев).

По общему правилу, запрещаются также удары по «гражданским объектам», к которым относятся жилые дома, места отправления религиозных культов, больницы, школы или памятники культуры, если только они не используются в военных целях. К военным объектам относятся такие, что вносят «эффективный» вклад в военные действия и разрушение, захват или нейтрализация которых дает «явное» военное преимущество. В случае сомнений объект должен считаться гражданским.

Гражданский характер объекта сам по себе не обязательно предполагает гарантии неприкосновенности, если такой объект соответствует упомянутым критериям военного. Однако в таких случаях «двойного назначения» к объекту может применяться принцип пропорциональности (см. ниже).

Меры предосторожности по защите гражданского населения должны приниматься даже в тех случаях, когда объект нападения используется в военных целях. Одной из таких мер является эффективное заблаговременное предупреждение, когда обстоятельства позволяют» это (см. ниже). Другая мера — это избежание нападения, в результате которого гражданскому населению может быть причинен непропорциональный ущерб, т.е. нападения, «которое, как можно ожидать, вызовет случайные жертвы среди гражданского населения, ранения гражданских лиц и нанесет случайный ущерб гражданским объектам, или и то и другое вместе, которые были бы чрезмерными по отношению к конкретному и прямому военному преимуществу, которое предполагается получить».

Законность ударов, направленных на деморализацию мирного населения или ослабление его поддержки военных усилий противной стороны

Законными являются только те цели, которые «в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное либо частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество». Хьюман Райтс Вотч придерживается мнения, что действия, направленные на подрыв духа гражданского населения, не отвечают данным критериям, более того, в самой основе своей противоречат цели

международного гуманитарного права — защите гражданских лиц. Такие действия, несомненно, могут подорвать боевой дух противника, но одновременно будет подорван и принцип гражданской неприкосновенности. Открывается путь к нападениям и собственно на гражданских лиц и гражданские объекты. К тому же гуманитарное право прямо запрещает «акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население».

За исключением упомянутого, международное право не запрещает воздействовать на настроение населения или политическую волю невоенными средствами, в том числе пропагандистскими, дипломатическими и пр. Разрешаются и нападения на военные объекты с целью подрыва боевого духа вооруженных сил, если только такие удары не причиняют чрезмерного ущерба гражданскому населению.

Конкретные цели авиа-ударов в Афганистане

Судя по предварительной информации, англо-американские силы наносят удары по авиации и системам ПВО, военным штабам, командным пунктам и узлам связи, лагерям боевой подготовки, передовым позициям и аэродромам. За исключением последних, все эти цели, безусловно, относятся к военным и могут быть объектом нападения при соблюдении принципа пропорциональности гражданского ущерба.

Аэродромы, дороги и мосты могут быть объектами двойного назначения, поскольку зачастую используются как в военных целях, так и для доставки гуманитарной помощи гражданскому населению. К данной категории относятся и объекты электроэнергетики. Большинству населения в Афганистане электричество недоступно, однако отдельные гражданские объекты в городах (к примеру, больницы) нуждаются в электроснабжении.

В тех случаях, когда объект может быть использован и для нужд гражданского населения, необходимо тщательно сопоставлять последствия с предполагаемым военным преимуществом, рассматривать все возможности минимизации таких последствий и отказываться от нанесения удара, если гражданский ущерб превышает военное преимущество.

Международно-правовые ограничения методов нападения

Логическим производным принципа гражданской неприкосновенности является общий запрет нанесения неизбирательных ударов.

Нападение считается «неизбирательным», если его воздействие не ограничивается или не может быть ограничено военными целями и «которое, таким образом, поражает военные объекты и гражданских лиц или гражданские объекты без различия». Типичными примерами могут служить ковровые бомбежки населенных районов, где располагаются военные цели, или установка противопехотных мин. К неизбирательным относятся также нападения, которые, как указывалось выше, чреватые случайными жертвами среди гражданского населения, ранениями гражданских лиц и ущербом гражданскому имуществу, чрезмерным по отношению к «конкретному и прямому военному преимуществу», которое предполагается получить. Хьюман Райтс Вотч придерживается мнения о необходимости оценки пропорциональности в каждом случае нанесения удара и для каждой цели, а не в отношении конфликта в целом.

В тех случаях, когда гражданскому населению может угрожать опасность, закон требует осторожного и взвешенного подхода. Обязанность принимать все разумные меры по минимизации гражданского ущерба требует от командного состава выбирать соответствующие средства нападения. При наличии у одной из сторон конфликта высокоточного оружия она обязана преимущественно использовать последнее в населенных районах или вблизи них. Точно так же при наличии нескольких целей, позволяющих получить сопоставимое военное преимущество, командование должно выбирать ту, поражение которой сопряжено с наименьшим ущербом для гражданского населения и гражданских объектов. Каждая из сторон конфликта обязана также делать «эффективное заблаговременное предупреждение о нападениях, которые могут затронуть гражданское население, за исключением тех случаев, когда обстоятельства этого не позволяют» (при необходимости использовать элемент внезапности). Например, если мост или крупная автомагистраль используется и военными, и гражданскими, противная сторона обязана выявить возможное наличие альтернативных целей, которые позволили бы получить сопоставимое преимущество при меньшем риске для гражданского населения; а также определить целесообразность предупреждения и время суток, когда сопутствующие потери могли бы быть минимальными. Наконец, если характер цели вызывает сомнения или если нападение представляется неизбирательным, то оно должно быть отложено или отменено.

Использование гражданского населения в качестве «живого щита»

Участники конфликта должны в максимально возможной степени принимать меры предосторожности в отношении последствий нападения для гражданских лиц. К таким мерам относятся, в частности, удаление гражданского населения от военных объектов и отказ от размещения военных объектов в густонаселенных районах или вблизи от них.

Нарушение этого правила одной из сторон не освобождает противную сторону от обязанности — при оценке законности нападения — учитывать риск сопутствующих потерь. Сопоставление военного преимущества с гражданским ущербом необходимо в любом случае.

Вероятность гибели зимой тысяч афганских перемещенных лиц от голода и холода и гуманитарное право

Использовать голод в качестве метода ведения войны запрещается, равно как и другие методы, направленные на причинение ущерба природной среде или объектам, необходимым для выживания гражданского населения (например, запасам продовольствия и воды). В условиях политических репрессий и последствий войны, насилия и засухи население Афганистана уже на протяжении многих лет испытывает острую нехватку продовольствия и недостаток медицинской помощи. В нынешней ситуации новая волна паники усугубляет уже имеющийся кризис: эвакуация иностранного гуманитарного персонала и свертывание гуманитарной помощи ставит под угрозу жизнь тысяч гражданских лиц. Предполагать сознательный расчет на это в действиях США или кого-либо из союзников нет оснований. Однако антитеррористическая коалиция не должна сбрасывать такую опасность со счета при оценке гражданских последствий удара по любой военной цели. Так, определенные дороги, мосты и аэродромы в обычной ситуации являются законными военными целями, но в случае доставки гуманитарной помощи в зимний период нападение на эти объекты будет нарушением принципа пропорциональности и как таковое должно быть запрещено.

Помимо необходимости учета положения гражданского населения при принятии военных решений, Хьюман Райтс Вотч полагает

предоставление гуманитарной помощи и принятие других эффективных и упреждающих мер по предотвращению голода и массовой гибели мирных жителей — это моральный долг США и их союзников по коалиции, а также всего мирового сообщества.

Виды оружия и средства нападения, запрещаемые гуманитарным правом

Основополагающим является запрет на применение оружия и методов, способных причинить излишние повреждения или излишние страдания. В свое время одним из первых видов оружия, противоречащим данному принципу, были признаны разрывные пули; современным примером может служить лазерное оружие ослепляющего действия. Указанный запрет, как и запрет на оружие неизбирательного воздействия, лежит в основе запрещения целого ряда видов вооружений. К ним относятся, в частности, биологическое и химическое оружие и противопехотные мины.

Кассетные бомбы, которые широко использовались во время войны в Персидском заливе и на начальном этапе НАТОвской операции в Косово, представляют для мирного населения не меньшую опасность, чем противопехотные мины. Практика свидетельствует, что процент неразорвавшихся поражающих элементов достаточно высок, и в результате на земле остаются крайне опасные боеприпасы неизбирательного характера. Проблема осложняется и большим числом поражающих элементов. Помимо этого, кассетные бомбы не относятся к высокоточному оружию, и при использовании вблизи населенных районов их воздействие также может быть неизбирательным. Хьюман Райтс Вотч настоятельно призывает США и их союзников полностью отказаться от использования противопехотных мин, а использование кассетных бомб ограничить ситуациями, когда это не сопряжено со смертельной опасностью для мирного населения.

Обязанность соблюдения норм гуманитарного права вне зависимости от действий противной стороны

В случае нарушения талибами или их союзниками норм международного гуманитарного права это не освобождает от обязательств противную сторону — США и их союзников по антитеррористической коалиции.

Ответственность США в случае нарушения их союзниками законов и обычаев войны

США несут прямую ответственность за действия любых сил, находящихся под их эффективным контролем. Помимо этого, Хьюман Райтс Вотч уже давно ставит вопрос о недопустимости предоставления помощи в области безопасности тем силам, в действиях которых просматривается устойчивая практика грубых нарушений прав человека и норм гуманитарного права. В частности, Хьюман Райтс Вотч настаивает на том, что такая помощь не должна оказываться никакой группе или коалиции, в состав которой входят командиры, допускаявшие серьезные нарушения гуманитарного права и не понесшие за это наказания. К ним, среди прочих, относятся генерал Абдул Рашид Дустум, командующий узбекскими силами; Хаджи Мухаммад Мухаккик, один из командиров формирований хазарейцев-шиитов (партия «Хизб-и-Вахдат»); Абдул Расул Сайяф, лидер не действующей ныне суннитской партии «Иттихад-и-Ислами»; Абдул Малик Пахлаван, в прошлом один из командиров узбекских сил.

Мы также настоятельно призываем к созданию механизмов привлечения виновных к ответственности, что должно послужить делу торжества справедливости и недопущению этих лиц в будущем к руководству Афганистаном. ■

Пьер Апраксин

Международное гуманитарное право и право прав человека: сходства, различия, взаимодополняемость ¹

<http://www.hro.org/editions/karta/nr2627/pravo.htm>

Пьер Апраксин, делегат-юрист Московской региональной организации Международного комитета Красного Креста

Выступая нейтральным посредником в случае вооруженных конфликтов и беспорядков, Международный комитет Красного Креста (МККК) направляет свои усилия на обеспечение защиты и оказание помощи жертвам международных и немеждународных конфликтов, внутренних беспорядков и напряженности.

Международное движение Красного Креста объединяет свыше 400 миллионов человек в 175 странах мира и состоит из национальных обществ Красного Креста (КК) и Красного Полумесяца (КП), Международного Комитета Красного Креста и Международной Федерации обществ КК и КП.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «международное гуманитарное право» в том смысле, в каком оно будет упоминаться ниже, означает **совокупность обязательств для государств правовых норм, которые направлены на защиту жертв вооруженных конфликтов международного и немеж-**

дународного характера и на ограничение средств и методов ведения войны. Во-первых, эта отрасль права защищает лиц, которые не принимают участия в военных действиях, например гражданских, медицинский и религиозный персонал, а также тех, кто прекратил принимать участие в военных действиях, например раненых, потерпевших кораблекрушение, больных, военнопленных. Отдельные местности и объекты, например больницы и санитарные транспортные средства, также пользуются защитой международного гуманитарного права и не должны быть объектом нападения. Во-вторых, международное гуманитарное право запрещает средства и методы ведения войны, при использовании которых не проводится различие между комбатантами и некомбатантами, например гражданскими лицами, а также средства и методы ведения войны, наносящие чрезмерные повреждения. Эти принципы лежат в основе международных соглашений, запрещающих, например, биологическое и химическое оружие и противопехотные мины².

Основными источниками международного гуманитарного права являются четыре Женевские конвенции о защите жертв вооруженных конфликтов от 12 августа 1949 г.³ и два Дополнительных протокола к ним от 8 июня 1977 г.⁴ Эти договоры имеют универсальный характер. Так, участниками четырех Женевских конвенций на сегодня являются 188 государств, Дополнительного протокола I — 152 государства, Дополнительного протокола II — 144. Международное гуманитарное право включает также целый ряд других международных соглашений, направленных прежде всего на ограничение средств и методов ведения войны⁵. Следует подчеркнуть, что сегодня многие нормы международного гуманитарного права рассматриваются в качестве обычных норм, имеющих обязательную силу для всех без исключения государств, в том числе не являющихся участниками соответствующих международных договоров.

В своей основе нормы международного гуманитарного права призваны обеспечить равновесие между военной необходимостью и гуманностью. Исходя из этого, международное гуманитарное право налагает запрет на некоторые действия, например на бесполезные в военном отношении, совершаемые с особой жестокостью. Некоторые нормы этого права представляют собой компромисс между военной необходимостью и требованиями гуманности. Так, принцип пропорциональности допускает случайные потери среди гражданского населения в случае нападения, однако нападение не допуска-

ется, если существует опасность того, что они будут чрезмерными по отношению к военному преимуществу, которое предполагается получить⁶.

В основе прав человека лежит ценность человеческой личности. Такой подход находит отражение в положениях самих договоров по правам человека. Эти документы уделяют основное внимание правам и свободам, которые признаются за личностью, в то время как договоры в области международного гуманитарного права указывают, как воюющие стороны должны обращаться с лицами, оказавшимися в их власти.⁷ Обычно различают три поколения прав человека: *гражданские и политические права (право на жизнь, запрещение пыток, право на справедливое судебное разбирательство, право на неприкосновенность частной жизни, право на свободу мысли и слова, право на объединение и т. д.), экономические и социальные права (право на образование, право на труд, право на социальное обеспечение, право на охрану здоровья и медицинскую помощь и т. д.) и так называемые права третьего поколения (право на мир, право на развитие и т. д.)*. Права человека закреплены в многочисленных международных соглашениях регионального характера, как, например, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., и универсального, как Международные пакты о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г.

Некоторые права человека не имеют аналогов в международном гуманитарном праве. Международное гуманитарное право также не ставит перед собой цель адаптировать отдельные права человека к условиям вооруженного конфликта. Лишь в отношении некоторых прав имеют место частичные «пересечения». Несмотря на то, что некоторые права, предусмотренные международным гуманитарным правом и правом прав человека, направлены на один и тот же «атрибут» человеческой личности, например ее жизнь или достоинство, эти две отрасли права имеют различную материальную сферу применения и различную сферу применения в отношении лиц. Тем не менее, отдельные права, которые признаются за личностью как правом прав человека, так и международным гуманитарным правом, могут эффективно дополнять друг друга, и эту взаимодополняемость не следует недооценивать. Необходимо также отметить, что часто сходства и различия между двумя рассматриваемыми отраслями права осознаются недостаточно ясно.

В течение последних десятилетий все чаще подчеркивается связь между международным гуманитарным правом и правом прав человека. Это прослеживается в декларациях, резолюциях, рекомендациях и иных документах, принимаемых в рамках Организации Объединенных Наций⁸, а также непосредственно в соглашениях в области прав человека, которые нередко выражают идеи и обращаются к концепциям, характерным для международного гуманитарного права, и наоборот⁹. Эта связь прослеживается также в решениях органов, контролирующего соблюдение региональных соглашений в области прав человека, например в решениях Европейской комиссии и Суда по правам человека¹⁰.

Представляется целесообразным вначале сравнить сферы применения права прав человека и международного гуманитарного права (1), а затем определить различия и взаимодополняемость этих отраслей права, рассмотрев некоторые из предусматриваемых ими гарантий (2).

1. СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА И ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Международное гуманитарное право и право прав человека имеют различную материальную сферу применения (1.1) и различную сферу применения в отношении лиц (1.2). Сравнение сфер применения дает возможность обозначить как некоторые различия между этими отраслями права, так и их взаимодополняемость.

1.1. Материальная сфера применения

Международное гуманитарное право применяется только в случае вооруженного конфликта. Необходимо подчеркнуть, что применение этих норм определяется только наличием объективных условий и не зависит от того, как сами воюющие стороны квалифицируют ситуацию. Если возникает вооруженный конфликт между двумя или несколькими государствами, он квалифицируется как международный, даже в том случае, если воюющие стороны не признают состояния войны. В случае международного вооруженного конфликта применяются четыре Женевские конвенции и Дополнительный протокол I¹¹.

В случае вооруженного конфликта немеждународного характера, достигшего определенной степени интенсивности, применяется

Дополнительный протокол II и статья 3, общая для четырех Женевских конвенций, которые содержат комплекс довольно подробно разработанных норм. Вооруженные конфликты этого типа — это конфликты, *«происходящие на территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны, между ее вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол»*¹².

Если конфликт не достигает такой степени интенсивности, но тем не менее является внутренним вооруженным конфликтом, применяется только статья 3, общая для четырех Женевских конвенций, которая предусматривает минимальные нормы, применяемые в случае вооруженного конфликта. Для того чтобы определить наличие такого конфликта, необходимо чтобы столкновения, происходящие внутри государства между группами, которые прибегают к вооруженной борьбе, носили коллективный характер и отличались минимумом организованности¹³. Статья 3, общая для четырех Женевских конвенций, предусматривает:

— во-первых, *гуманное обращение с лицами, которые не участвуют в военных действиях*, что подразумевает: 1) запрещение посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности убийства и пытки; 2) запрет на взятие заложников; 3) запрещение посягательства на человеческое достоинство, в частности оскорбительного и унижающего обращения; 4) запрещение осуждения и применения наказания без судебного разбирательства, проведенного при соблюдении судебных гарантий;

— во-вторых, *оказание помощи раненым*.

Так как международное гуманитарное право по своей природе предназначено для применения в условиях вооруженного конфликта, оно не содержит общей оговорки о возможности отступления от обязательств в отношении ряда прав, которая применялась бы в случае войны.

Права человека применяются, в принципе, в любое время, т. е. как в мирное, так и во время войны. Большинство международных договоров по правам человека предусматривают положения, позволяющие государствам принимать меры в отступление от своих обязательств в отношении некоторых прав в чрезвычайных ситуациях,

например во время войны или иного чрезвычайного положения, угрожающего жизни нации¹⁴. Следовательно, применение многих прав человека возможно лишь вне таких чрезвычайных ситуаций. Тем не менее, от обязательств по некоторым правам человека нельзя отступать ни при каких обстоятельствах. Их применение никогда не может быть приостановлено. Эти права образуют так называемое **«неизменное ядро»** прав человека и включают право на жизнь, запрещение пыток и негуманного или унижающего обращения, запрещение рабства, принцип *nullum crimen sine lege* и *nulla poena sine lege*^{*}, принцип запрещения придания обратной силы уголовным законам¹⁵.

В «неизменное ядро» прав человека, от обязательств по которым нельзя отступать ни при каких обстоятельствах, не входит целый ряд норм, которые предусматриваются международным гуманитарным правом и которые, следовательно, будут применяться даже в отдельных чрезвычайных ситуациях, возникновение которых само по себе может быть основанием для отступления от тех же обязательств по правам человека, например, во время войны. Речь идет, в частности, об обязанности предоставлять защиту и оказывать помощь раненым, ограничениях на применение силы органами безопасности и охраны правопорядка, о судебных гарантиях¹⁶.

Следует подчеркнуть одну сложность. Существуют ситуации беспорядков и напряженности внутри страны, которые с точки зрения прав человека могут быть квалифицированы как чрезвычайные и могут быть основанием для приостановления действия некоторых прав человека. В то же время, с точки зрения международного гуманитарного права, эти ситуации не являются вооруженными конфликтами по смыслу Дополнительного протокола II или статьи 3, общей для четырех Женевских конвенций. Следовательно, в таких случаях права человека могут быть сведены к их «неизменному ядру», в то время как гарантии, предусмотренные международным гуманитарным правом, не будут применяться.

1.2. Сфера применения в отношении лиц

Права человека применяются ко всем людям. Так, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод предусматривает обязательство государств обеспечивать защиту всех лиц, находящихся под их юрисдикцией¹⁷.

Международное гуманитарное право, по всей видимости, имеет более узкую сферу применения в отношении лиц. Тем не менее, данный вопрос заслуживает подробного рассмотрения. Большинство норм, применяемых в случае международного вооруженного конфликта, касается лишь «покровительствуемых лиц», а к ним не относятся лица, находящиеся во власти государства, гражданами которого они являются¹⁸. Вместе с тем нормы, применяемые в случае внутреннего вооруженного конфликта, устанавливают обязательства государства в отношении его собственных граждан¹⁹. Кроме того, необходимо напомнить, что обязательство предоставлять защиту и помощь раненым, больным и потерпевшим кораблекрушение распространяется на всех этих лиц, независимо от того, к какой стороне они принадлежат²⁰. Наконец, исключительно важные «основные гарантии», предусмотренные статьей 75 Дополнительного протокола I, предоставляются всем лицам, которые затронуты международным вооруженным конфликтом и которые не пользуются более благоприятным обращением в соответствии с Женевскими конвенциями и Дополнительным протоколом I, в том числе лицам, находящимся во власти государства, гражданами которого они являются²¹.

Следует также отметить, что право прав человека традиционно предусматривает гарантии защиты человека от неправомерных действий официальных властей и должностных лиц государства. За некоторыми исключениями право прав человека не защищает человека от действий других лиц. Несколько иной подход принят в международном гуманитарном праве. Достаточно упомянуть, что некоторые нормы этого права специально предусмотрены для ситуаций внутреннего вооруженного конфликта и устанавливают обязательство, гарантирующие соблюдение прав лиц не только официальными властями и силовыми структурами государства, но и противостоящими им антиправительственными силами или силами оппозиции.

2. АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ПРАВ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫМ ГУМАНИТАРНЫМ ПРАВОМ И ПРАВОМ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Как уже подчеркивалось, связь между международным гуманитарным правом и правом прав человека прослеживается лишь в отношении отдельных гарантий, предусмотренных правом прав чело-

века. Представляется целесообразным рассмотреть некоторые из них и выделить сходства, различия и взаимодополняемость. Сфера применения международного гуманитарного права отличается от сферы применения права прав человека, а в основе норм международного гуманитарного права лежит учет специфики вооруженных конфликтов. За счет этих, а также некоторых других факторов международное гуманитарное право, несмотря на различия, существующие между этим правом и правом прав человека, может обеспечить дополнительную защиту лиц в ситуации вооруженного конфликта. Сравним, как рассматриваются в праве прав человека и международном гуманитарном праве право на жизнь (2.1), запрещение пыток и негуманного обращения (2.2) и судебные гарантии (2.3).

2.1. Право на жизнь

Право на жизнь традиционно рассматривается как первое и наиболее важное из прав человека, что закреплено в многочисленных соглашениях в этой области ²².

Право на жизнь входит в число прав, от обязательств по которым нельзя отступать ни при каких обстоятельствах. Это право никогда не может быть ограничено или приостановлено ²³.

Любой вооруженный конфликт представляет собой угрозу для жизни людей. Поэтому значительная часть норм международного гуманитарного права призвана обеспечить защиту жизни, в частности жизни людей, которые не принимают или перестали принимать участие в военных действиях. Этим лицам запрещено убивать, они также не могут становиться объектом нападения ²⁴. В то же время международное гуманитарное право не предусматривает защиту жизни комбатантов, принимающих участие в военных действиях ²⁵. Необходимо также подчеркнуть, что международное гуманитарное право налагает ограничения на применение смертной казни ²⁶.

Международное гуманитарное право обеспечивает защиту человеческой жизни, адаптируя ее к ситуации вооруженного конфликта. Более того, оно идет дальше в плане защиты жизни, чем собственно традиционное право на жизнь, предусматриваемое правом прав человека. Так, международное гуманитарное право запрещает использовать голод среди гражданского населения в качестве метода ведения войны и уничтожать объекты, необходимые для выживания гражданского населения ²⁷. Международным гуманитарным правом предусматриваются меры, увеличивающие вероятность выживания

гражданских лиц в период вооруженного конфликта, например, создание особых зон, в которых не располагаются никакие военные объекты²⁸. Это право устанавливает обязательство подбирать раненых и оказывать им необходимую помощь²⁹, определяет меры, которые должны быть приняты для того, чтобы обеспечить как можно более благоприятные условия жизни людей во время вооруженного конфликта³⁰. Международное гуманитарное право также содержит специальные нормы, касающиеся проведения операций по оказанию помощи и предоставления средств, необходимых для выживания гражданского населения³¹.

2.2. Запрещение пыток и негуманного обращения

Запрещение пыток и негуманного или унижающего достоинство обращения входит в «неизменное ядро» прав человека³².

Международное гуманитарное право также предусматривает абсолютный запрет на совершение подобных деяний³³.

Необходимо подчеркнуть, что пытки и негуманное обращение представляют собой серьезные нарушения Женевских конвенций и Дополнительного протокола I, а также военные преступления в соответствии с пунктом 5 статьи 85 этого Протокола. Лица, совершившие или приказавшие совершить те или иные серьезные нарушения, должны в обязательном порядке подвергаться уголовному преследованию на национальном уровне. Для этого государства должны ввести в действие уголовное законодательство, предусматривающее эффективные санкции за совершение военных преступлений, а также некоторые особые принципы пресечения этих деяний, как, например, универсальную юрисдикцию национальных судов³⁴. Пытки и негуманное обращение также представляют собой военные преступления согласно Уставу Международного уголовного суда, принятому 17 июля 1998 г.³⁵, и, следовательно, могут являться объектом международного преследования, осуществляемого этим новым судебным органом³⁶.

На основании Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним серьезные нарушения должны пресекаться лишь в том случае, если они были совершены во время международного вооруженного конфликта и при условии, что жертвами этих нарушений стали покровительствуемые лица³⁷. Ни общая для четырех Конвенций статья 3, ни Дополнительный протокол II, применяемые в период немеждународного вооруженного конфликта, соответствующего

обязательства не предусматривают. Но даже при отсутствии договорного обязательства пресекать в уголовном порядке деяния, совершенные в период внутреннего вооруженного конфликта, которые, будь они совершены в ситуации вооруженного конфликта международного характера, квалифицировались бы как серьезные нарушения, государства тем не менее обязаны преследовать их. Внутреннее законодательство ряда государств, например Бельгии, Дании, Испании, Канады, Нидерландов, Норвегии, Таджикистана, Финляндии и Швеции, предусматривает пресечение деяний, квалифицируемых как серьезные нарушения четырех Женевских конвенций и Дополнительного протокола I, независимо от того, совершены они во время международного или внутреннего вооруженного конфликта³⁸.

Затрагивая вопрос о пресечении таких нарушений на международном уровне, следует отметить, что Международные трибуналы по бывшей Югославии³⁹ и Руанде⁴⁰ обладают компетенцией рассматривать дела, связанные с серьезными нарушениями, совершенными в период немеждународного вооруженного конфликта. Согласно Уставу Международного уголовного суда, этот судебный орган также наделен компетенцией рассматривать дела, связанные с серьезными нарушениями международного гуманитарного права, совершенными в период внутреннего вооруженного конфликта. Этот Устав предусматривает четыре различные категории военных преступлений⁴¹. Две первые категории по смыслу Устава Международного уголовного суда применяются к международным вооруженным конфликтам⁴², третья и четвертая — к вооруженным конфликтам немеждународного характера. В частности, речь идет о серьезных нарушениях статьи 3, общей для четырех Женевских конвенций 1949 г., включая жестокое обращение и пытки⁴³.

Таким образом, механизм обязательного уголовного пресечения, установленный международным гуманитарным правом в отношении пыток и негуманного обращения, усиливает запрет на совершение этих деяний, предусмотренный правом прав человека⁴⁴.

2.3. Судебные гарантии

Важность судебных гарантий для эффективной защиты основных прав человека не подлежит сомнению. Тем не менее большинство международных соглашений в области прав человека не включают судебные гарантии в число прав, входящих в «неизменное ядро» прав человека, от обязательств по которым нельзя отступить ни при ка-

ких обстоятельствах⁴⁵. Следовательно, применение судебных гарантий, предусмотренных правом прав человека, может быть приостановлено в случае войны или иного чрезвычайного положения, угрожающего жизни нации⁴⁶.

В международном гуманитарном праве судебные гарантии занимают особое место. Предусмотренные этим правом гарантии будут применяться с начала любого вооруженного конфликта, будь то вооруженный конфликт международного или внутреннего характера. Таким образом, даже если в случае чрезвычайного положения, угрожающего жизни нации, будет приостановлено применение судебных гарантий, предусмотренных правом прав человека, с началом вооруженного конфликта они вновь будут применяться в полном объеме, на этот раз в силу начала применения международного гуманитарного права.

Подробный перечень судебных гарантий, применяемых в период международного вооруженного конфликта, приведен в статье 75 Дополнительного протокола I. В случае вооруженного конфликта немеждународного характера, в зависимости от степени его интенсивности⁴⁷, будут применяться гарантии, установленные статьей 6 Дополнительного протокола II, или же общий принцип, предусмотренный общей для четырех Женевских конвенций статьей 3.

Следует напомнить, что умышленное лишение военнопленного или иного покровительствуемого лица права на беспристрастное и нормальное судопроизводство представляет собой серьезное нарушение и военное преступление по смыслу Женевских конвенций и Дополнительного протокола I, а государства обязаны преследовать в уголовном порядке лиц, виновных в совершении подобных деяний. Это нарушение также включено в число военных преступлений, предусмотренных Уставом Международного уголовного суда, и, следовательно, может являться объектом международного преследования, осуществляемого этим новым судебным органом⁴⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, право прав человека и международное гуманитарное право имеют различные сферы применения. Международное гуманитарное право применяется только в случае вооруженного конфликта и предусматривает целый ряд гарантий, отражающих специфические особенности таких конфликтов. Значительное количество прав человека не имеет аналогов в международном гуманитарном праве.

Тем не менее между отдельными правами человека и некоторыми нормами международного гуманитарного права имеют место «пересечения». Это касается прежде всего прав, входящих в «неизменное ядро» прав человека, действие которых не может быть ограничено или приостановлено ни при каких обстоятельствах.

Более того, они дополняют друг друга. Отдельные права, предусмотренные международным гуманитарным правом, усиливают некоторые права человека:

— *либо в силу того, что они соответствуют правам человека, действие которых может быть приостановлено в случае чрезвычайного положения* (речь идет, например, о судебных гарантиях, которые, как таковые, не являются частью «неизменного ядра» прав человека);

— *либо в силу того, что нормы международного гуманитарного права идут дальше в плане защиты личности, чем соответствующие права человека* (речь идет, например, о праве на жизнь лиц, пользующихся защитой международного гуманитарного права).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Данная статья воспроизводит основные тезисы выступления автора на семинаре по проблемам имплементации международного гуманитарного права, который был организован Международным комитетом Красного Креста совместно с Советом Министров, Министерством иностранных дел, Министерством юстиции, Министерством обороны Республики Беларусь и Белорусским обществом Красного Креста и который состоялся 23–24 апреля 1997 г. в Минске.

Статья отражает исключительно точку зрения автора и не является официальным документом Международного комитета Красного Креста.

- 2 Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении от 10 апреля 1972 г.; Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 13 января 1993 г.; Конвенция о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении от 18 сентября 1997 г.

Общие вопросы международного гуманитарного права рассматриваются в следующих изданиях на русском языке: *Пустозаров В.В.* Международное гуманитарное право. М.: Институт государства и права Российской Академии наук, 1997; *Гассер Х.-П.* Международное гуманитарное право. Введение. М.: МККК, 1995; *Пикте Ж.* Развитие и принципы международного гуманитарного права. М.: МККК, 1993; *Нахлик С.* Краткий очерк международного гуманитарного права. М.: МККК, 1993; *Давид Э.* Прин-

- ципы права вооруженных конфликтов. Bruxelles: Bruyant, 1994 (это издание в ближайшее время будет опубликовано на русском языке).
- 3 Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г. (I Женевская конвенция); Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12 августа 1949 г. (II Женевская конвенция); Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. (III Женевская конвенция); Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. (IV Женевская конвенция).
 - 4 Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Дополнительный протокол I) от 8 июня 1977 г.; Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Дополнительный протокол II) от 8 июня 1977 г.
 - 5 В их число входят, например, Гагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г.; Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, от 10 октября 1980 г. и четыре протокола к ней (о необнаруживаемых осколках, о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств, о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия, об ослепляющем лазерном оружии); см. также международные соглашения, упомянутые в сноске 3.
 - 6 См.: *Doswald-Beck L., Vite S. Le droit international humanitaire et le droit des droits de l'homme // RICR. N 800. Mars-avril 1993. — P. 105.*
 - 7 *Ibid.*, p. 107.
 - 8 См.: *O'Donnell D. Tendances dans l'application du droit international humanitaire par les mecanismes des droits de l'homme des Nations Unies // RICR. Septembre 1998. — P. 517 et s.* (эта статья в ближайшее время будет опубликована на русском языке в Международном журнале Красного Креста).
 - 9 Так, Конвенция о правах ребенка 1989 г., которая относится к числу договоров в области прав человека, содержит ссылку на международное гуманитарное право (см. ст. 38). Следует подчеркнуть, что Дополнительные протоколы 1977 г. содержат положения, в которых рассматриваются вопросы, связанные с документами по правам человека (ст. 75 Дополнительного протокола I и ст. 4, 5 и 6 Дополнительного протокола II).
 - 10 Более подробно по этому вопросу см.: *Reidy A. La pratique de la Commission et de la Cour europeenne des droits de l'homme en matiere de droit international humanitaire // RICR. Septembre 1998. — P. 551 et s.*; см. также: *Zegveld L. Commission interamericaine des droits de l'homme et droit international humanitaire // RICR. Septembre 1998. P. 543 et s.* (обе

статьи в ближайшее время будут опубликованы на русском языке в Международном журнале Красного Креста).

Общие вопросы этой эволюции рассматриваются, в частности, в следующих публикациях: *Шиндлер Д.* Международный комитет Красного Креста и права человека. М.: МККК, 1994; *Doswald-Beck L., Vite S.* Le droit international humanitaire et le droit des droits de l'homme // RICR. N 800. Mars-avril 1993. — P. 119 et s.; *Kolb R.* Relations entre le droit international humanitaire et les droits de l'homme — Aperçu de l'histoire de la Declaration universelle des droits de l'homme et des Conventions de Geneve // RICR. Septembre 1998. — P. 437 et s. (эта статья в ближайшее время будет опубликована на русском языке в Международном журнале Красного Креста); специальные аспекты этой эволюции рассматриваются и в следующих публикациях: *Goldman R.K.* Codification des regles internationales relatives aux personnes deplacées a l'interieur de leur pays — Un domaine ou les considerations touchant aux droits de l'homme et au droit humanitaire sont prises en compte // RICR. Septembre 1998. — P. 497 et s.; *Lavoyer J.-P.* Principes directeurs relatifs au deplacement de personnes a l'interieur de leur propre pays — Quelques observations sur la contribution du droit international humanitaire // RICR. Septembre 1998. P. 503 et s. (эти статьи в ближайшее время будут опубликованы на русском языке в Международном журнале Красного Креста).

- 11 См. статью 2, общую для четырех Женевских конвенций, которая прямо предусматривает применение Конвенций во всех случаях оккупации территории, а также пункты 3 и 4 статьи 1 Дополнительного протокола I, который включает в категорию международных конфликтов национально-освободительные войны.
- 12 См. статью 1 Дополнительного протокола II.
- 13 *Харрофф-Тавель М.* Деятельность Международного комитета Красного Креста в обстановке насилия внутри страны. М.: МККК, 1995. — С. 12.
- 14 См., напр., пункт 1 статьи 4 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.; см. также статью 15 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.
- 15 Так, статья 4 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. исключает возможность каких-либо отступлений, даже во время чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой, от обязательств в отношении права на жизнь (ст. 6), запрещения пыток, жестокого обращения или наказания (ст. 7), запрещения рабства и содержания в подневольном состоянии (п. 1 и 2 ст. 8), запрещения лишения свободы на основании невыполнения договорного обязательства (ст. 11), принципов *nullum crimen sine lege* и *nulla poena sine lege**, принципа запрещения придания обратной силы уголовным законам (ст. 15), права на признание правосубъектности личности (ст. 16), права на свободу мысли, совести и религии (ст. 18); статья 15 Европейской конвенции о защите прав челове-

- ка и основных свобод от 4 ноября 1950 г. исключает возможность каких-либо отступлений, даже во время войны или иного чрезвычайного положения, угрожающего жизни нации, от обязательств в отношении права на жизнь, за исключением лишения жизни в результате правомерных военных действий (ст. 2), запрещения пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ст. 3), запрещения рабства и содержания в подневольном состоянии (п. 1 ст. 4), принципов *nullum crimen sine lege* и *nulla poena sine lege**, принципа запрещения придания обратной силы уголовным законам (ст. 7).
- 16 Более подробно по этому вопросу см.: *Doswald-Beck L., Vite S. Le droit international humanitaire et le droit des droits de l'homme // RICR. Mars-avril 1993. — P. 112–113; Sassoli M. Mise en oeuvre du droit international humanitaire et du droit international des droits de l'homme: une comparaison // Ann. suisse de dr. intern. Vol. XLIII. 1987. P. 29; Momtaz D. Les regles humanitaires minimales applicables en periode de troubles et de tensions internes // RICR. Septembre 1998. — P. 487 et s.* (эта статья в ближайшее время будет опубликована на русском языке в Международном журнале Красного Креста).
 - 17 Статья 1 Конвенции.
 - 18 См. статьи 13, 13, 4 и 4 четырех Женевских конвенций соответственно.
 - 19 См.: *Шундлер Д. Международный комитет Красного Креста и права человека. М.: МККК, 1994. — С. 6; Doswald-Beck L., Vite S. Le droit international humanitaire et le droit des droits de l'homme // RICR. Mars-avril 1993. — P. 119; Sassoli M. Mise en oeuvre du droit international humanitaire et du droit international des droits de l'homme: une comparaison // Ann. suisse de dr. intern. Vol. XLIII. 1987. — P. 31.*
 - 20 См. статью 10 Дополнительного протокола I.
 - 21 См.: *Sassoli M. Mise en oeuvre du droit international humanitaire et du droit international des droits de l'homme: une comparaison // Ann. suisse de dr. intern. Vol. XLIII. 1987. — P. 31.*
 - 22 См., напр., статью 6 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.; см. также статью 2 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.
 - 23 Там же.
 - 24 См., напр., статью 3, общую для четырех Женевских конвенций, которая предусматривает минимум норм, обязательных для соблюдения в любом вооруженном конфликте; так, запрещаются посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности, убийства; см. также статьи 48 и 52 Дополнительного протокола I, предусматривающие обязательство проводить различие между гражданским населением и комбатантами и осуществлять нападения только против военных объектов; см. также пункт 2 b статьи 57 Дополнительного протокола I.
 - 25 Тем не менее, как отмечают Л. Досвальд-Бек и С. Вите, «нельзя сказать, что международное гуманитарное право не содержит никаких положений по этому вопросу: норма, запрещающая использование оружия, на-

- носящего чрезмерные повреждения, в определенной степени направлена на запрещение оружия, вызывающего чрезмерные потери жизни среди военнослужащих». См.: *Doswald-Beck L., Vite S. Le droit international humanitaire et le droit des droits de l'homme // RICR. Mars-avril 1993. — P. 115.*
- 26 Так, смертный приговор в отношении военнопленного может быть приведен в исполнение не ранее чем через шесть месяцев после его вынесения (ст. 101 III Женевской конвенции); запрещается приводить в исполнение смертный приговор в отношении лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста (п. 5 ст. 77 Дополнительного протокола I), запрещается выносить смертный приговор в отношении беременных женщин или матерей, имеющих малолетних детей (п. 3 ст. 76 Дополнительного протокола I); см. также статью 68 IV Женевской конвенции.
- 27 Статья 54 Дополнительного протокола I и статья 14 Дополнительного протокола II.
- 28 Статьи 59 и 60 Дополнительного протокола I.
- 29 См., напр., статью 3, общую для четырех Женевских конвенций, статью 10 Дополнительного протокола I, статью 7 Дополнительного протокола II.
- 30 См., напр., гарантии, предусмотренные III и IV Женевскими конвенциями для военнопленных и интернированных гражданских лиц.
- 31 См., в частности, статьи 68–71 Дополнительного протокола I.
- 32 Более подробно по этому вопросу см.: *Doswald-Beck L., Vite S. Le droit international humanitaire et le droit des droits de l'homme // RICR. Mars-avril 1993. — P. 116–117.*
- 33 Статья 7 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.; статья 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.
- 34 См., в частности, статью 3, общую для четырех Женевских конвенций, статью 75 Дополнительного протокола I, статью 4 Дополнительного протокола II.
- 35 См. статьи 50, 51, 130 и 147 четырех Женевских конвенций соответственно.
- 36 Устав был принят Дипломатической конференцией полномочных представителей по учреждению Международного уголовного суда под эгидой Организации Объединенных Наций, которая состоялась в Риме с 15 июня по 17 июля 1998 г.
- 37 Пункт 2 а) статьи 8 Устава.
- 38 См., в частности, статью 4 IV Женевской конвенции, а также статьи 4 и 5 I Женевской конвенции, статьи 6, 7 и 10 II Женевской конвенции и статьи 4 и 5 III Женевской конвенции.
- 39 Более подробно по этому вопросу см., напр.: *Градицкий Т. Личная уголовная ответственность за нарушения международного гуманитарного права, применяемого в ситуации немеждународного вооруженного конфликта // МЖКК, № 20. Март 1998. — С. 35–68.*

- 39 Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии; учрежден на основании Резолюции 827 Совета Безопасности ООН от 25 мая 1993 г.
- 40 Международный уголовный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января 1994 по 31 декабря 1994 г.; учрежден на основании Резолюции 955 Совета Безопасности ООН от 8 ноября 1994 г.
- 41 См. статью 8 Устава.
- 42 Речь идет о 1) серьезных нарушениях Женевских конвенций 1949 г.; 2) других серьезных нарушениях законов и обычаев войны, применяемых в условиях международных вооруженных конфликтов; к ним относятся отдельные серьезные нарушения, предусмотренные в Дополнительном протоколе I, нарушения права Гааги и некоторые другие деяния, отражающие реалии современных конфликтов.
- 43 Пункт 2 с) статьи 8 Устава.
Речь также идет о других серьезных нарушениях законов и обычаев войны, применяемых к немеждународным вооруженным конфликтам; Дополнительный протокол II уже предусматривает запрет на совершение большинства из таких нарушений.
- 44 Более подробно о взаимодействии международного гуманитарного права и прав человека в области запрещения пыток см.: *Kalin W. La lutte contre la torture // RICR. Septembre 1998. — P. 463 et s.* (эта статья в ближайшее время будет опубликована на русском языке в Международном журнале Красного Креста).
- 45 За исключением Американской конвенции по правам человека от 22 ноября 1969 г.
- 46 Там же.
- 47 Там же.
- 48 См. подпункты а) vi и с) iv пункта 2 статьи 8 Устава. ■

Исторические аспекты

Лев Толстой

Солдатская памятка

www.antimil.narod.ru

Ты солдат, тебя учили стрелять, колоть, маршировать, водили на ученья и на смотры: тебе и в голову не приходило спросить себя хорошо или дурно то, что ты делаешь?

Но получается приказ выступать твоей роте взяв боевые патроны. Ты идешь, не спрашивая, куда тебя ведут. Тебя подводят к деревне или к фабрике, и ты видишь издалека, что на площади толпится народ — деревенский или фабричный, мужчины, женщины с детьми, старики, Губернатор, прокурор с полицейскими подходят к толпе и о чем-то толкуют. Толпа сначала молчит, а потом начинает кричать все громче и громче, и начальство отходит от народа. И ты догадываешься, что это крестьяне или фабричные бунтуют и тебя привели умирять их. Начальство несколько раз отходит от толпы и подходит к ней, но крики все громче и громче и начальство переговаривается между собой, и тебе дают приказ заряжать ружье боевым патроном. Ты видишь перед собой людей тех самых, из которых ты взят: мужчин в поддевках, полушубках, женщин в платках и поддевках, таких же женщин, как твоя жена или мать.

Первый выстрел приказывают пустить через головы толпы. Но толпа не расходится и кричит еще громче. И вот тебе приказывают стрелять по настоящему, не через голову, а в середину толпы.

Тебе внушено, что ты неотвественен в том, что произойдет после твоего выстрела. Но ты знаешь, что тот человек, который обливаясь кровью упадет от твоего выстрела, убит тобою и никем другим, и ты знаешь, что мог не выстрелить и тогда человек не был бы убит.

Что тебе делать?

Мало того, что ты опустишь ружье и откажешься сейчас стрелять в твоих братьев. Но ведь завтра может быть то же самое, и потому, хочешь не хочешь, тебе надо одуматься и спросить себя: что такое звание солдата, которое довело тебя до того, что ты должен стрелять в своих безоружных братьев?

В Евангелии сказано, что не только не должно убивать своих братьев, но не должно делать того, что ведет к убийству... В солдатской памятке, которая висит во всех казармах и которую ты много раз читал и слушал, сказано как солдат должен убивать людей.

Тебе говорят, что ты должен убивать потому, что присягал и отвечать за свои дела будешь не ты, а начальство. Но прежде, чем ты присягал, т.е. обещал людям исполнять их волю, ты уже без присяги обязан исполнять волю Бога, Того Кто дал тебе жизнь. Бог же не велит убивать. Так что тебе нельзя было и присягать в том, что ты будешь делать ВСЕ, что прикажут люди. От этого в Евангелии прямо сказано: «не клянись вовсе... Говори: да, да, нет, нет, а что более того, то от лукавого».

Разве может совесть твоя быть не в тебе, а в ефрейторе, фельдфебеле, ротном? Никто не может за тебя решать, что ты можешь и должен, а что не можешь и не должен. И человек всегда ответственен за то, что он делает.

То же, что вставшие над тобой люди требуют от тебя убийства, показывает только то, что эти люди обманщики и потому не надо повиноваться им.

Постыдно положение блудницы, которая всегда готова отдать свое тело на осквернение тому, на кого укажет хозяин, но еще постыдней положение солдата, всегда готового на величайшее преступление на убийство человека, всякого человека, на которого только укажет начальник. ■

Джеймс Мейс (США, Вашингтон)

Политические причины голодомора в Украине (1932–1933 гг.)

© www.maidan.org.ua/n/lib/1044901106

© Український історичний журнал, № 1, 1995.

Автор статьи, Дж. Мейс, доктор исторических наук, преподавал в Национальном Университете «Киево-Могилянская Академия», долгое время жил в Украине, в 1983-1990 годах был исполнительным директором комиссии Президента США и Конгресса по изучению голодомора в 1932-1933 годах в Украине, принимал участие в Парламентских слушаниях в Украине в 2003 по проблеме голодомора. Дж. Мейс своими лекциями и статьями способствовал распространению исторических данных о реальной ситуации в Украине в 30-е годы.

Когда речь идёт о каком-то историческом явлении, историки привыкли думать о его причинности или многопричинности. На самом деле было бы недостаточно констатировать какую-то одну причину или только один тип причин (экономические или политические) американской гражданской войны или российской революции.

Когда мы говорим о голоде 1932–1933 годах в Украине, то его на самом деле невозможно было бы оценить без экономического контекста, который проанализировал покойный В. Голубничий, С. Куль-

© В. Онищенко, перевод с укр., 2006

чицкий и другие¹. Но, по нашему мнению, это только один аспект очень сложного и многогранного явления, потому что сталинская перестройка (или подрыв) общества в первой половине 30-х годов в значительной степени была политическим феноменом, когда политическая власть уничтожила и узурпировала гражданское общество. Как писал польский историк, эмигрировавший в США, Моисей Левин: «Эта пятилетка (первая — *Дж.М.*) была уникальным процессом социального преобразования, проведённого государством. Оно сделало намного больше, чем «проведение»: оно заменило собой общество, став единственным инициатором деятельности и контролёром всех важнейших сфер жизни. В этом смысле этот процесс был преобразован в процесс государственного построения, где полная общественная структура была, так сказать, поглощена государственным механизмом, как будто была полностью ассимилирована с ним»². Другими словами, Сталин воплощал на практике гегелевскую теорию основания государственного общества путём создания (выражаясь терминологией того времени, которую Джордж Оруэлл называл «утиной») государственной надстройки, которая выработала сама для себя свою социальную основу. Создание командной экономики включения сельского хозяйства в её состав путём полной принудительной коллективизации крестьян отводит экономическому фактору второстепенную, полностью зависящую от политики роль.

Первые упоминания о голоде в Украине появились в западной прессе практически одновременно с первыми человеческими жертвами³. С того момента научная дискуссия о голодоморе двигалась от вопроса его исторической достоверности к вопросу о его интерпретации, то есть был голод просто экономическим или также политическим явлением?

Эта дискуссия особенно обострилась после публикации результатов работы государственной комиссии США и обнародования выводов Международной комиссии по исследованию голода в Украине 1932–1933 годах. Самое большое сопротивление среди некоторых оппонентов вызвало утверждение, что голод в Украине был искусственным, созданный государством⁴. Я подозреваю в интеллектуальной лени большинство своих западных критиков, потому что намного легче создать свои субъективные интерпретации самых важных событий советской истории, чтобы угодить сегодняшней политической конъюнктуре, чем проанализировать конкретные обстоятельства в разных республиках бывшего Советского Союза и только

потом делать определённые выводы. По-моему, глубоко ошибаются те традиционные и эмиграционные историки Украины, которые смотрят на украинскую специфику без учёта общего контекста исторических событий в империи и Союзе. Не правы также те советологи, которые рассматривают любое действие в колониально-подчинённой стране только в состоянии имперской метрополии.

В Советской Украине и вообще в советской науке вопрос голода находился под официальным и очень строгим запретом. Откроем любой учебник советской истории. Невыразительные размышления о продовольственных трудностях, даже временный и незначительный рост смертности из-за неурожая, кулацкий саботаж или даже просчёты и ошибки, допущенные во время хлебоуборочной кампании. Тех западных историков, которые называли голод голодом, автоматически относили к лагерю «буржуазных фальсификаторов». Если их имена и упоминались в прессе, то только с эпитетами «клеветники», «враги советского устоя» и т.д. Но в конкретную дискуссию с ними никто не вступал. Красноречивым в этом плане является секретный циркуляр, подписанный А. Каптой и С. Мухой и завизированный В. Щербицким 11 февраля 1983 года «О пропагандистских и контрпропагандистских мерах противодействия начатой реакционными центрами украинской эмиграции антисоветской кампании в связи с имевшими место в начале 30-х годов продовольственными трудностями в Украине», где говорится: «Следует отметить, что в нашей исторической литературе упоминается о существовании продовольственных трудностей в Украине в начале 30-х годов, признаётся, что особенно осложнилась хозяйственная обстановка осенью 1932 года в связи с необоснованным завышением сельскохозяйственных планов»⁵. И дальше: «Ввиду того, что нам невыгодно по данному вопросу вступать в открытую полемику с националистическими писателями, в настоящее время усилия сосредоточены на пропаганде в республике и на зарубежные страны достижений сельского хозяйства Советской Украины, преобразований в деревне, ставших возможными благодаря победе колхозного строя...»⁶, и т.д.

Вот так вот, «невыгодно»... С.В. Кульчицкий через десять лет напишет: «По собственному опыту могу сказать, что знание связанных с голодомором событий не может не привести к переосмыслению истории XX века. И хотя этот процесс очень болезненный, но он освобождает человека от усвоенных с детства фальшивых догм, помо-

гает ему адекватно реагировать на быстро меняющиеся события сегодняшних дней и сохранять душевный покой»⁷.

Вывод украинского историка касается как отечественных так и западных историков. Вопрос голодомора — это центральный вопрос не только в истории Украины. Он имеет универсальное значение для всех историков мира, которые считают, что человечество — это большая семья наций, народностей, этносов, и что уничтожение или ослабление любого народа ведёт к кризисным явлениям в духовной, экономической, культурной жизни всей мировой цивилизации. Поэтому вопрос искусственного голода в Украине в начале 30-х годов неотделим от вопроса нарушения прав человека, народа, он попадает под категорию преступлений против человечности и человечества.

Пока что, к сожалению, изучение голодомора не занимает соответствующего места в контексте европейской и мировой науки о геноциде, несмотря на значительные усилия эмиграционных и отечественных историков. Это обусловлено многими причинами, не последняя из которых — закрытость украинского мира от мирового процесса развития гуманитарных наук. Закрытость, с которой придётся долго и тяжело бороться. Ещё одна сложность — ориентация западных историков на «российскую схему» как доминирующую в истории всех так называемых «окраин», то есть нерусских национальных республик. С моей точки зрения, это неосознанное восприятие мышления XIX столетия, будто бы в Европе существуют народы «исторические» и, по определению Ф. Энгельса, «руины народов», неисторические народы, судьба которых определяется сильнейшими соседями и которые обречены на ассимиляцию⁸. Сегодня никто так не напишет про неевропейские, бывшие колониальные народы Азии и Африки, чтобы не навлечь на себя обвинения в расизме и европоцентризме. Но (и мне это всегда казалось невероятно странным феноменом) такая схема мышления, абсолютно недопустимая относительно других народов, была принята как догма, когда речь шла о народах бывшего Союза ССР, в том числе и Украины. Прежде всего, Украины. В недалёком прошлом такой подход был вызван политической конъюнктурой. Сегодня — интеллектуальной провинциальностью, которая более всего выражена в анонсе будущего исследования профессора Мичиганского университета Рональда Суни. Этот известный «специалист по национальным вопросам» взялся переписать монографию Рональда Пайпа о создании Советского Союза, чтобы доказать, что в истории всех «окраин» классовая борьба

была намного важнее, чем борьба за национальное освобождение. Уместен вопрос Рональду Суни: зачем тогда нужна такая широкомасштабная интервенция Красной Армии из России, если все трудящиеся — украинцы, армяне, кавказские народы, мусульмане и другие только и стремились к единению со старшим братом — великоросским пролетариатом? Другими словами — это повторение самых худших великогосударственных стереотипов старорежимной историографии, на которое можно было бы сегодня особо не обращать внимания, если бы такой взгляд не влиял в значительной мере на определение политики западных государств относительно независимости Украины. Нельзя забывать, что развитие исторической науки в том или ином направлении адекватно развитию политического мышления. Именно поэтому изучение политических причин голодомора может и должно сыграть важную роль в осознании историками, политиками, государственными деятелями Запада не только прошлого Украины, но и того, что происходит сегодня, и что может произойти завтра. Серьёзные учёные, которые занимаются этой проблемой, единогласны в своих выводах, что в отличие от голода, который пережили народы мира, для голодомора 1932–1933 годов, характерной является выкачка хлеба и других сельскохозяйственных продуктов от аграрного населения. Я согласен с утверждением С. Кульчицкого, что суть коллективизации сельского хозяйства — это возвращение к политике военного коммунизма, то есть продразвёрстке, и что голод — продукт продразвёрстки⁹. И всё-таки, почему Сталин сделал это именно в этот период? Какими политическими причинами было вызвано возвращение к политике военного коммунизма, которая себя дискредитировала? Точно известно одно, что экономика в руках сталинского режима была всего лишь элементом политики, её самым важным инструментом. Поэтому спросим по-другому: был голод неизбежным следствием кризиса коллективизации или плохого урожая? Стивен Уинкрофт в 1985 году в докладе на ежегодной конференции великобританской ассоциации советознания и исследования Восточной Европы отмечает: «Не переставая обсуждать значение крестьянского беспредела и отсутствие материальных стимулов, или влияние погодных условий и возникновение голода, я делаю выводы, что самой важной причиной голода 1932 года была критическая нехватка рабочей силы в хлеборобном районе (Северном Кавказе и Поволжье). Это задержало выполнение самых важных урожайных, зимне-урожайных и зимне-посевных кам-

паний, от которых полностью зависела судьба сельскохозяйственной продуктивности¹⁰. В 1991 году молодой американский советолог Марк Таугер задал вопрос более радикально. Он утверждал, что голод был продуктом плохого урожая, а не государственной политики хлебозаготовок. Таугер оценивает украинский зерновой урожай в пределах 6,6–8,5 млн т. Население УССР до голодомора не могло превышать 31,9 млн. человек. Это значит, что на каждого жителя тогдашней УССР приходилось от 590 до 700 граммов хлеба в день. Несмотря на такие достаточно примитивные, но невероятно красноречивые подсчёты, М. Таугер делает вывод: «Жёсткие хлебозаготовки 1932–1933 годах только перемещали голод от городских районов, в которых без хлеба от хлебозаготовок был бы такой же уровень смертности, хотя, как сказано, городская смертность также возросла в 1933 году. Суровость и географическая протяжённость голода, острый спад экспорта, потребность в семенах, хаос тех лет заставляют делать выводы, что даже полного прекращения экспорта было бы недостаточно, чтобы избежать голода. Это обстоятельство усложняет принятие интерпретации голода как результата хлебозаготовок 1932 года и как сознательного акта геноцида. Урожай 1932 года по сути, сделал голод неизбежным»¹¹.

Таугер считает, что Сталин был вынужден принять тяжёлое решение: спасти городской пролетариат ценой сельской смертности, хотя сложно понять, как можно голодать с ежедневным пайком в 590 граммов хлеба. Более того, существуют тысячи свидетелей очевидцев голода, опубликованных как на Западе, так и в Украине, и почти никто из них не помнит плохого урожая 1932 года. И уж совсем никто из них не говорит о плохом урожае как о причине голода и сельской смертности¹².

Теодора Трышняк (девичья фамилия Сорока) с хутора Лозуватка Царицынского района на Днепропетровщине в своих показаниях, которые она дала американской Государственной комиссии исследования голода в Украине, исполнительным директором которой я работал с 1986 по 1990 год, вспоминает: «Коллективизация уже началась в 1931 году. Сначала они взялись за большие хутора, там, где больше всего жило богачей. Они сначала за кулаков взялись... А в 1932 году, уже после того как хлеб собрали, это началось. В 1933 году был хороший урожай. Я помню, что все говорили, что рожь была такая высокая, что если человек входил в неё, то не видно было головы. А колоски были такие полные, что ломались, просто отламыва-

лись. А такой урожай был просто не предусмотрен в 1932 году. Как утверждают советы, был неурожай — это неправда. Урожай был на всё — как на посевные, так и на овощи, и на зелень. На всё был большой урожай. И люди собрали очень хороший урожай. Но когда началась коллективизация, они организовали так называемую «красную метлу». Они приезжали и забирали хлеб у людей»¹³.

Анонимный свидетель, который во время голода работал колхозным бухгалтером в селе Жмеевка на Киевщине, также утверждает, что в 1933 году был хороший урожай, но голод 1932–1933 годов подготавливали заранее: «Они подготавливали. Они подготавливали, потому что постепенно забирали всё у крестьянина, всё, что у него было. И это было видно, что это такое... как известно, за границей они заявляли, что у них самая лучшая жизнь и продавали хлеб за границу... И поэтому рынок там обесценивался, потому что они отдавали за бесценно хлеб, который забрали у колхозника, у крестьянина. Мало того. Я сам очевидец, как на станции Малин ссыпали зерно около зернохранилищ, потому что они были переполнены. И это зерно прорастало. Но не дай Бог туда кого-то пустить, чтоб кто-то взял мешок того зерна, или хотя бы жменю. За это расстреливали. Так что без сомнений, тот голод был организован специально партией и властью коммунистической»¹⁴.

Можно по-разному относиться к таким воспоминаниям: доверять им или голословно отвергать, воспринимать их как исторический документ или как порождение большого воображения. Но как объяснить тот факт, что их так часто повторяют разные люди, не знакомые между собой, разделённые границами и даже политической ориентацией? Они слишком характерны, слишком типичны, чтобы их не принимать во внимание, как это делает Таугер. Но даже если принять его утверждение про неурожай, совершение принудительных развёрсток в пунктах, где после этого случалась массовая смертность, всё равно означает, что между выкачкой хлеба и смертностью существует определённая связь. Я считал и считаю, что проще всего было бы остановить насильственную выкачку хлеба и других сельскохозяйственных продуктов из районов, охваченных голодом. Только таким путём можно было бы спасти миллионы крестьян. Но этого не допустили.

Поэтому научный анализ Уиткрофта и Таугера, даже если принимать на веру все их утверждения, остаётся необоснованным. Голод — следствие не объективных причин, а государственной полити-

ки. И если учесть дальнейшие процессы, которые происходили в бывшем Советском Союзе, он был неизбежен в этом пункте истории Украины из-за политической обстановки. Речь идёт не о детерминизме исторического развития, а о детерминизме развития именно тоталитарного режима, тоталитарного общества, которое активно пожирает любые анклав автономии на своём пути. Тоталитаризм не смог бы так глубоко укорениться на территории СССР, если бы существовал в его составе такой значимый государственный организм, хотя бы и ограниченный полицейской системой принуждения, как Украина в начале 30-х годов. Было бы слишком просто всю вину за репрессии, организацию голодомора в Украине, потопление её духовной и культурной Атлантиды приписать одному Сталину. Как справедливо отмечают венгерские исследователи Ласло Белади и Томас Крауз в книге «Сталин»: «Система принуждения была вмонтирована в хозяйственную «войну». Основной функцией бюрократического нейтрального управления колхозами было отсутствие обеспечения эквивалентного, равного обмена между промышленностью и сельским хозяйством. Главная проблема была не только в том, что сталинское мышление относительно колхозов исключало экономическую заинтересованность. Дело было и в другом — к колхозам относились как к политическим организациям»¹⁵. Это чётко определил и сам Сталин в статье «Вопросы ленинизма»: «С точки зрения ленинизма колхозы, как и Советы, взятые как форма организации, есть оружие, и только оружие. Это оружие можно при определённых обстоятельствах направить против революции, его можно направить против контрреволюции»¹⁶.

Проведение коллективизации в таком аграрном районе, как Украина, происходило по принципу военной акции. Сталин сам сравнивал её с войной, как это видно из его высказываний в различных статьях и выступлениях, в том числе и из его личной беседы с У. Черчиллем, когда он признал, что напряжение этой «войны» было несравнимо даже с напряжением Второй мировой войны¹⁷. Так или иначе, но очевидно одно: на истребление украинского села, на уничтожение большого количества крестьян Сталин пошёл сознательно и считал эти жертвы в этой войне абсолютно оправданными.

Вопрос хлебозаготовок на самом деле тесно связан с проблемой возвращения к политике военного коммунизма. Сталинская трансформация общества на самом деле связана с доНЭПовской политической моделью, но необходимо учитывать, что военный комму-

низм — это не только продрозвёрстка, а полный комплект направлений, большинство из которых не имели никакого отношения к экономике. Один из самых мало изученных аспектов периода военного коммунизма — национальная политика и территориальная структура советской власти. Ранние большевики, в том числе и Сталин, думали о национальном вопросе в контексте аграрного вопроса. Не случайно на VIII РКП(б) 1918 года первая послереволюционная дискуссия в большевицкой партии касалась именно национального вопроса и рассматривала его только как аспект крестьянского вопроса¹⁸. Поскольку в российской империи город был только русским и только деревня в так называемых национальных окраинах была нерусской, то, само собой разумеется, что национальный вопрос замыкался на крестьянском. Сталин, у которого был большой талант переделывания очевидных азбучных истин и способность выдавать их за своё великое открытие, сделал именно это, когда в 1925 году написал: «Вопрос национальный есть, по сути дела, вопрос крестьянский»¹⁹.

Эту проблему обостряло и выносило в повестку дня то, что крестьяне были большей частью населения. В этом контексте можно понять решение XII съезда РКП(б) в 1923 году о принятии политики коренизации. По сути, это был единственный способ утверждения советской власти в национальных республиках, которая удерживалась только благодаря Красной Армии и пользовалась минимальной поддержкой местного населения. Это видно даже по результатам выборов во Всероссийское учредительное собрание: украинские социалисты (УПСР, УСДРП, УПСФ) получили 53 процента всех голосов в восьми украинских губерниях и дополнительные 15 процентов по общим спискам — украинские и российские социалисты-революционеры. Большевики получили — 112²⁰. Даже в ноябре 1919 года, когда Коминтерн принудил сесть за стол переговоров КП(б)У и борьбистов (бывшие левые украинские социалисты-революционеры, которые принимали советскую платформу и активно поддержали советский режим), борьбисты отправили Ленину письмо, в котором обвиняли большевиков в «красном империализме», который привёл к падению второго большевицкого правления в Украине летом этого же года²¹. В 1920 году известный украинский большевик Николай Скрышнык исповедовал борьбистские взгляды потому, что причиной нестабильности советской власти в Украине была поддержка большевиками антиукраинских взглядов русскоязычного пролетариата.

Он поддерживал борьбистское предписание, что советская власть должна принять украинскую культуру и активно поддерживать её развитие²². Николай Попов и другие официальные спикеры агитировали недовольных русскоязычных коммунистов Украины за активную украинизацию, без которой советская власть в Украине не может быть стабильной. Необходимо было умиловить украинских крестьян²³. Так, украинизация (и коренизация вообще) стала окончательным шагом внутреннего Брест-Литовского соглашения, которое начиналось принятием НЭПа в 1921 году. В этом смысле национальная политика была реакцией на крестьянскую проблему. Но политика украинизации имела два непредвиденных последствия. Она пришла к точке, когда национальный вопрос стал быстро перерастать в крестьянский вопрос и в конечном счёте вёл к политической самостоятельности Украины как государства. Во-первых, поддержка украинского языка и культуры в городе и в партийно-государственном аппарате создала некрестьянские центры поддержки украинских национальных чаяний. С 1926 по 1932 год пропорция украинцев в индустриальном пролетариате увеличилось с 41 до 53 процентов. В начале 1933 года, то есть перед самым окончанием украинизации, 88 процентов всех заводских многотиражек в Украине печатались только на украинском языке²⁴. Это означало, что национальный вопрос в Украине перерастает старые границы крестьянского вопроса и становится вопросом развития продуктивных сил национальных республик и их индустриализации. Это отмечал и галичанский последователь Александра Шумского Роман Туринский в мае 1928 года²⁵. В 1927 году украинцы имели абсолютное большинство членов КП(б)У. Во-вторых, украинизация сделала легитимной национальную самостоятельность украинских коммунистов. Так называемый национальный коммунизм Александра Шумского, Николая Хвылевого, Николая Волобуева в 20-х годах был только частью этой самостоятельности²⁶. Перед началом пятилетки в 1927 году даже такой ортодоксальный лидер КП(б)У, как Владимир Затоновский, мог утверждать, что самая первая цель украинизации — укрепление Украинской ССР как государственного организма в рамках Союза ССР²⁷. Такое развитие событий не устраивало Сталина и его соратников. Если бы процессы в Украине пошли в таком направлении, это в значительной мере повлияло бы на все экономические, политические и культурные аспекты жизни всего СССР, поскольку в то время Украина была единственной национальной и государственной единицей,

которая могла противостоять волонтаристскому давлению центра. Уничтожив оппозицию, укрепив режим личной диктатуры, Сталин пошёл на открытую войну с украинским селом, а по сути, с Украиной как целостным государственным организмом. Его стратегической целью было превращение всех жителей СССР в однородную массу, которую позже назвали «новым историческим единством — советским народом». Эту войну человечества позже назвали страшным, но точным словом — голодомор²⁸.

Голод в разных областях и республиках бывшего Советского Союза был почти с самого начала принудительной коллективизации сельского хозяйства: в Казахстане с 1930 года, в Поволжье и отдельных районах Украины — с 1931 года. Но когда хлебозаготовительный план 1931 года не был выполнен, режим придерживался одного варианта поведения, а через год его позиция кардинально изменилась. В первой половине 1932 года проводилась политика уменьшения давления на крестьян. В феврале В. Молотов заявил в «Правде», что поскольку был неурожай в Поволжье и заволжских районах, необходимо послать туда продовольственную помощь²⁹. Ещё через какое-то время были обнародованы так называемые майские реформы 1932 года. Это было уменьшение хлебозаготовок 1932 года до более или менее фактического количества хлеба с 1931 года, запланированной ограниченной продовольственной помощи в голодные районы, в том числе и в Украину, объявлена кампания против так называемых «левацких перегибов» партийной линии, которые заключались в том, что разные ответственные работники приложили «слишком много» усилий при проведении хлебозаготовок и, таким образом, нарушили так называемые «ленинские нормы»³⁰. Например, в Украине в июне состоялся процесс по пресловутому Драбовскому делу (за передёргивание партийных директив во время хлебозаготовительной кампании), когда руководители Драбовского райкома получили от 18 до 36 месяцев концлагерей³¹.

Но даже уже перед Драбовским делом официальная политика относительно украинских крестьян резко изменилась. Прошло всего пять недель после разрешения Сталина послать ограниченную продовольственную помощь в Украину, а Политбюро уже принимает постановление: «Ограничиться уже принятыми решениями ЦК и дополнительного завоза хлеба в Украину не производить»³². Это фактически было началом наступления на украинское село. Сталин прекрасно осознавал, что продуктов в деревнях уже не осталось, но

он начинал создавать миф, что все проблемы — от подлости классовых врагов, которые спрятали хлеб. Так, виноваты коммунисты, которые не смогли раскрыть кулацкие «ямы». Не смогли или не захотели, потому что также были агентами классового врага. Через полгода этот тезис станет страшным оружием в руках тех, кто начнёт чистку в рядах КП(б)У, её идеологическим оправданием. В июле 1932 года состоялась III Всеукраинская партконференция. Даже тогда у ЦК КП(б)У была информация о продолжении голода предыдущего года³³. Чтобы понять, что произошло, нужно понять большевицкий язык того времени.

Поскольку Каганович и Молотов приехали в Украину по поручению Сталина, чтобы обеспечить принятие украинской конференцией хлебозаготовочного плана — 356 тыс. пудов (5,8 млн. т), каждый оратор поддержал спущенную с Москвы цифру, но в то же время почти каждый ответственный работник КП(б)У эзоповским языком высказал своё мнение по поводу истинной ситуации. Так, например, Николай Скрыпник сказал про голод в Молдавии, куда был ранее откомандирован³⁴.

Хлебозаготовительные задания для Украины были просто нереальными, и идеологическая кампания набирала обороты. В телеграмме Молотова и Кагановича Центральному комитету КП(б)У от конца июля значилось: «Хлебозаготовки Украины развиваются с недопустимой медлительностью»³⁵. В то же время ЦК КП(б)У начало получать информацию о случаях людоедства (первое датировано 25 июля 1932 года)³⁶. Очевидно, именно тогда председатель ВУЦВК Г. Петровский направил первому секретарю С. Косиору и Политбюро ЦК КП(б)У письмо, в котором информировал о тяжёлом положении в районах, охваченных голодом, и просил о помощи для голодных детей. Он считал необходимым просить у Москвы «постановление о прекращении хлебозаготовок и объявления свободной торговли»³⁷. В ответ Сталин издал пресловутый закон «О колосках» (7 августа 1932 г.)³⁸, а ЦК КП(б)У 9 августа принимает Постановление «О мерах борьбы со спекуляцией хлебом». 22 августа Укрколхозцентр специальным постановлением запрещает выдавать хлеб в общественном питании³⁹. В то время, когда голод охватывал всё большие территории, полным ходом шла отгрузка зерна на экспорт. Вот строчки из телеграммы заместителя председателя Совета труда и обороны В. Куйбышева в ЦК КП(б)У: «Предлагаю немедленно усилить первую очередь отправку порты, отгрузить до

конца месяца тонн пшеницы 30 тыс., ячменя — 20 тыс., ржи — 10 тыс., не считая уже отгруженного. Примите как боевое задание ежедневных отгрузках»⁴⁰.

На 12 октября Сталин «усилил» КП(б)У путём назначения Менделя Хатаевича — бывшего секретаря Средневожского обкома — вторым секретарём и Ивана Акулова — бывшего первого заместителя всесоюзного председателя ОДПУ — первым секретарём Донецкого обкома КП(б)У⁴¹. Хатаевич с молниеносной скоростью производил разные приказы с целью ускорить хлебозаготовку⁴². Но Сталину этого было недостаточно, поэтому 22 октября он послал председателя РНК СССР В. Молотова в Украину и Наркомземдел Л. Кагановича — на Северный Кавказ (в основном на Кубань) на 20 дней в командировку с приказом произвести выкачку хлеба любой ценой⁴³.

Немного позже уже Постышев отправился в командировку на Поволжье. Но технология хлебозаготовок там была абсолютно другой. Всё-таки комиссия Постышева была намного мягче, и голод на Поволжье голодомором мы назвать не можем⁴⁴. 30 октября Молотов председательствует на заседании Политбюро ЦК КП(б)У, которое принимает постановление, где языком фронтовых приказов было сформулировано: «Главной причиной этого срыва хлебозаготовок является почти полное прекращение борьбы за хлеб в подавляющем большинстве районов Украины, господство демобилизационных настроений в отношении хлебозаготовок в период посевной кампании у большинства парторганизаций и их руководящих партийных и советских кадров». В то же время постановление уменьшило хлебозадание Украины на 70 миллионов пудов⁴⁵. Но это была только попытка показать хорошую мину при плохой игре. Замаскировать настоящие цели. Такое постановление было рассчитано не на то, чтобы забрать у крестьянина пять мешков зерна, если у него не было ни одного, а отобрать у него последний колосок, последнее зёрнышко.

Этим постановлением фактически был поставлен крест на любой автономии КП(б)У в деле хлебозаготовок. В борьбе с украинским селом, с Украиной Молотов использовал руководящий состав коммунистов республики как своих покорных вассалов. Первый секретарь ЦК С. Косиор был послан в командировку в Одессу, В. Чубар и Н. Скрышник — на Днепропетровщину, на места с «боевым заданием партии» послали многих других руководящих партийных работников⁴⁶.

Постановление Политбюро ЦК КП(б)У «О мерах по усилению хлебозаготовок» от 18 ноября 1932 года и Постановление Совнаркома УССР «О мерах по усилению хлебозаготовок» от 20 ноября 1932 года положили конец какой бы то ни было игре в дипломатию. По своему цинизму и жестокости им сложно найти аналоги в мировой практике. Это настоящие документы геноцида, в которых нет ничего общего с экономической деятельностью. Постановление вводило в практику выкачивание хлеба из колхозов, которые не выполнили хлебозадание, всех натуравансов, выданных им во время посевной, всех натуральных фондов, за исключением семенного. Вводилась система натуральных штрафов: дополнительные мясозаготовки в размере 125 процентов годового мясозадания. При этом наложение штрафов не освобождало колхозы от выполнения хлебозадания. Были легализованы также штрафы в виде картофеля, удвоение штрафов. Фактически, это был приказ отобрать у крестьянина все продукты без исключения⁴⁷.

Опубликованное постановление фактически вводило жёсткую цензуру на информацию о реальном положении, путём угрозы «лжецам» подать на них в суд по закону от 7 августа 1932 года (10 лет заключения или расстрел): «Подача в суд на основании Постановления ЦВК и РНК СССР от 7 августа 1932 года. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперативов и об усилении гражданской (социалистической) собственности» как расхитителей государственного и гражданского имущества бухгалтеров, кладовщиков, завхозов, весовщиков, которые утаивают хлеб от учёта, составляют неверные учётные ведомости, чтобы облегчить разбазаривание и воровство, чтобы сорвать выполнение плана хлебозаготовок, другие государственные обязательства». Постановлением от 18 ноября была взята под постоянный контроль работа 22 газет самых важных хлебозаготовочных районов⁴⁸. Что это значит — нетрудно догадаться. Умирать от голода украинские крестьяне должны были молча. Постановлением вводилась практика занесения колхозов, которые не выполнили хлебозаготовительный план на пресловутую «чёрную доску». Туда немедленно прекращался завоз товаров первой необходимости, запрещалась кооперативная и государственная торговля, колхозная торговля как для колхозов, так и для частных, при останавливалось любое кредитование и требовалось обязательное возвращение всех кредитов и других задолженностей⁴⁹. При этом в данном постановлении фиксировалось новое развитие мифа о том,

что хлеб был, и только слабость и вредительство коммунистов мешают выполнению своих «основных обязанностей перед партией и рабочим классом». В постановлении от 18 ноября присутствует такой символический пункт: «Ввиду того, что в ряде сельпарторганизаций, особенно в период хлебозаготовок, вскрылось смыкание целых групп коммунистов и отдельных руководителей партячеек с кулачеством, петлюровщиной и т.д., что на деле превращает такого рода коммунистов и парторганизации в агентуру классового врага и является наглядным доказательством полного отрыва этих ячеек и коммунистов от бедняцко-среднеяцких колхозных масс, ЦК и ЦКК КП(б)У постановляет немедленно произвести чистку ряда сельских парторганизаций, явно саботирующих выполнение плана хлебозаготовок и подрывающих доверие партии в рядах трудящихся»⁵⁰.

Так, миф получил полную модификацию: недостаточная классовая бдительность коммунистов позволила проникнуть в их ряды националистам.

25 ноября 1932 года Наркомюст УССР издал распоряжение прокурорам на местах о репрессивных мерах при проведении хлебозаготовок, что органы юстиции и прокуратуры «обязуются любой ценой: а) обеспечить быстрое прохождение этих дел (три дня); б) обеспечить самую эффективную репрессию в этих делах с тем, чтобы она действительно могла переломить и решительно искоренить все элементы, которые срывают выполнение плана хлебозаготовок»⁵¹.

Репрессирующая машина набирает ужасающие обороты. На украинское село были брошены уполномоченные, рабочие отряды, так называемые «буксирные бригады» и т.д. 14 декабря 1932 года в игру вступает сам «главнокомандующий» — «вдохновитель и организатор всех побед» И. Сталин. Под его командованием в Москве проходит оперативное совещание, на которое вызваны члены ЦК КП(б)У, крайкома Северного Кавказа и обкома Западной (Смоленской) области. Западная часть тут фигурирует явно для маскировки, чтобы хоть как-то прикрыть антиукраинскую направленность операции. В Постановлении ЦК ВКП(б) и РНК СССР о хлебозаготовках в Украине, на Северном Кавказе и в Западной области участие Западной области ограничено простыми указаниями закончить план заготовок зерновых до 1 января 1933 года и план заготовок льна до 1 февраля 1933 года⁵². Фактически это постановление направлено не на организацию хлебозаготовок, а на организацию истребления всех форм экономического, политического и культурного возрождения

Украины, самым ярким проявлением которого была украинизация. Под прикрытием партийно-схоластической лексики давалось однозначное указание остановить украинизацию: «ЦК и СНК отмечают, что вместо правильного большевицкого проведения национальной политики в ряде районов Украины украинизация проводилась механистически, без учёта конкретных особенностей каждого района, без тщательного подбора большевицких украинских кадров, что облегчило буржуазно-националистическим элементам, петлюровцам и пр. создать свои легальные прикрытия, свои контрреволюционные ячейки и организации»⁵³.

Приблизительно через шесть недель после появления в Украине П. Постышева — как второго секретаря ЦК КП(б)У и фактического диктатора — стало ясно что «правильное большевицкое проведение национальной политики» означает фактический конец украинизации, её запрет. Второй аспект этого постановления — прямой призыв к репрессиям против руководителей нижних звеньев парторганизаций. Назывались фамилии бывших секретарей райкомов, председателей райколхозсоюзов, председателей исполкомов и т.д. как организаторов саботажа хлебозаготовок, назывались даже сроки их заключения в концентрационных лагерях — от 5 до 10 лет. Постановлением приказывалось: «Немедленно перевести на Северном Кавказе делопроизводство советских и кооперативных органов «украинизированных» районов, а также все издающиеся газеты и журналы с украинского языка на русский, как более понятный для кубанцев, а также подготовить и к осени перевести преподавание в школах на русский язык. ЦК и СНК обязывают крайком и крайисполком проверить и улучшить состав работников школ в «украинизированных» районах»⁵⁴. Почему Северный Кавказ вызвал такое повышенное внимание Сталина и его соратников? Нужно учитывать, что Северо-Кавказский край был пронизан духом казацкой вольницы. Украинское население там было большинством. Но Сталин выступил не только против традиционной украинско-казацкой Кубани, но и против казаков вообще. Советская власть никогда не признавала казаков отдельной этнической группой: 1919 год принёс с собой политику «расказачивания», а в 1923 году она выступила против самого названия «казак»⁵⁵.

Северный Кавказ был плацдармом деникинщины. Именно здесь произошли самые сильные антиколлективизационные бунты⁵⁶. И ещё один немаловажный аспект — культурно-образовательная по-

литика на Северном Кавказе строилась под прямым руководством народного Комиссариата образования УССР и финансировалась из госбюджета УССР⁵⁷. Приостановление украинизации на Северном Кавказе и в других регионах было политическим ударом против Украины как государства и против Н. Скрыпника как фактического лидера национальных коммунистов. В постановлении недвусмысленно отмечалось: «В особенности ЦК и СНК указывают Северо-Кавказскому крайкому и крайисполкому, что легкомысленная, не вытекающая из культурных интересов населения, не большевицкая «украинизация» почти половины районов Северного Кавказа при полном отсутствии контроля за украинизацией школы и печати со стороны краевых органов, дала легальную форму врагам советской власти для организации сопротивления мерам и заданиям советской власти со стороны кулаков, офицерства, реэмигрантов-казаков, участников Кубанской Рады и т. д.»⁵⁸. По этой причине попадала под поголовное выселение в северной области СССР станица Полтавская, которая на то время насчитывала более 10 тыс. жителей. Практику таких масштабных «переселений» сталинский режим после использует во время репрессий против так называемых казённых народов, в том числе крымских татар.

15 декабря 1932 году в адрес ЦК республиканских компартий, крайкомов и обкомов, глав совнаркомов, край- и облисполкомов пришла телеграмма, подписанная Сталиным и Молотовым, в которой приказывалось немедленно приостановить украинизацию во всех местах компактного проживания украинцев по всей территории СССР.

«Эти документы, как справедливо отмечает Ю. Шаповал, — убедительно доказывали: Сталин решил покончить с политикой украинизации не только в Украине, но и в других районах страны, где компактно проживали украинцы (Кубань — 2 млн., Курская область — 1,3 млн., Воронежская — 1 млн., Дальний Восток, Сибирь, Туркестан — по 600 тыс.). Над ними Украина взяла шефство, направляя туда кадры и обеспечивая необходимой литературой»⁵⁹.

18 декабря 1932 года Сталин и Молотов ещё раз обвинили украинских коммунистов в «несерьёзном отношении к заданиям партии и правительства» и приказали: «ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР поручить т. Кагановичу и Постышеву немедленно выехать на Украину на помощь ЦК КП(б)У и Совнаркому Украины, засесть в решающих областях Украины в качестве особо уполномоченных ЦК ВКП(б) и

СНК (...) и принять все необходимые меры организационного и административного порядка для выполнения плана хлебозаготовок»⁶⁰.

Сталинские «асы» «засели» в областях Украины и уже 24 декабря 1932 года ЦК КП(б)У приказали сдать государству, без исключения, колхозные фонды, в том числе семенные⁶¹.

На январском объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 24 января 1933 г. было принято решение о создании политотделов МТС. Они стали не зависимой от местных и республиканских органов структурой, которая могла обеспечить выполнение указаний Москвы и руководилась непосредственно из центра. Политотделам давались широкие полномочия в руководстве колхозами и обеспечении контроля над частниками. Фактически это была передача власти над селом от республиканских органов центру⁶².

И вот, 24 января 1933 года Сталин взял прямую власть в Украине посредством назначения Постышева вторым секретарём ЦК КП(б)У (он становится фактическим лидером КП(б)У и в то же время первым секретарём Харьковского обкома партии), Хатаевича — третьим секретарём ЦК и первым секретарём Днепропетровского обкома партии, Вегера — первым секретарём Одесского обкома⁶³. С Акуловым — первым секретарём Донецкого обкома КП(б)У Сталин контролировал четыре из шести обкомов, двух из трех секретарей ЦК. За десять месяцев Постышев назначил 1340 новых товарищей на руководящие должности, заменил 237 секретарей райкомов, 9 секретарей райисполкомов, 158 представителей райконтролькомиссий. В то же время было создано 643 политотдела МТС и 302 политотдела колхозов. Ещё 10 тыс. были откомандированы непосредственно в колхозы, в том числе 3 тыс. назначены председателями или секретарями колхозов⁶⁴. По сути, это был беспрецедентный захват украинской территории. Целая армада вооружённых до зубов сталинских эмиссаров выдвинулась против страны, которая умирала в голодных судорогах. Это была тотальная агрессия, и она не имела ничего общего с экономическими мотивами. В то же время Постышев повёл борьбу с «кредителством» в партийных рядах. В этом его поддерживал фактически весь руководящий состав КП(б)У, за исключением Скрышника. Так, Косиор в своей речи 4 февраля 1933 года поддержал Постышева, назвав тех коммунистов, которые утверждали, что такого количества хлеба просто нет, «кулацкими агентами», которые используют «кулацкую арифметику»⁶⁵. Николай Скрышник был изолирован. А после выступления на пленуме ЦК КП(б)У против изменения органов

местной власти волонтаризмом уполномоченных из центра⁶⁶, судьба его практически была решена. Кампания против Скрыпника и национальных коммунистов началась 28 февраля 1933 года с увольнения его с должности Народного Комиссара образования и назначения в Госплан УССР⁶⁷. Всё, что было в Украине положительного, считалось вредным — стандартизация языка, литературное возрождение (позже получило название расстрелянного возрождения), историческая наука, так называемое «националистическое» обучение в школах — приписывалось Скрыпнику, на всём был ярлык «скрыпниковщина». В июне 1933 года на пленуме ЦК КП(б)У Постышев раскритиковал Скрыпника. Тот выступил с речью раскаяния⁶⁸, но Постышеву этого было недостаточно, и он снова выступил с речью, в которой обвинил Скрыпника и его «уклон» во всех трудностях предыдущего года, обвинил его в утаивании в Народном комиссариате образования «вредителей, уклонистов, контрреволюционеров». По мнению Постышева, Скрыпник не мог не знать, что использование буквы «г» — служит коварным планам польских панов⁶⁹. Каждый день в прессе звучала новая критика «скрыпниковского» уклона. 7 июля 1933 года Николай Скрыпник покончил с собой. С ним канула без вести целая эпоха в истории украинской культуры и духовности. С его смертью закончилась не только украинизация, но и коренизация вообще. На ноябрьском пленуме ЦК КП(б)У 1933 года была объявлена кампания борьбы с «фашистскими уклонами» у национальных меньшинств⁷⁰. Начался процесс так называемой интегральной стандартизации на базе руссоцентризма.

Это, по моему убеждению, ключ к пониманию мотивов, которыми руководствовался Сталин и его окружение, создавая и используя сельскохозяйственный кризис, чтобы уничтожить возрождение Украины.

Почему именно Украина? Потому что в ней проживала самая большая по численности часть населения, чем в других вместе взятых нерусских республиках. Потому что у неё был большой опыт национально-освободительной борьбы. Для Украины уроки Центрального Совета, уроки гетманщины, общей борьбы крестьян за свои права не прошли бесследно. В Украине до 1933 года были созданы и существовали развитая государственная организация, хотя и в рамках полицейских ограничений, национальные государственные организации, значительно развилась культура, расширилась сфера использования украинского языка на пролетариат и на органы

государственного управления. Чтобы преобразовать СССР — «совокупное единство», о котором мечтал М. Волобуев, в сталинскую империю, нужно было сломать Украину. Это Сталин реализовал путём организации голодомора.

Резюмируя вышесказанное, можно с определённой уверенностью утверждать, что индустриализация и коллективизация на почве украинизации и коренизации в глазах сталинского режима просто не имела смысла. Разворачивая одновременно два этих процесса, Сталин никогда не достиг бы такого беспрецедентного режима личной власти, к которому он так стремился. Украинизация давала Украине шанс иметь значительную сферу жизни, не подвластную и не подконтрольную центру. С другой стороны, после начала антикрестьянского наступления в форме принудительной продразвёрстки в 1927–1928 годах и дальнейшего раскулачивания и полной принудительной коллективизации для Сталина украинизация и коренизация стали лишними. Они были попыткой создать среди основной части населения поддержку режиму, а теперь режим объявил войну крестьянам вообще, стремясь не к поддержке, а к полному и безграничному повиновению.

Сталин взял на заметку русскую идею как политический клей, для склеивания авторитарного тоталитарного общества. Именно русская идея была ферментом сталинизма, она начала играть значительную роль в процессе строгой регламентации общества, подчинения всех сфер жизни государства. Этим объясняется планомерное и жестокое наступление на все участки экономической, политической, культурной жизни, её личность, её инициатива, её личное мнение могли иметь хоть какое-то значение. Даже преданность режиму, или фанатичная вера в идеалы коммунизма, тут совсем не принимались во внимание. Показательной в этом плане является кампания против официального коммунистического историка Матвея Яворского и его сотрудников. В 1929 году самый престижный московский партийный журнал «Историк-марксист» обвинил Яворского в том, что в одном из своих учебников он рассматривает историю Украины как отдельный исторический процесс⁷¹. Это была политическая сигнализация для Украины. Она свидетельствовала о том, что, даже позволив украинизацию, сталинский режим не собирается рассматривать Украину как отдельное государство, или даже республику со своими правами, что он не воспринимает украинцев как полноценную настоящую нацию. Украине снова, уже в который раз за её ты-

счелетную историю, отводилась роль культурной провинции, «окраины», а украинцам — роль «хохлов», «малороссов».

Яворский был арестован как член мифического Украинского национального центра и в 1937 году расстрелян⁷². Пятилетка 1928–1932 годов и принудительная коллективизация сельского хозяйства радикально изменила баланс сил. И хотя официально пятилетка называлась программой «социалистической трансформации советской экономики», на самом деле это была программа полной трансформации общества путём массового террора, бесконечного поиска врагов. Врагом номер один для Сталина и его окружения был не только украинский крестьянин или украинский интеллигент. Врагом была Украина сама по себе. Против неё Сталин вёл необъявленную войну, бросив сюда весь имеющийся военный, полицейский, политический и экономический арсенал.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Голубничий В. Причины голоду 1932–1933 // Вперед. — Мюнхен, 1958. — № 10. — С. 1, 5–6; Кульчицкий С.В. Ціна «великого переформу». — К., 1991.
- 2 Lewin M. State, Society and Ideology during the First Five Year Plan // Cultural Revolution in Russia, 1928–1931, ed. S. Fitzpatrick. — Блумінгтон—Лондон, 1978. — С. 41.
- 3 Auhagen Otto. Wirtschaftslage der Sowjetunion im Sommer 1932 // Osteuropa. — Серпень, 1932. — С. 645.
- 4 См.: Праці Уїткрофта С., Мерла С., Таугера М.
- 5 Личный архив автора.
- 6 Там же.
- 7 Кульчицкий С. Геноцид! // Демократична Україна. — 1993. — 10 червня.
- 8 Rosdolsky Roman. Zur nationalen Frage: Friedrich Engels und das Problem der «geschichtlosen» Volker. — Berlin, 1979.
- 9 Кульчицкий С.В. 1933: Трагедія голоду. — К., 1989. — С. 48.
- 10 Wheateroft S.G. The Soviet Economic Crisis of 1932: The Crisis in Agriculture // Paper presented to the Annual Conference of the National Association of Soviet and East European Studies of Great Britain, March 23–25, 1985. — P. 12–13.
- 11 Mark B. Tauger. The Harvest of 1932 and the Famine of 1933 // Slavic Review, 1991. — № 1. — P. 29.
- 12 См.: Воронай Олекса. В дев'ятому крузі. — Лондон, 1951; Найбільший злочин Кремля: Створений советською Москвою штучний голод в Україні / Упоряд. М. Вербицький. — Лондон, 1952; Свідчення про винищення Москвою українського селянства / Упоряд. Юр. Семенко. —

- Мюнхен, 1963; 33-й: Голод. Народна книга-меморіал / Упоряд. Володимир Маняк, Лідія Коваленко. — К., 1991; Безкровна війна: Книга свідчень / Упоряд. О. Міщенко. — К., 1991; Мор: Книга буття України / Упоряд. Олесь Воля. — К., 1993; Голоси із 33-го (Голодомор на Кіровоградщині) / Упоряд. В. Бондар. — Кіровоград, 1993.
- 13 Oral History Project of the Commission the Ukraine Famine, ed Tames Mace and Leonid Heretz. — Washington, 1990. — P. 13–27.
 - 14 Там же.
 - 15 *Беладі Ласло, Краус Томас*. Сталін. — М., 1989. — С. 170.
 - 16 *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. — М., 1952. — С. 441.
 - 17 *Churchill Winston* // *The Hinge of Fate*. — Boston, 1950. — P. 498. Сталін використав воєнну аналогію в листах до М. Шолохова // *Правда*. — 1963. — 8 марта.
 - 18 *Сильницький Франтишек*. Национальная политика КПСС в период с 1917 по 1922 год. — Мюнхен, 1978. — С. 196–199.
 - 19 *Сталин И.В.* Сочинения. — М., 1946–52. — Т. VII. — С. 72.
 - 20 *Turij Borys*. The Sovietization of the Ukraine. — 1917–1923. — Едмонтон, 1980. — С. 170.
 - 21 Текст у Франтишека Сильницького. Ленини и брортьбисты // *Новый журнал* (Нью-Йорк). — № 118. — 1975. — С. 230–231.
 - 22 *Скрипник М.О.* Вибрані твори. — К., 1991. — С. 157–165.
 - 23 *Dmytryshyn Basil*. Moscow and the Ukraine, 1917–1953. — Нью-Йорк, 1956. — С. 56–60.
 - 24 *Krawchenko Bohdan*. The Impact of Industrialization on the Social Structure of Ukraine // *Canadian Slavonic Papers*. — 1980. — № 3. — pp. 345, 354.
 - 25 Через призму марксістської критики. — Львів, 1928. — С. 8.
 - 26 Для общего взгляда на национальный коммунизм см.: Mace Tames B. *Communism and the Dilemmas of National Liberation: National Communism in Soviet Ukraine, 1918–1933*. — Кембридж, Массачусетс, 1983.
 - 27 *Затонський В.* Національна проблема на Україні. — Харків, 1927. — С. 23.
 - 28 Впервые этот термин в официальном публичном выступлении на съезде СПУ использовал Иван Драч. Впервые слово «голодомор» было напечатано в статье Алексея Мусиенка // *Літературна Україна*. — 1988. — 18 листопада.
 - 29 *Правда*. — 1932. — 6 ноября.
 - 30 Важнейшие решения по сельскому хозяйству. — М., 1935. — С. 533–536.
 - 31 *Вісті ВУЦВК*. — 1932. — 2 лип.
 - 32 Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. — К., 1991. — С. 190.
 - 33 Там же. — С. 177–193.
 - 34 *Вісті ВУЦВК*. — 1932. — 8–17 лип.
 - 35 Голод 1932–1933 років на Україні. — С. 221.
 - 36 Там же. — С. 220–221.
 - 37 Там же. — С. 121.

- 38 Текст закона «Про охорону майна державних підприємств, колгоспів та кооперації та про зміцнення громадської (соціалістичної) власності» в сб. «Важнейшие решения по сельскому хозяйству». — М., 1935. — С. 65–66.
- 39 Голод 1932–1933 років на Україні. — С. 227–231.
- 40 Там же. — С. 235.
- 41 Вісті ВУЦВК. — 1932. — 15 жовтня.
- 42 См.: *Хатаєвич М.* Завдання більшовиків України в боротьбі за хліб, за організаційно-господарське зміцнення колгоспів та за піднесення сільського господарства // Більшовик України. — 1932. — № 21–22. — С. 1–20.
- 43 Голод 1932–1933 років на Україні. — С. 238.
- 44 *Зеленин И.Е.* О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. — 1989. — № 2. — С. 16.
- 45 Голод 1932–1933 років на Україні. — С. 243.
- 46 Там же. — С. 245.
- 47 Там же. — С. 250–260. Коллективізація і голод на Україні, 1929–1933: Збірник документів і матеріалів. — К., 1992. — С. 548–549.
- 48 Коллективізація і голод на Україні. — С. 548–549. Постанова ЦК КП(б)У та РНК УРСР 6.XII.1932 легалізувала ці заходи // Там же. — С. 278–279.
- 49 Голод 1932–1933 років на Україні. — С. 256.
- 50 Там же. — С. 256.
- 51 Коллективізація і голод на Україні. — С. 551.
- 52 Постановление ЦК ВКП(б) та РНК СРСР по хлебозаготовке на Украине, Северном Кавказе и в Западной области // Золоті ворота. — 1991. — № 1. — С. 78–79.
- 53 Там же. — С. 79.
- 54 Там же.
- 55 *Starikov Sergei and Medvedev Roy.* Philip Mironov and the Russian Civic War. — Нью-Йорк, 1978. — С. 101–132; *Gladkow Wasili.* History of the Cossacks. — Нью-Йорк, 1972. — С. 128–129.
- 56 *Кукушкин Ю.С.* Осуществление сельскими советами политики ликвидации кулачества как класса // Вестник Московского университета. — 1966. — № 4. — С. 27.
- 57 *Скрипник М.* Статті і промови. — Харків, 1930–1931. — Т. 5, ч. 2. — С. 247.
- 58 Золоті ворота. — 1991. — № 1. — С. 79.
- 59 *Шаповал Ю.І.* Україна 1920–50-х років: Сторінки ненаписаної історії. — К., 1993. — С. 110.
- 60 Голод 1932–1933 років на Україні. — С. 295.
- 61 Там же. — С. 296.
- 62 *Timoshenko Vladimir.* Soviet Agricultural Policy and the Nationalities Problem in the USSR // Report on the Soviet Union in 1956, ed. T. Pennar. — Мюнхен, 1956. — р. 47.

- 63 Більшовик України. — 1933. — № 3. — С. 3.
64 Правда. — 1933. — 24 ноября.
65 *Косіор С.* Підсумки хлібозаготівель і завдання у боротьбі за піднесення сільського господарства України // Більшовик України. — 1933. — № 3. — С. 26.
66 *Скрипник М.О.* Вибрані твори — С.529-535.
67 Вісті ВУЦВК. — 1932. — 1 березня.
68 *Скрипник М.О.* Вибрані твори. — С. 536–541.
69 Вісті ВУЦВК. — 1933. — 22 червня.
70 *Чирко Б.В.* Шкідництво різних націй / Національні меншини на Україні У 1920–30-х роках за документами ЦДАГО України//Архіви України. — 1992. — № 4.— С. 33.
71 Историк-марксист. — 1929. — № 12. — С. 285.
72 Шаповал Ю. І. Назв. праця. — С. 97. ■

Юрген Бертельсманн

«На той и другой стороне — люди...»

Война глазами немецкого солдата

<http://www.hro.org/editions/karta/nr1011/nemec.htm>

«Странно, что, несмотря на жестокость и суровость с обеих сторон, всегда возможны и человеческие отношения. На той и другой стороне люди тоскуют об одном и том же — праве на человеческие чувства. Лично ведь никто ничего не имеет друг против друга, каждый всей душой стремится к миру. Начинаешь понимать горе других людей, сочувствуешь им, видишь, что им тоже хочется немного радости...»

Из письма с Восточного фронта

Юрген Бертельсманн родился 18 февраля 1913 года. Он — сын художника Вальтера Бертельсманна из Ворпсведе и скульптора и художницы Эрны Бертельсманн-Лундбек.

Впервые интерес к рисованию и живописи пробудился в доме его родителей и в кругу их знакомых, к которым принадлежали основатели колонии художников Ворпсведе. Вальтер Бертельсманн был другом и учеником Ганса ам Енде.

Юрген Бертельсманн считал себя последователем художников круга Ворпсведе. Но он не подражал им. Он активно осваивал избыток красок и форм, окружающих его. Рисовать и писать красками было для него жизненной необходимостью. Перед ним открывались широкие возможности.

Юг мало привлекал его, северянина. Его все время тянуло на север, на побережье, в дальние края. Наверное, потому так полюбились ему просторы русского Севера.

По окончании обучения в Бремене у профессора Менца и профессора Макензена он много ездил. Женился на соученице по художественной школе.

В 1940 году Бертельсманн получил место преподавателя живописи в гимназии в Штаде, но не смог приступить к работе, так как был призван на военную службу.

В 1941 году с первыми отрядами из Дании был отправлен на Восточный фронт. Его взвод участвовал в боях под Ленинградом.

В мае 1942 года ушел с разведгруппой и не вернулся.

«Россия. 1941 год. Все еще идет война, безжалостная война. Мы все — только часть этой гигантской военной машины.

Повернуть колесо обратно нельзя. Однако есть еще возможность что-то самому делать и думать. До сих пор мы никак не можем прийти в себя. Важно было лишь одно — выжить и не попасть в плен. Нас страшат сталинские лагеря для интернированных и каторжные работы...»

1941 год

«Стоит лютый мороз. Вчера было 38 градусов мороза, к тому же еще дул восточный ветер. Наши товарищи, вернувшиеся вчера с передовой, говорили, что там было даже больше 40 градусов мороза. Едва ли можно высунуть нос из-под шапки без риска, что он не побелеет.

В самом тяжелом положении, конечно, находятся наши пехотинцы в окопах. Что им приходится переносить — это просто невыразимо. Они нуждаются в нашем уважении, сочувствии, а потом и в нашей помощи».

12 декабря 1941 года

«Всюду видны большие и маленькие закутанные фигуры. Почти все в валенках. Мальши в своих толстых шубах почти такие же в ширину, как и в высоту. Выглядит очень забавно, как они ковыляют...»

9 января 1942 года

«Этот художник был освобожден немцами. Он живет здесь, в Тайцах. Мы смогли хорошо объясняться друг с другом и нашли много общего, особенно наш интерес к живописи и литературе.

Мне вдруг стало так больно при мысли о том, как я хотел бы приехать сюда, в эту страну с тобой, ... просто как штатский ... как друг .., а не как враг.

Сталина называют здесь красным царем. Им восхищаются, но его и боятся, даже его ближайшние соратники. Он ни во что не ставит ни людей, ни природу. Они для него — лишь материал для его великих планов и технических достижений.

Кто стоит на его пути или вызывает малейшее подозрение, того он приказывает немедленно устранить. Нам рассказывали, что многие в штрафных лагерях и тюрьмах даже не знают, почему они там находятся. Такие люди, естественно, приветствуют нас как освободителей. Жаль, что население с самого начала боролось с нами как с чужеземными захватчиками, но это вполне понятно.

Все произошло слишком быстро. Сталин никак не предполагал, что мы нападём на него. Он хотел ждать до тех пор, пока европейцы (в которых он нуждался для осуществления своих планов), не перегрызутся между собой и не обессилеют. Только тогда он хотел начать наступление. В этом случае маленький полуостров Европа должен был бы, как созревший плод, упасть ему в руки. В это он твердо верил, да и сейчас, по-видимому, убежден в этом. Наверное, поэтому заманивает он нас так глубоко в свою страну.»

1 февраля 1942 года

«Трудная работа. Я едва чувствую свои пальцы, но тем не менее не бросаю рисовать, когда другие спят, а я не могу сомкнуть глаз от усталости.

Я работал даже при почти 40 градусах мороза; затем сразу же сильно натирал руки снегом и тут же засовывал их в теплые меховые перчатки, которые ты мне сшила. А затем надо было сильно хлопать по телу руками и топтать ногами».

1942 год

«Вечер закончился чудесным закатом, пламеневшим в сумерках над нашим лесом...

Россия, эти просторы и леса навсегда запечатлены в моей памяти, эти светлые, девственные леса с их пронизанной солнцем листвой и пеннием птиц...

Вот и настал наш черед идти на передовую. Получим ли мы приказ к выступлению уже этой ночью?.. Мы ждем...

Я думаю, что если когда-нибудь действительно наступит мир на нашей Земле, то с еще большей силой польются и заговорят неиссякаемые источники сердца и души. Так велика жажда этого...»

22 мая 1942 года

Фиона Флек

Правительства должны больше осознавать значение прав человека в сфере здравоохранения

<http://bmj.com/cgi/content/full/325/7358/238/d>
© BMJ 2002, August 3 (Британский Медицинский Журнал)

Правительства во всем мире должны больше осознавать значение прав человека при развитии политики здравоохранения, утверждает Всемирная Организация Здравоохранения в новой брошюре на эту тему.

В брошюре отмечено, что связь между правами человека и здоровьем только недавно начала привлекать внимание мирового сообщества, которое она заслуживает из-за возрастающего требования большей ответственности за здоровье людей.

36-страничная брошюра — это часть кампании, которую проводит ВОЗ для того, чтобы сформировать у должностных лиц в сфере здравоохранения и практикующих врачей более сознательное представление о связи между здоровьем и правами человека. Издание побуждает правительства предоставлять гарантии того, что наибо-

© Ю. Пиевская, перевод с англ., 2005

лее уязвимые люди в обществе получают доступ к службам здравоохранения, в которых они нуждаются. В брошюра также предупреждается, что плохо разработанные или плохо реализованные программы в области здравоохранения и политика могут привести к нарушениям прав человека, если не в состоянии будут распознавать потребности в сфере здоровья наиболее уязвимых людей.

Высокий стандарт в области охраны здоровья закреплен в Конституции ВОЗ с тех самых пор, как в 1946 г. Организацией Объединенных Наций эта организация была основана. Автор брошюры, Helena Nygren-Krug, подчеркнула: «Связывание проблем здоровья и прав человека могло бы действовать как сила для мобилизации и предоставления полномочий наиболее уязвимым людям». И добавила, что потребности некоторых групп, включая женщин, детей, пожилых людей, инвалидов, представителей религиозных и этнических меньшинств и беженцев, также часто игнорировались.

В брошюре рассматриваются проблемы здоровья, возникающие в результате нарушений прав человека, такие как насилие против женщин, пытки, а также значение гражданских прав для людей, имеющих проблемы со здоровьем, или условия, которые допускают их стигматизацию со стороны общества, такие как ВИЧ-инфекция и СПИД. И это блокирует доступ к возможному получению услуг в сфере здравоохранения, финансирование системы здравоохранения в слабо развитых странах и, таким образом, плохое здоровье может использоваться против пациентов, просящих работу и страхование.

Госпожа Nygren-Krug отметила: здоровье должно пропагандироваться не как милостыня, но как право людей осознавать, что их «притесняют, а также возможность изменений к лучшему». Это, в свою очередь, обеспечило бы сообщества юридическими и моральными основаниями для получения в случае необходимости международной помощи, заявила автор брошюры.

Другие органы ООН также пытаются пропагандировать большее понимание проблем прав человека в свете политики и практики в сфере здравоохранения. В этом году Комиссия по правам человека ООН назначила независимого эксперта, известного как «специальный докладчик», для сбора ежегодных отчетов относительно прогресса действий правительств во всем мире.

С 25 вопросами и ответами по теме «Здоровье и права человека» можно ознакомиться на сайте: www.who.int/hhr/news или по телефону/факсу: + 41 (0) 22 786 7224. ■

Хосе Хирога, Джеймс М. Яронсон

Политически мотивированные пытки и их жертвы

Jose Quiroga, James M. Jaranson. Politically-Motivated Torture and its Survivors: A desk study review of the literature. TORTURE. Volume 15, #2-3, 2005, pp. 30-39.
© Rehabilitation and Research Centre for Torture Victims (RCT), 2005

Анализ был сделан на правовой и судебной оценке выживших жертв пыток. Вопросы, поднятые относительно обоснованности воспоминаний, имеют значение для лечения выживших.

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ

А. Стамбульский протокол

Право человека на свободу от пыток четко заявлено как международным законодательством, так и законами большинства стран мира. Тем не менее, официально запрещенные пытки применяются в 75% стран мира (Amnesty International, 2000). Важным шагом в предотвращении пыток и в борьбе с безнаказанностью является серьезное исследование явления пытки и иных проявлений жестокого, бесчеловечного и унижительного обращения. В январе 1996 года Amnesty International утвердила ряд принципов, являющихся частью всемирной кампании Amnesty International, с целью повышения роли медицинских работников в выявлении и изучении мотивов пыток.

© Г. Полякова, перевод с англ., 2006

Все лица, утверждающие, что они подвергались пыткам, должны пройти медицинское и психологическое обследование, независимо от того, сколько времени прошло с тех пор.

Государства, которые руководствуются международным правом, обязаны незамедлительно и беспристрастно исследовать выявленные случаи применения пыток и иных проявлений жестокого, бесчеловечного и унижительного обращения.

Amnesty International призывает правительства принять необходимые меры для изучения всех предполагаемых случаев пыток и чтобы медицинская часть исследования выполнялась с соблюдением следующих принципов:

1. Доступ: задержанный должен иметь немедленный доступ к врачу.
2. Независимость: доктор, который проводит осмотр, должен быть независимым от органов власти.
3. Конфиденциальность медицинского осмотра: осмотр должен производиться в отдельном помещении.
4. Согласие: человек должен дать свое согласие на обследование.
5. Доступ к медицинским записям: доктор, который производит осмотр, должен иметь доступ к данным предыдущих медицинских осмотров.
6. Полный осмотр: доктор должен сделать полный медицинский осмотр.
7. Отчет: доктор должен незамедлительно представить отчет в письменной форме.
8. Конфиденциальность отчета: отчет может быть обнародован исключительно с согласия жертвы пыток.
9. Повторный осмотр независимым врачом проводится в случае необходимости.
10. Моральные обязательства: прежде всего врач должен обеспечить благополучие пациента.

Гиффорд из университета города Эссекс в 2000 году издал пособие для национальных и местных НГО с целью активизации их участия в выявлении случаев применения пыток. Данное пособие не только помогает НГО в более качественном сборе информации, как на уровне сообщества, так и на индивидуальном уровне, но и позволяет им раскрывать местные модели пыток и сообщать о них в соответствующие международные организации (Gifford, 2000).

ООН приняла активное участие в разработке международных норм для эффективного предупреждения нарушения прав человека. В декабре 1980 года Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 35/172 о выборочном или суммарном выполнении. Спустя десять лет было утверждено пособие «Manual on the effective prevention and investigation of extra-legal, arbitrary or summary executions» (Миннесотский протокол), которое включает образец протокола вскрытия и рекомендации для работы со случаями смерти граждан, пребывавших в руках властных структур. Примерами таких злоупотреблений являются политические убийства, смерть в результате насильственного «исчезновения», смертельные исходы, вызванные чрезмерным применением силы со стороны правоохранительных органов, несанкционированные действия и акты геноцида (ООН, 1991).

Действуя в том же русле, Комиссия ООН по Правам человека в апреле 2000 года и Генеральная Ассамблея ООН в декабре 2000 года приняли резолюцию 55/89: «Принципы эффективного исследования и документирования пыток и иных проявлений жестокого, бесчеловечного и унижительного обращения или наказания» (Стамбульский протокол). Этот документ содержит международные рекомендации для оценки состояния жертвы, заявившей о перенесенных пытках и жестоком обращении, и описывает основные принципы любого серьезного исследования случая применения пыток. Такое исследование должно быть компетентным, непредвзятым, независимым, быстрым и тщательным. Данное пособие явилось результатом трехлетней работы более 75 специалистов в области права, здравоохранения и защиты прав человека, представляющих 40 организаций и учреждений из 15 стран. Это пособие отнюдь не является обязательным для соблюдения протоколом, а представляет собой минимальный набор норм, которые смогут применять правительства и правозащитные организации. Это пособие создано с учетом широкого опыта обследования лиц, переживших пытки, и его следует применять в подготовке медицинских работников, участвующих в оказании помощи лицам, пережившим пытки (ОНЧР, 2001). Стамбульский протокол содержит обширную информацию о соответствующих международных правовых нормах, этических правилах для юристов и медиков, а также принципы и стандарты расследования дела. Кроме того, пособие включает исчерпывающее описание психических и психологических признаков перенесенных пыток и рекомендации медикам относительно оценки и отчета об осмотре лица, пережившего пытки.

Конечной задачей эффективного исследования и документирования попытки или жестокого обращения является установка фактов предполагаемых случаев пыток, выявления ответственных лиц, содействовать их обвинению. Медики и психологи, привлеченные к расследованию, должны действовать в соответствии с самыми высокими этическими нормами. Основными принципами любого изучения случаев применения пыток являются компетентность, беспристрастность, независимость, быстрота и тщательность.

Эксперты должны подготовить точный письменный отчет. В этом отчете следует отметить, по крайней мере, следующие пункты:

- а) имена жертвы пыток и лиц, присутствовавших при осмотре, точную дату и время, место и адрес учреждения, и обстоятельства во время осмотра, особенно если эта процедура выполнялась в центре для содержания под стражей задержанных правонарушителей;
- б) специализацию и стаж работы экспертов медика и психолога, принимавших участие в документировании доказательства факта пытки, с приложением послужного списка;
- в) детальное описание травмы и методов пытки, а также все физические и психологические симптомы;
- г) письменную фиксацию (зарисовки, фотографии, указание размеров) всех физических свидетельств пыток и психологическую оценку, в случае необходимости следует провести тестирование;
- д) диагноз и интерпретация данных осмотра и показаний о возможной связи между данными физического осмотра и психологического обследования и примененных способов пытки;
- е) выводы и рекомендации;
- ж) подтверждение правдивости;
- з) имена и подписи экспертов, выполнявших обследование, с указанием времени и места проведения экспертизы.

Этот отчет должен быть конфиденциальным и его следует направить официально представителю человека, перенесшего пытку. Полные и детальные рекомендации по написанию отчета о медицинском осмотре содержатся в Приложении IV Стамбульского протокола (ООН, 2001 – United Nations, 2001).

И врач и психолог, излагая свои клинические впечатления, должны быть готовы ответить на шесть вопросов, важных с юридической точки зрения:

1. Соответствуют ли данные физического и психологического обследования сообщению о предполагаемых пытках?
2. Симптомы каких физических состояний вошли в клиническую картину?
3. Являются ли данные физикального осмотра предполагаемыми или типичными реакциями на чрезвычайный стресс в культурном или социальном контексте этого человека?
4. Если с течением времени у человека развилось психическое расстройство, обусловленное травмой, то какой промежуток времени отделяет его проявление от момента применения пытки?
5. Какие иные факторы воздействовали на человека (например, длительная травля, принудительная миграция, ссылка, потеря семьи и социальной роли и т.д.)? Как они повлияли на жертву?
6. Предполагает ли клиническая картина наличие лживого заявления о пытке?

Американская организация «Врачи за права человека» (Physicians for Human Rights — PHR) издала руководство для медицинских работников по медицинскому и психологическому обследованию людей, которые подвергались пыткам и обратились с просьбой о предоставлении политического убежища в США. В основу этого руководства положен Стамбульский протокол, особый акцент сделан на Закон США «Об убежище», приводятся также рекомендации для проведения медицинского и психологического обследования лиц, ищущих убежища (Physicians for Human Rights, 2001).

Международный реабилитационный совет по жертвам пыток (IRCT) в сотрудничестве с Турецким фондом прав человека (HRFT), Всемирной ассоциацией медиков (WMA), американской организацией «Врачи за права человека» (PHR, USA) при правовой и экономической поддержке Европейской Комиссии развернули проект по глобальному выполнению Стамбульского протокола. Целью Проекта является повышение осведомленности, одобрение на национальном уровне и его реальное выполнение в пяти странах из пяти регионов мира. Учебные пособия по медицине, психологии, праву и аудиовизуальные материалы были подготовлены в Англии, Франции и Испании. Выбраны пять целевых стран: Марокко, Уганда, Грузия, Шри-Ланка и Мексика. В каждой из них был проведен учебный семинар для подготовки будущих тренеров. В Мексике состоялись два таких семинара.

В. Медицинская оценка

Собеседование в обстановке обычного медицинского учреждения

Многие из тех, кто подвергался пыткам, изначально обращаются за помощью в обычные медицинские учреждения клинического типа либо в стране проживания, либо в лагере беженцев или стране, в которую они были перемещены. Однако зачастую доктор может распознать депрессию у такого пациента, но не увидеть в нем жертву пыток. Врачу, оказывающему первую помощь, следует знать о принадлежности такого пациента к группе высокого риска подверженности пыткам или особым травмам, таким как, например, беженцы, люди ищущие убежища, или участники радикальных политических акций у себя на родине. Заведомо безопасные ситуации, такие как посещение доктора, могут всколыхнуть тяжелые воспоминания и ощущения у жертв. Возможно, они не захотят рассказывать о своей жизни. Иногда у них есть физические свидетельства травмы либо, что встречается чаще, соматические симптомы без явной физической причины. Очень часто люди, пережившие пытки, пугаются осмотра. Даже обычное сидение в приемной может напомнить им периоды вынужденного ожидания. Возможно, при пытках ассистировал доктор в белом халате. Лечение у стоматолога может пробудить воспоминания об удалении зубов во время пытки.

По возможности следует прибегнуть к помощи узко специализированных служб, так как необходимо дать экспертную оценку физической и психологической травме, чувствительности к проявлениям разных культур, сформировать знание о многообразии потребностей беженцев или лиц, переживших пытки.

Узкоспециализированные службы, если таковые имеются, помогут выполнить экспертную оценку физической и психологической травмы, чувствительности к проявлениям разных культур, сформировать знание о многообразии потребностей беженцев или лиц, переживших пытки, а также предоставить услуги переводчика для преодоления языкового барьера.

Физикальная оценка

Для изучения всех потенциальных проблем людей, переживших пытки, необходимо провести всестороннюю медицинскую оценку, которая должна включать:

- историю травмы
- историю болезни
- семейный анамнез
- проверку систем
- проверку перечня вакцинаций
- оценка состояния упитанности.

Эти вопросы, за исключением истории травмы и оценки состояния упитанности, представляют собой часть полного медицинского осмотра, проводимого при обычном лечении. История травмы представляет собой новую проблему для медработника, оказывающего первую помощь, но является основным вопросом в лечении беженцев. Иногда прежде чем изучать историю травмы, необходимо установить доверительные отношения с пациентом (Mollica, 2001b). Некоторые реабилитационные программы рекомендуют, чтобы врач и психолог составляли историю травмы вместе.

Физикальный осмотр должен включать:

- полный осмотр
- скрининг зрения и слуха (при наличии показаний)
- РPD у всех и рентгеновское исследование, если тест оказался положительным
- вакцинация (при наличии показаний)
- анализ кала на наличие паразитов, если у клиента отмечены проблемы желудочно-кишечного тракта
- анализы на ВИЧ, реакцию Вассермана, гепатит В и осмотр у гинеколога (желательно, чтобы этим специалистом была женщина, если осматриваемая пациентка была изнасилована)
- оценка судмедэксперта, если лицо, перенесшее пытки, предъявляет следы пыток
- лечение всех медицинских состояний, острых или хронических, независимо от того, связаны ли они с пытками, направление клиента в другие медицинские учреждения, если программа не может обеспечить необходимую медицинскую помощь.

Ниже приводится перечень лабораторных анализов, которые наиболее часто выполняются при медицинском обследовании беженцев и лиц, подвергавшихся пыткам:

- анализ мочи, химический и микроскопический
- общий анализ крови

- Chem. 12
- печеночные пробы
- липидный уровень
- тест на беременность
- ВИЧ
- реакция Вассермана
- пробы на гепатит
- тест на наличие хеликобактериальной инфекции
- анализ кала на наличие паразитов
- анализ на наличие скрытых следов крови в кале
- исследование предстательной железы для мужчин старше 50 лет
- прочие тесты и процедуры по показаниям

По завершении медицинского обследования выявленные проблемы могут быть разделены на связанные с травмой и такие, что которые не имеют к ней никакого отношения. С медицинской точки зрения, все проблемы со здоровьем требуют гуманного подхода, их следует выявить и лечить.

С. Психиатрическая/психологическая оценка

Подходы и методы оценки можно использовать в исследованиях, в скрининге групп высокого риска (например, беженцев), чтобы затем, по возможности, направить их в учреждения системы здравоохранения и образования, иммиграционные службы. Вместе с тем они могут стать первой частью стратегии вмешательства. Однако многие люди, пережившие пытки, живут в странах, где отмечается нехватка медицинских работников и специальных служб и ограничен доступ к учреждениям системы здравоохранения. А единственную ощутимую поддержку им оказывают друзья, родственники, учителя, юристы, сообщество, священники или знахари (Jaranson et al., 2001).

Собеседование с работником системы защиты психического здоровья

Сам процесс собеседования является наиболее проблемным аспектом диагноза, поскольку может стимулировать воспоминание о травматических событиях и возродить симптомы посттравматического стресса до такого состояния, когда впервые у клиента проявится весь спектр депрессии (PTSD). Поэтому следует предоставить клиенту возможность излагать свою историю в наиболее комфортном

темпе. Если специалист, выполняющий собеседование, слишком агрессивен, это может привести к повторной травматизации и возрождению симптомов. Собеседование должно быть интерактивным, ведущий должен раскрывать и расспрашивать пациента. При этом необходимо учитывать невербальную коммуникацию пациента и речевую экспрессию, указывающие на то, что отдельные вопросы являются слишком болезненными или что пациент хочет что-либо объяснить или прояснить. Жертвы пытки порой бывают немногословными, излагая свои истории, или выглядят менее удрученными после всех пережитых ужасов, чем ожидают их собеседники, и тогда специалисты, выполняющие собеседования, относятся к ним цинично, не веря их рассказам (Jaranson, 2005). Рядовые сотрудники зачастую не знают, как задавать трудные вопросы, либо непременно хотят знать ответы. Связь, которая образуется между врачом и пациентом, закладывается еще в процессе вступительных бесед, и в это же время может начаться лечение, особенно если пациенту правильно разъяснить причины и источник симптомов. Следует выделить некоторые аспекты процесса оценивания пациента с глубокой межличностной травмой. Специалисты должны быть хорошо ознакомлены с ключевыми элементами мира, из которого пришел их пациент, поскольку отсутствие таких знаний неизбежно приведет к серьезным ошибкам в оценке. Взаимопонимание между специалистом и клиентом играет решающую роль: отчасти это объясняется тем, что жертва пытки является активным участником диалога. И оценка и диагностика, равно как и любое последующее вмешательство, должны способствовать ощущению безопасности и развитию доверия со стороны человека, пережившего пытку. Если эти условия выполнены, клиенту вряд ли потребуются вмешательство либо он от него вскоре откажется (Jaranson et al., 2001).

Сложности, с которыми сталкиваются специалисты, выполняющие оценку

С точки зрения профессионалов, оценка пациентов, перенесших тяжелые межличностные травмы, является чрезвычайно сложной задачей. По крайней мере, отчасти, вследствие сложности в первичной оценке, оказалось, что систематически повторяющиеся оценки прикрепленных пациентов могут повысить результаты (Kinzie et al., 1990). Ярансон и соавторы (Jaranson et al., 2001) определили следующие трудности:

1. Люди, пережившие пытки, могут иметь множественные сопутствующие психические нарушения либо долговременные изменения личности.
2. Симптомы депрессии посттравматического стресса, особенно симптомы навязчивости, то нарастают, то снижаются. И в момент интервью могут вообще отсутствовать.
3. Симптомы избегания, оцепенения и амнезии могут помешать пациенту в запоминании информации о травме и других симптомах.
4. Эта информация может настолько взволновать пациента, что даже усложнит сбор объективных данных.
5. Специалист, проводящий собеседование, может почувствовать, что пациент декомпенсирован и что клиническая ситуация препятствует выявлению существенной информации (Kinzie and Jaranson, 2001).
6. Люди, пережившие пытки, могут ожидать быстрого улучшения симптомов и прекратить лечение достаточно рано, если этого не происходит.

Принципы оценки

При наличии самого хорошего оборудования наилучшая оценка выполняется как часть лечебной программы и такими специалистами, которые могут лечить пациента как биологически, так и психологически, непосредственно после обследования. Оценка должна включать тщательную проверку психического статуса, физикальный осмотр и лабораторные исследования в дополнение к тем подробностям о травме, которыми перенесший пытки человек хотел бы поделиться. Кроме того, необходимо собрать информацию о том, что происходило с человеком до и после травмы. Причем важны не только симптомы, но и уровень функционирования. Необходимо также оценить все отмечавшиеся до получения травмы случаи неумения адаптироваться, психические и физические состояния, ранее пережитые травмы (как в активной, так и в пассивной роли). Активные психические нарушения или иные психо-социальные травмы повышают уязвимость (Kinzie et al., 1990). Не менее важна предшествующая история травмы головы (с потерей сознания или без таковой) на любом этапе жизни обследуемого. Следует также заострить внимание на пост-миграционных факторах, особенно у беженцев и лиц, нуждающихся в убежище. На вводном собеседовании следует соста-

вить план лечения и обсудить обязательства по его своевременному выполнению (Jaranson et al., 2001).

Культуральные аспекты в проведении оценки

Различия в культурах людей проявляются также в желании и потребности детальных воспоминаний и рассказа о перенесенных пытках. Жители Индокитая стремятся приуменьшить проблемы и неохотно распространяются об этих событиях. Беженцы из Южной Америки, как оказалось, более охотно и детально делятся своими переживаниями (Mollica and Silove, 1992; Jaranson et al., 2001).

Понимание культуральных особенностей играет важную роль в выборе метода оценки. Стандартная «западная» модель собеседования может навредить пациенту (Mollica and Son, 1989). Оценка опыта большей части жизни человека, личностные ценности, сложившаяся в данный момент жизненная и семейная ситуация, внешняя социальная поддержка одинаково важны для выполнения медицинской оценки.

Опросники и оценочные шкалы

Применение структурированного интервью и диагностический инструментарий имеют некоторые преимущества, например, систематическая запись симптомов, в некоторой степени, дает возможность выяснить больше, чем пациент готов рассказать. С некоторыми из них клиент справляется самостоятельно, а с другими может работать человек без профессиональной подготовки, но прошедший краткий инструктаж. Тем не менее, эти опросники могут помочь в установлении достаточно точного диагноза и предоставить данные для ученых. Изрядная часть этого инструментария в настоящее время переводится и подгоняется под многочисленные культуральные группы, а новые системы показателей разрабатываются специально для обследования беженцев и лиц, переживших пытки. Этот же инструментарий может быть полезен для повторной оценки для сопоставительного анализа. Полный обзор этих вопросов выходит за пределы данной статьи. Избранный инструментарий для проведения первичной оценки приведен в Приложении VI, В.

Точность воскрешения событий в памяти

Точность воспоминаний о пережитых пытках чрезвычайно важна при составлении заявления на предоставление убежища, а также

для оценки и реабилитации. Обзор этих вопросов также не входит в задачи данного исследования, но мы вкратце затронем его. Сила памяти о травме зависит от степени активации особых нейромодуляторных систем. Некоторые острые нейробиологические ответы на травму могут способствовать кодированию травматических воспоминаний. Воспоминания о травматическом опыте остаются неизгладимыми на многие десятилетия, и самые разнообразные стрессы и стимулы способны пробудить их (Charney, 1993). Эти травматические переживания кодируются мозгом в мозжечковой миндалине, которая соединяет и интегрирует информацию, поступающую от пяти органов чувств, кортикальной сенсорной системы и эмоциональные реакции от таламуса и гипоталамуса (Southwick, 1994; Charney, 1993).

Вопросы пробуждения воспоминаний имеют значение для точности оценки, диагностики, лечения и изучения лиц, перенесших пытки. Травматический стресс может вызвать выпадение из памяти некоторых событий или их искаженный образ. Со временем, в результате психотерапии или других обстоятельств, жертва может вспомнить детали, которые ранее были вытеснены из сознания. Например, некоторые люди, подвергавшиеся сексуальному насилию в детстве, восстанавливают эти события в памяти и могут обсуждать их только тогда, когда они уже развили сильное эго и стабильную систему поддержки. В 2000 году Херлихи и его группа (Herlihy et al., 2000) исследовали устойчивость автобиографической памяти 27 косаров и 12 боснийцев, искавших убежище в Англии. Ученые обнаружили, что несоответствия были обычным явлением, но эти несообразности необязательно свидетельствовали об отсутствии доверия.

В последние годы интерес к обоснованности воспоминаний о травме, полученной в детстве, вылился в глубокую дискуссию, которая затронула и проблемы людей, переживших пытки. Спор разгорелся вокруг вопроса о том, насколько обычным для взрослых людей является забывание, а затем возрождение в памяти травматического опыта детских лет. По мнению Рота и Фридмана (Roth and Friedman), имеющиеся данные дают возможность предполагать, что эти воспоминания могут возродиться после периода забвения.

С другой стороны, есть и такие факты, которые подтверждают, что жертва хранит свои искаженные воспоминания, «крепко верит в них и убедительно описывает» (Roth and Friedman, 1997, p.8). В условиях лабораторного исследования испытуемых можно убедить

поверить, что они испытали события, которых на самом деле не было. Эти результаты предполагают, что личностные характеристики могут повысить внушаемость, следовательно, некоторые люди могут сообщать неправдивые или неточные воспоминания о травме.

Лейтон и Крикорьян (Layton and Krikorian) в 2002 году предложили новую теорию в нейробиологии о промежуточной памяти при депрессиях посттравматического синдрома. Их модель доказывает, что именно в мозжечковой миндалине происходит консолидация травматического опыта. Кроме того, она ингибирует гиппокампус на высоком уровне эмоционального возбуждения, вызывая снижение осознанной памяти по отношению к событиям, связанным травмой. Саусвик и соавторы (Southwick et al.) предполагают, что повышенная запоминаемость любовных событий связана с повышением норадренифина в момент консолидации воспоминания.

Правовая оценка

Ряд авторов выступает со статьями, излагая свой опыт медицинской, психологической или правовой оценки людей, которые подвергались пыткам и теперь нуждаются в медицинской и психологической помощи или в оценке для предоставления политического убежища (Oemichen, 1999; Poundre, 1999; Thomsen, 2000; Jacobs et al., 2001, Part 1; Jacobs et al., 2001, Part II).

Физические доказательства, в отличие от психологических, зачастую более охотно принимаются во внимание правовыми системами многих стран. Двойственная роль документирования и лечения становится потенциально проблематичной, поскольку цель приобретения безопасного правового статуса может стать более мощным мотивом, чем получение других необходимых услуг. Может произойти конфликт между предоставлением лечения и оказанием помощи в плане социального обеспечения по инвалидности, предоставления пристанища. С другой стороны, вследствие нехватки квалифицированных сотрудников в этой сфере их роли трудно разграничить.

Эти дилеммы детально обсуждались на страницах *Torture Journal* («Журнал о Пытках») и упоминаются ниже.

В 2000 году Джейкобз (Jacobs) приводит доводы в пользу важности психологических свидетельств в документировании пыток, поскольку многие последствия пыток не могут быть непосредственно отнесены к физическим свидетельствам. Джейкобз формирует концептуальное представление о нежелании признать психологическое

свидетельство в качестве психо-политического сужения психического пространства и для исследователей, и для обследуемых. Некоторые основные посылки психо-политического характера могут оказать негативное воздействие на попытки исследователя эффективно задокументировать пытки, включая чрезмерно завышенную оценку физических свидетельств, признание доказательств, медикализация психического здоровья в симптомы, синдромы и диагнозы, и сохранение нерушимости извечного дуализма – дух и тело. Хотя по преимуществу субъективная природа психологического свидетельства не может требовать объективной обоснованности физического свидетельства, психологическое свидетельство тем не менее может претендовать на легитимность. Даже если физическое свидетельство является основным, психологические отклонения жертвы могут влиять на четкость и точность повествования, и тогда в ходе оценки эти нарушения станут явными для правовой системы, что, вероятно, сыграет в пользу жертвы пыток.

Джейкобз и его соавторы (2001, part 1) обсуждают принципы эффективности документирования психологических свидетельств для иммиграционных судов. Это сложная задача, требующая особого подхода, помимо обычного клинического, психологического или психиатрического обследования. Необходимо разрешить внутреннее противоречие специалиста, выполняющего обследование, действующего одновременно как защитник и как независимый эксперт. В то время как исследователь должен представить независимую экспертную оценку, основанную, прежде всего, на объективных данных, клиницисты, как правило, считают себя защитниками людей, переживших пытки. Когда клиницисты выступают в роли экспертов, они должны безо всякой предвзятости найти взаимопонимание с жертвой пытки, но в то же время не пропускать все несообразности в их показаниях. Это в первую очередь относится к врачам из центров по лечению жертв пыток, когда они составляют письменные заключения для своих пациентов. Это может иметь негативные последствия, когда медико-правовая оценка не выполняется за пределами медицинского центра. В идеале эксперт, выполняющий оценку, не должен быть лечащим врачом, однако вклад его является очень важным в более широкой, независимой и всесторонней оценке, которая включает источник информации с третьей стороны. Все же необходимо разъяснить обследуемому лицу специфическую роль эксперта.

Хотя объективность, независимость и нейтралитет необходимы в судебной работе, излишняя отстраненность и критичность со стороны исследователя могут повлиять на уязвимость жертвы пыток. Джейкобз приводит описание Хейнела (2001, part II, p.41) такого идеала, как «величайшая эмпатия в сочетании с наибольшей дистанцией». Работа исследователя состоит в том, чтобы сконцентрироваться, скорее, на фактах, а не на психических реалиях жертвы пыток, хотя при лечении все как раз обстоит наоборот. Исследователь должен высказать свое мнение по поводу вероятности факта пытки как в прошлом, так и в будущем. Суду необходимо, чтобы эксперт представил доказательства в подтверждение заявления, основанного на детальном рассказе, чтобы оценить правдивость заявителя, описать психологические проблемы и обсудить сопряженные вопросы или же вопрос о том, что именно вызвало данные проблемы — пытки или иные факторы. Детали о структуре сбора данных о судебном деле включает многие болезненные аспекты, обсуждавшиеся в ходе собеседования, но самые важные включают применение непротиворечивого подхода, установление ощущения безопасности, понимание нежелания затрагивать болезненные, но важные вопросы. Часто собеседование начинается с психосоциальной и семейной истории, предшествовавшей травме и преследованиям. Перед беседой исследуемому объясняют этот подход. Оценка возможной симуляции и жульничества зависит от описанного выше обследования. Доверие зависит от логичности истории, соответствия симптомов, наблюдений за поведением и обоснованности индикаторов в процедуре психологического оценивания. Если заявление не удовлетворено, важно выяснить причины отказа.

Во втором разделе Джейкобз и соавторы (2001, part I) продолжают обсуждать сбор данных по результатам наблюдения за поведением, проверки психического статуса, структурированных интервью и опросников, а также результатов психологического теста. Наблюдения не должны ограничиваться психологическим стрессом, а соответствовать рассказу. При выборе вопросов для определения психического статуса необходимо принимать во внимание уровень образования и язык обследуемого. Опросники и интервью составлены с учетом различий в культурах, поэтому применять их следует с осторожностью. Достаточно валидные результаты можно получить, применив переведенные на многие языки опросники, такие как НТQ, HSCL 25, шкалы для измерения PTSD, модули нарушений настрое-

ния и тревожности SCID, шкалы для измерения депрессии, такие как шкала Бека (Beck). Для более глубокого тестирования Джейкобз рекомендует ММПИ-2, которая применяется достаточно широко, переведена на многие языки и прошла утверждение. А также TSI, которая несколько короче и включает шкалы валидности (см. Приложение VI).

В завершение эксперт, который проводит оценку, должен определить, насколько детален и состоятелен рассказ, убедиться, что полученные данные предполагают наличие травмы и что не отмечены признаки симуляции и жульничества. Наконец, проверяющий должен ответить, где именно пытки могли или не могли вызвать психологические симптомы. Поскольку люди, пережившие пытки, как правило, подвергаются дополнительным травмам и стрессам, исследователь должен определить эти события как сопутствующие, чтобы убедить суд в завершенности и независимости обследования. Если все будет правильно изложено, то суд согласится считать пытку первопричиной.

Херлихи, Скрегг и Тернер в 2002 году исследовали соответствие автобиографических воспоминаний беженцев в Великобритании. Во избежание срабатывания вторичного фактора выгоды, все участники исследования уже получили политическое убежище в соответствии с программой United High Commission of Refugee. Расхождения между данными двух обследований были обнаружены у всех участников. Они увеличивались с увеличением периода между двумя интервью, особенно у пациентов, имеющих симптомы PTSD. Большие расхождения наблюдались по второстепенным пунктам исследования, чем по основным (Herlihy, Scragg and Turner, 2002).

Хейнел (2001, I и II) использует примеры из исследования для выработки принципов и процедур, описанный Джейкобзом и его коллегами. Примеры программ, включающих судебную оценку, были недавно описаны Шенсоном и Силвером (Shenson and Silver, 1997) в Medical Foundation of London (Peel et al., 2001; Peel et al., 2000) и в Human Rights Clinic в Бронксе, штат Нью-Йорк (Bronx, New York). Хейслер и соавторы (Heisler et al.) в 2003-м опросили судмедэкспертов в Мексике и обнаружили, что проблему представляют не только пытки и дурное обращение с задержанными и арестованными, что для улучшения документирования необходимы дополнительные тренинги, протоколы и процедуры. ■

Психологические аспекты

М.А.Костенко, Н.Б.Костенко, А.В.Урезков

Психосоциальная работа с участниками локальных боевых действий

Методическое пособие

<http://arw.asu.ru/nko/man/2.ru.html>
656055, Алтайский край,
Барнаул, а/я 1246.
тел. (385-2) 331-617, 338-583.
E-mail: man@yaj.dcn-asu.ru

Авторы методического пособия работают в Кризисном центре для мужчин, который является некоммерческой организацией в Алтайском крае (Россия). Основная цель центра — профилактика и реабилитация физического, психического и социального здоровья мужчин региона. Методическое пособие будет полезно для психологов и социальных работников, работающих с жертвами военных действий и межнациональных конфликтов.

ВВЕДЕНИЕ

Потрясшие Россию за последние годы катастрофы, стихийные бедствия, межнациональные и межрегиональные конфликты, рост насилия с очевидностью подтвердили, насколько важна помощь лю-

дям — жертвам и участникам военных действий и межнациональных конфликтов.

В современной жизни многих стран, в том числе России, военно-служащие, особенно принимающие участие в локальных конфликтах внутри своих стран и в военных действиях за рубежом, занимают особое место в группе лиц с повышенным риском развития психогенных нарушений. Посттравматические стрессовые синдромы впервые были описаны в США после вьетнамской войны. Во все времена воинская служба сопровождалась комплексом достаточно специфических психотравмирующих воздействий. Армейский быт с его издержками, жесткое ограничение «степени свободы» из-за необходимости «жить по приказу», тревожная напряженность и страх смерти во время войны, зачастую неясность жизненных перспектив и ряд многих других неизбежных психотравмирующих факторов негативно влияют на состояние любого военнослужащего. В противовес этому на протяжении столетий формировался комплекс социальных эмоционально-позитивных для военнослужащего факторов, активно поддерживаемых обществом. Воин — защитник очага, семьи, Родины. Его оружие предназначено для освободительной миссии, охраны жизни людей, справедливости, свободы. Осознание высокой цели воинской службы, ее героизация позволяли солдатам преодолевать многие сложности. При этом отношение общества к своим защитникам формировало у них чувство гордости за выбранный жизненный путь и уверенность в своей социальной значимости. Однако при всех так называемых непопулярных в обществе войнах, как свидетельствуют научные данные, в армиях разных стран мира повышался уровень психических расстройств. Необходимо отметить, что в литературе психогенные расстройства военного времени рассматриваются отдельно у участников военных действий и у населения.

С изложенных позиций ситуация, сложившаяся в последние годы в российской армии, породила большое число психических расстройств у многих военнослужащих. Во время локальных войн расстройства психики осложняются личными и вместе с тем социально-общественными «рассуждениями» о целях, методах войны и ее последствиях. Военные медики все чаще используют такие нетрадиционные, но отражающие клиническую реальность термины, как «боевое утомление», «психологические стрессовые реакции», «аффективные расстройства», а также «вьетнамский», «афганский», «чеченский» синдромы и другие. У 15-20% военнослужащих, при-

нимавших участие в войне в Афганистане, в военных действиях в Карабахе, Абхазии, Таджикистане, Чечне, по данным главного психиатра Министерства обороны РФ В.В. Нечипоренко (1995), отмечаются «хронические посттравматические состояния», вызванные стрессом. Около 12% опрошенных участников боевых действий хотели бы посвятить свою жизнь в любой воюющей армии. У этих людей выработались свои извращенные взгляды на запрет убийства, грабежа, насилия. Они пополняют не только ряды воинов в разных странах мира, но и криминальные структуры. В наибольшей мере это относится к участникам локальных войн, прежде всего в Афганистане и Чечне. Специалисты эти войны называют «эпидемией аморальности» (М.М. Решетников), ведущей к девальвации идеи освободительной миссии армии, к криминализации и психопатизации многих военнослужащих.

Анализ поведения солдат и офицеров, прошедших Афганистан и Чечню, позволяет обратить внимание на то, что «наряду с реальным героизмом, взаимовыручкой, боевым братством и другой относительной позитивной атрибутикой войны грабежи и убийства (как исход «разборок» среди своих), средневековые пытки и жестокость к пленным, извращенное сексуальное насилие в отношении населения (особенно на чужой территории), вооруженный разбой и мародерство составляют неотъемлемую часть любой войны и относятся не к единичным, а к типичным явлениям для солдат любой из воюющих армий, как только они ступают на землю противника. Неизбежность возмездия за содеянное осознается обычно не сразу, но по прошествии определенного времени, в отличие от публично провозглашаемых героических воспоминаний, постоянное чувство тревоги и вины за содеянное приводит к деформации личности, она молчаливо проецируется на все межличностные отношения, составляя часть эмоционального поля, а иногда и весь эмоциональный фон» [1,2].

Психическая травма, психологический шок и их последствия — вот что будет определять до конца дней жизненный настрой выживших в военных конфликтах.

Исследования, проводимые в этой области, доказывают, что у людей, побывавших в боевых ситуациях, возникают так называемые посттравматические стрессовые нарушения (далее ПТСН). Круг явлений, их вызывающий, достаточно широк и включает множество ситуаций, когда возникает угроза собственной жизни или жизни близкого человека.

Нарушения, развивающиеся после пережитой психологической травмы, затрагивают все уровни функционирования личности (физиологический, личностный, уровень межличностного и социального взаимодействия), приводят к стойким изменениям психики не только у людей, непосредственно переживших стресс, но и у очевидцев, у членов их семей. Посттравматические стрессовые нарушения становятся причиной формирования специфических семейных отношений, особых жизненных сценариев и могут влиять на всю дальнейшую жизнь.

Все это и обусловило необходимость выявления особенностей возникновения, развития, последствий ПТСН, а также форм и методов психосоциальной работы с лицами, страдающими ПТСН. Несмотря на возрастающий интерес к проблеме посттравматических нарушений [1,2,6], все же в литературе она освещена недостаточно. В предлагаемом пособии сделана попытка систематизировать научные и практические знания, что является необходимым звеном в формировании целостного представления о возникновении, развитии, последствиях, а также путях преодоления посттравматических нарушений у участников боевых действий.

Глава 1. ПОНЯТИЯ «СТРЕСС» И «ТРАВМАТИЧЕСКИЙ СТРЕСС»

1.1. Концепция стресса Г. Селье

Начало созданию концепции стресса положил Ганс Селье в 1936 г. Одна из главных функций психики, по его мнению, уравнивание деятельности организма с постоянно изменяющимися условиями внешней среды. Стресс — это психическая реакция, особое состояние человека в период «перехода», приспособления к новым условиям существования. Общее свойство специфических реакций организма — активизация физиологического аппарата, ответственного за эмоциональное возбуждение при появлении неприятных или угрожающих явлений. По видам воздействия на человека стрессы можно подразделить на следующие виды:

- системные стрессы, отражающие напряжение преимущественно биологических систем. Они вызываются отравлением, воспалением тканей, ушибами и т.п.;
- психические стрессы, возникающие при любых видах внешних воздействий, вовлекающих в реакцию эмоциональную сферу.

В принципе стрессовое — одно из нормальных состояний человека. Стресс (от англ. *stress* — нажим, давление) — это любое более или менее выраженное напряжение организма, связанное с его жизнедеятельностью. И в этом качестве стресс — неотъемлемое проявление жизни. Следовательно, дело не в наличии самого явления, а в его количестве (в его выраженности), перерастающем в качество.

Г. Селье выделяет три основные стадии развития стресса:

- первая — аларм-стадия, или стадия тревоги,
- вторая — стадия резистенции или сопротивления;
- третья — стадия истощения.

Травматический стресс — особая форма общей стрессовой реакции. Когда стресс перегружает психологические, физиологические, адаптационные возможности человека и разрушает защиту организма, он становится травматическим, т.е. вызывает психологическую тревогу. Далеко не каждое событие способно вызвать травматический стресс. Психологическая травма возможна, если

- произошедшее событие осознаваемо, т.е. человек знает, что с ним произошло и из-за чего у него ухудшилось психологическое состояние;
- пережитое разрушает привычный образ жизни.

Травматический стресс — особого рода переживание, результат особого взаимодействия человека и окружающего мира. Это нормальная реакция на ненормальные обстоятельства [10].

1.2. Посттравматический стресс

В международной классификации психических нарушений травматический стресс определяется как комплекс реакций при наличии следующих факторов:

1. Травматическое событие упорно переживается вновь и вновь. Это происходит в разных формах:

- повторяющиеся и насильственно прорывающиеся, внедряющиеся в сознание воспоминания о событии, включая образы, мысли или представления;
- человек всеми силами стремится забыть травмирующие воспоминания, но они всегда найдут способ, чтобы напомнить о себе;
- повторяющиеся кошмарные сны о событии;
- действия или чувства, напомнившие о переживаемых во время травмы. Сюда относятся иллюзии, галлюцинации и так на-

зываемые вспышки воспоминаний, когда в памяти всплывают эпизоды травматического события, часто еще более яркие и отчетливые, чем это было в действительности. Причем независимо, возникают эти явления наяву, или во время сна, или же при интоксикации;

- интенсивные негативные переживания при столкновении с чем-то, напоминающим (символизирующем) травматическое событие;
 - физиологическая реактивность, если что-то напоминает или символизирует травматическое событие — спазмы в желудке, головные боли и пр.
2. Упорно избегается все, что может быть связано с травмой, — мысли, разговоры, действия, места или люди, напоминающие о травме.
 3. Появляется неспособность вспомнить важные эпизоды травмы, т.е. человек не может восстановить в памяти некоторые эпизоды из того, что с ним происходило.
 4. Выражено снижение интереса к тому, что раньше занимало, человек становится равнодушным ко всему, его ничто не увлекает.
 5. Проявляется чувство одиночества, отстраненности и отчужденности от окружающих.
 6. Притупляются эмоции — неспособность переживать сильные чувства (любовь, ненависть).
 7. Возникает чувство потери будущего (короткая жизненная перспектива), когда человек планирует свою жизнь на очень короткий период.

Когда говорится о том, что человек страдает ПТСН, прежде всего имеется в виду то, что он пережил травмирующее событие, т.е. с ним произошло что-то ужасное и проявились некоторые из перечисленных симптомов. Но это событие — лишь часть общей картины, внешнее обстоятельство, которое сыграло свою роль в болезненном процессе. Другая сторона посттравматического стресса относится к внутреннему миру личности и связана с реакцией на пережитые события, которая в каждом случае индивидуальна.

Травмирующие события, глубоко затронувшие психику, сильно отличаются от всего предыдущего жизненного опыта, и человек отвечает на них резко отрицательной реакцией. Нормальная психика стремится смягчить дискомфорт: человек коренным образом меняет отношение к окружающему миру, стараясь сделать свою жизнь хоть

немного легче, а это, в свою очередь, вызывает психическое напряжение [5].

Глава 2. ПРИЧИНЫ И МЕХАНИЗМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССА

2.1. Причины возникновения ПТСН

Американский психолог Дж. Ялом предложил рассматривать все психологические проблемы травматического стресса с точки зрения смерти, свободы, изоляции, бессмысленности. В травматической ситуации эти положения становятся не абстрактными, а абсолютно реальными объектами переживания. Так, смерть предстает перед человеком в двояком виде. Он становится свидетелем смерти других людей (знакомых, незнакомых, родных, близких) и оказывается перед лицом собственной возможной смерти.

В обычной жизни личность владеет психологической защитой, позволяющей существовать бок о бок с мыслью, что в один прекрасный момент ничего не будет иметь значения. Такая защита выступает в виде базовых иллюзий. Их три: иллюзия собственного бессмертия, иллюзия справедливости, иллюзия простоты устройства мира. Формируются эти иллюзии не сразу, но, надо сказать, они очень устойчивы — многие люди не могут даже представить себе, что когда-нибудь должны умереть.

Иллюзия собственного бессмертия выглядит примерно так: «Могут умереть, все кроме меня». Первая же травматическая ситуация ставит человека лицом к лицу с реальностью. Впервые в своей жизни он вынужден осознать, что может умереть. Для большинства такое откровение может кардинально изменить образ мира, который из уютного, защищенного превращается в мир роковых случайностей.

Иллюзия справедливости гласит: «Каждый получает по заслугам». Эта иллюзия весьма распространенная и стойкая. Один из ее вариантов: «Если я буду делать добро людям, то оно вернется ко мне». Травматическая ситуация сразу же демонстрирует со всей очевидностью неправильность, нереальность иллюзии о справедливости устройства мира. Это открытие часто становится настоящим потрясением для человека. Ведь оно обесценивает все усилия, разрушает защищенность личности.

Разрушение базовых иллюзий — момент, болезненный для любого. И очень важно, что последует за этим. Если человек сможет выйти из мира хотя и удобных, но все же иллюзий в мир опасный, но все же реальный, значит, он повзрослел и сильно вырос как личность. Если же не смог преодолеть этот барьер, то, как правило, или делает вывод, что мир ужасен (а он не хорош и не плох, он такой, такой есть), или же строит другие иллюзии, помогающие воссоздать и укрепить убеждение в собственном бессмертии. Часто такую роль выполняет религия.

Преодоление базовой иллюзии могло бы выступить в таком варианте: «Все, что мы делаем, мы делаем прежде всего для себя. И даже если это может показаться бесцельным, бессмысленным, мы должны это делать, просто чтобы оставаться людьми».

Третья базовая иллюзия — простоты устройства мира — гласит: мир очень прост, в нем есть только черное и белое, добро и зло, наши и не наши, жертвы и агрессоры. Полутона и диалектика мировосприятия здесь отсутствуют. Весь мир как бы поделен на две антагонистические части.

Чем более зрелой становится личность, тем больше она начинает соглашаться с фразой, которую часто можно услышать от много повидавших людей: «В жизни все очень сложно, чем больше живу, тем меньше понимаю».

Безусловно, никому не пожелаешь пережить психологическую травму, но уж если это произошло, то все зависит от того, как человек сможет справиться с этим. Когда человек смог извлечь из своего переживания важный жизненный опыт, он становится гораздо более зрелой личностью. И вне зависимости от возраста всегда будет психологически взрослее того, кто никогда не сталкивался с человеческой трагедией, будет больше понимать жизнь и лучше чувствовать других людей.

Следующая тема, которую необходимо рассмотреть, — тема свободы. Что больше всего ограничивает нашу свободу? Разумеется, внешние обстоятельства не могут выступать такими ограничителями просто потому, что не связаны с психологической реальностью. Можно быть свободным (по крайней мере чувствовать себя таким) и в тюрьме. И в то же время, получив полную свободу действий, ощущать себя несвободным.

Самым сильным ограничителем свободы является чувство вины и вытекающие из него всевозможные долги, обязательства и т.п.

Манипулируя чувством вины, с человеком можно делать все что угодно. Этим часто пользуются государство, родители, супруги и т. д. На самом деле каждый ответствен только за то, что от него зависит. Не более того. А вину всегда найти можно.

Между тем чувство вины — одно из самых непродуктивных, никогда ни к чему хорошему не приводит. Человек, испытывающий чувство вины, стремится как бы наказать себя, занимаясь саморазрушением, или, иначе говоря, аутодеструктивным поведением. Человек с чувством вины как бы «застревает» в прошлом, не изменяясь, не продвигаясь вперед, и иногда даже начинает думать, что он вообще недостоин жить.

Особенно характерно это для травматического чувства вины. У людей, переживших психологическую травму, оно возникает в трех видах.

Во-первых, это чувство может возникнуть как вина за воображаемые грехи. Если, например, умирает кто-то близкий, человек начинает анализировать свое поведение по отношению к умершему и всегда находит причины, которые огорчали умершего.

Во-вторых, у человека, пережившего травматический стресс, часто возникает чувство вины за то, чего он не делал. Вообще жертвы травматических ситуаций часто страдают от «болезненного чувства ответственности», когда их заботит реальная или воображаемая ответственность за действия в прошлом. Конечно, если проанализировать ситуацию, всегда можно найти иной из нее выход; что можно было бы сделать иначе и тем самым предотвратить трагедию.

Но особенно тяжелы случаи, когда человек действительно виноват. Некоторым даже не дано оправиться от такого потрясения.

Третья ипостась травматического чувства вины — это так называемая «вина выжившего», когда человек испытывает чувство вины только потому, что остался жив, а другой умер. Ее еще называют «синдромом узников концентрационных лагерей». Выживший испытывает невероятную ответственность. Он как бы обязан жить теперь «за себя и за того парня», что тяжело и не нужно. Человек должен прожить только свою жизнь — и ничью другую. Иначе груз ответственности окажется слишком тяжелым.

Тема изоляции. Чувство изоляции хорошо известно жертвам травматического стресса: многие страдают от одиночества, от трудности и даже невозможности установления близких отношений с окружающими. Переживания, опыт настолько уникальны, что другим лю-

дям просто невозможно бывает понять тех, кто страдает травматическим стрессом. Самим же жертвам другие люди начинают казаться скучными, ничего не понимающими в жизни. Именно поэтому жертвы так тянутся друг к другу: по их мнению, только человек, испытавший нечто подобное, может их понять.

Но одиночество, переживаемое пострадавшими, — это не только психологическая, но и социальная реальность. Существует миф о том, что жертва вызывает прежде всего сочувствие. Ничего подобного. Часто жертва вызывает агрессию. Люди начинают сторониться пострадавшего, как бы боясь заразиться от него несчастьем.

Так, человеку, столкнувшемуся с несчастьем, с несправедливостью, приходится мириться и с агрессией окружающих. Именно поэтому важно, чтобы друзья и близкие вовремя пришли на помощь и попытались понять чувства пострадавших, очень уязвимых и ранимых.

Тема бессмысленности. Известный исследователь современности В.Франкл убедительно показал в своих работах (в частности, в публикации «Человек в поисках смысла»), что человек может вынести все что угодно, если видит в этом смысл. А психологическая травма неожиданна, беспричинна и потому воспринимается как бессмысленная. И заставляет пострадавших искать какое-нибудь объяснение произошедшему, чтобы травматическое переживание не было напрасным. Тогда и создаются социальные мифы, которые предлагают свое объяснение случившемуся. Для человека необходимо знать, почему он страдал. Если этого объяснения не существует в действительности, он его придумает.

2.2. Механизмы возникновения посттравматического стресса

Получивший травму человек часто говорит себе: «Я стараюсь забыть то, что со мной произошло», «Мне надо взять себя в руки, надо успокоиться, отвлечься, и тогда все забудется». То есть сделать так, чтобы травма перестала причинять душевную боль, избавиться от болезненных впечатлений, не меняя ничего в себе. По сути дела, человек как бы отделяет от себя болезненные переживания, помещая их, условно говоря, в «контейнер».

В «контейнер» заключены чрезвычайно негативные, разрушительные травматические переживания: гнев, вина, страх и др. Эти чувства энергетически очень сильно заряжены. Поэтому внутри «контейнера» заключена агрессивная энергия, которая не нашла своего выхода в момент переживания травмы.

Травмированный человек, пережив чрезвычайно сильные, разрушительные эмоции, больше всего на свете боится их повторения. Но эти эмоции уже возникали и «бережно» сохраняются в «контейнере», не имея свободного выхода. Если же им удастся вырваться наружу, травмированный человек, как правило, теряет контроль над собой. Зная это, он вынужден предпринимать титанические усилия, чтобы «контейнер» не расконсервировался и разрушительные сверхсильные эмоции не вырвались наружу.

Человек, хранящий такой «контейнер», большую часть времени может казаться и себе и другим вполне благополучным, здоровым, ведь полученная рана на первый взгляд зажила и как будто не напоминает о себе.

Однако любой посыл, напоминающий травматическую ситуацию (запах, звук и т.д.), мгновенно оживляет все переживания, и человек вновь и вновь вынужден погружаться туда, где больше всего на свете не хотел бы оказаться. Происходит «неконтролируемое опорожнение контейнера» — человек ощущает, что чувства захлестывают его, и для окружающих выглядит в этот момент сумасшедшим. В такие моменты он может иногда совершать непоправимые поступки, о которых в дальнейшем будет сожалеть.

Поэтому человек вынужден, защищая свой «контейнер», постоянно быть внимательным, избегать всего, что может напомнить травматическую ситуацию. Это крайне утомительно и требует больших затрат энергии.

Консервация «контейнера» со временем требует все больше и больше сил, в конце концов может получиться так, что вся энергия человека начнет уходить на это, истощая психику. Отсюда переутомление, бессонница, раздражительность, нарушение внимания, памяти и другое. Личность в борьбе с самой собой истощается.

«Контейнеры» имеют свойство объединяться: если кто-то в детстве подвергся насилию, а впоследствии прошел войну в Афганистане, то травматические переживания, слившись, порождают одну, но многокомпонентную, большую психотравму, в основе которой, например, идея о том, что все люди вокруг насильники.

Если психологическая защита «контейнера» достаточно сильна, то все эмоциональное напряжение как бы уходит внутрь, негативно влияя на физическое здоровье. В этом случае возникают так называемые психосоматические нарушения, расстройства. Посему люди, перенесшие психологическую травму, часто имеют проблемы с фи-

зическим здоровьем, при этом просматривается связь между телесными проблемами и типом травмы.

Глава 3. ПРОЯВЛЕНИЯ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССА У УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

3.1. Особенности развития ПТСН у участников боевых действий

Поскольку ветераны локальных войн оказались в исключительных, по современным меркам, условиях, им для выживания в мирное время потребовались такие навыки и стереотипы поведения, которые нельзя считать нормальными и общепринятыми в сообществе. Многие из этих стереотипов поведения, пригодные только для боевой обстановки, так глубоко пустили корни, что будут сказываться еще много лет.

По каким же признакам можно распознать посттравматический стресс? Прежде всего тот факт, что данный человек пережил травмирующее событие, т.е. испытал нечто ужасное, что не часто случается с людьми. По определению психиатров, травмирующим называют событие, «выходящее за пределы нормального человеческого опыта».

Травмирующие события случались с людьми во все времена. Но военные ветераны занимают особое место, поскольку на их долю выпала слишком большая доза нечеловеческих переживаний. Ужасы войны воздействовали на психику не только интенсивностью, но и частой повторяемостью: травмы следовали одна за другой, не оставляя человеку времени «прийти в себя». Чтобы убедиться, насколько это важно для психического здоровья человека обратимся еще раз к мнению врачей: они считают, что событие, которое имеет все признаки травмирующего, окажет свое действие практически на любого индивида. А это значит, что потеря душевного равновесия, бурная внешняя реакция в этом случае для психики совершенно нормальны.

Если травма была сравнительно небольшой, то повышенная тревожность и другие симптомы стресса постепенно сойдут на нет в течение нескольких часов, дней или недель. Если же травма была сильной или травмирующие события повторялись многократно, болезненная реакция может сохраниться на многие годы. Например, у современных боевых ветеранов гул низколетящего вертолета или звук, напоминающий взрыв, могут вызвать острую стрессовую реакцию — «как на войне». В то же время человек стремится думать,

чувствовать и действовать так, чтобы избежать тяжелых воспоминаний [5].

Подобно тому, как мы приобретаем иммунитет к определенной болезни, наша психика вырабатывает особый механизм для своей защиты от болезненных переживаний. Например, человек, переживший трагическую потерю близких, в дальнейшем подсознательно избегает устанавливать с кем-либо тесный эмоциональный контакт. Если человеку кажется, что в критической ситуации он повел себя безответственно, ему впоследствии будет трудно брать на себя ответственность за кого-то или за что-то.

«Боевые рефлексы» не казались чем-то необычным, пока человек находился в районе военных действий. Но, возвращаясь домой, попадал в такую среду, где подобные рефлексы производили по меньшей мере странное впечатление на окружающих. Тысячу раз, прямо и косвенно, множеством различных способов человеку указывали, что пора прекратить вести себя как на войне. Но никто не объяснил, каким образом это сделать.

По рассказам многих ветеранов, возвращение домой было не менее, а то и более тяжелым, чем военные переживания: не с кем было поговорить по душам, нигде не чувствовали себя в полной безопасности, и легче было подавлять эмоции, чем позволить им вырваться наружу, с риском потерять над собой контроль. В такой ситуации психическое напряжение долгое время не находит себе выхода.

3.2. Симптомы и последствия ПТСН у участников боевых действий

Когда у человека нет возможности разрядить внутреннее напряжение, его тело и психика находят способ к нему приспособиться. В этом, в принципе, и состоит механизм посттравматического стресса. Его симптомы, которые в комплексе выглядят как психическое отклонение, на самом деле не что иное, как глубоко укоренившиеся нормы поведения, связанные с экстремальными событиями в прошлом.

При ПТСН наблюдаются следующие клинические симптомы:

1. Сверхбдительность. Человек пристально следит за всем, что происходит вокруг, словно ему постоянно угрожает опасность. Но эта опасность не только внешняя, но и внутренняя: боязнь того, что нежелательные травматические впечатления, имеющие разрушительную силу, прорвутся в сознание. Часто сверхбдительность проявля-

ется в виде постоянного физического напряжения, которое не позволяет ни расслабиться, ни отдохнуть и может создать немало проблем. Во-первых, поддержание столь высокого уровня бдительности требует постоянного напряженного внимания и огромных затрат энергии. Во-вторых, человеку начинает казаться, что это и есть его основная проблема, и как только напряжение удастся снизить или расслабиться, все будет хорошо.

На самом деле физическое напряжение может выполнять защитную функцию — защищает наше сознание. И нельзя убирать психологическую защиту, пока не снизилась интенсивность переживаний. Когда же это произойдет, физическое напряжение уйдет само.

2. Преувеличенное реагирование. При малейшей неожиданности человек делает стремительные движения (бросается на землю при звуке низко пролетающего вертолета, резко оборачивается и принимает боевую позу, когда кто-то приближается к нему из-за спины, внезапно вздрагивает, бросается бежать, громко кричит и т.д.).

3. Притупленность эмоций. Бывает, что человек полностью или частично утратил способность к эмоциональным проявлениям. Ему трудно устанавливать близкие и дружеские связи с окружающими, ему недоступны радость, любовь, творческий подъем, спонтанности. Многие ветераны жалуются, что со времени пережитых тяжелых событий им стало намного труднее испытывать эти чувства.

4. Агрессивность. Стремление решать проблемы с помощью грубой силы. Хотя, как правило, это касается физического силового воздействия, но встречается также психическая, эмоциональная и вербальная агрессивность. Попросту говоря, человек склонен применять силовое давление на окружающих всякий раз, когда хочет добиться своего, даже если цель не является для него жизненно важной.

5. Нарушения памяти и концентрации внимания. Человек испытывает трудности, когда требуется сосредоточиться или что-то вспомнить, по крайней мере, такие трудности возникают при определенных обстоятельствах. В некоторые моменты концентрация может быть великолепной, но стоит появиться какому-либо стрессовому фактору, как способность сосредоточиться исчезает.

6. Депрессия. В состоянии посттравматического стресса депрессия достигает самых темных и беспросветных глубин человеческого отчаяния, когда кажется, что все бессмысленно и бесполезно. Этому чувству депрессии сопутствуют нервное истощение, апатия и отрицательное отношение к жизни.

7. Общая тревожность. Проявляется на физиологическом уровне (ломота в спине, спазмы желудка, головные боли), в психической сфере (постоянное беспокойство и озабоченность, «параноидальные» явления — например, необоснованная боязнь преследования), в эмоциональных переживаниях (постоянное чувство страха, неуверенность в себе, комплекс вины).

8. Приступы ярости. Не приливы умеренного гнева, а именно взрывы ярости! Многие ветераны признаются, что такие приступы чаще возникают под действием наркотических веществ, особенно алкоголя. Однако случаются и не спровоцированные алкоголем или наркотиками, так что было бы неверно считать опьянение главной причиной этих явлений.

9. Злоупотребление наркотическими и лекарственными веществами. В попытке снизить интенсивность посттравматических симптомов многие ветераны злоупотребляют табакокурением, алкоголем и другими наркотическими веществами (в меньшей степени). Важно отметить, что среди ветеранов — жертв ПТСН — существуют еще две большие группы: те, кто принимает только лекарственные препараты, прописанные врачом, и те, кто вообще не принимает ни лекарств, ни наркотиков.

10. Непрошенные воспоминания. Пожалуй, это наиболее важный симптом, дающий право говорить о признак ПТСН. В памяти внезапно всплывают жуткие, безобразные сцены, связанные с травмирующим событием. Эти воспоминания могут возникать как во сне, так и во время бодрствования. Наяву они появляются в случаях, когда окружающая обстановка чем-то напоминает случившееся «в то время», т.е. во время травмирующего события: запах, зрелище, звук. Яркие образы прошлого обрушиваются на психику и вызывают сильный стресс. Главное отличие непрошенных от обычных воспоминаний состоит в том, что посттравматические непрошенные сопровождаются сильными чувствами тревоги и страха.

Непрошенные воспоминания, приходящие во сне, называют ночными кошмарами. У ветеранов войны эти сновидения часто (но не всегда) связаны с боевыми действиями. Сны такого рода бывают, как правило, двух типов: первые с точностью видеозаписи воспроизводят травмирующее событие так, как оно запечатлелось в памяти пережившего его человека; в снах второго типа обстановка и персонажи могут быть совершенно иными, но по крайней мере некоторые из элементов (лицо, ситуация, ощущение) подобны тем, которые име-

ли место в травмирующем событии. Человек пробуждается от такого сна совершенно разбитым, его мышцы напряжены, тело в поту.

В медицинской литературе ночное потовыделение иногда рассматривают как самостоятельный симптом — на том основании, что многие пациенты просыпаются мокрыми от пота, но не помнят, что им снилось. Тем не менее потовыделение, очевидно, проявляется именно как реакция на сновидение, независимо от того, запечатлелось оно в памяти или нет. Многие ветераны и их близкие отмечают, что во время сна человек мечется в постели и просыпается со сжатыми кулаками, словно готов к драке. Такие сновидения — пожалуй, самый пугающий аспект ПТСН для человека, и люди редко соглашались говорить об этом.

11. Галлюцинаторные переживания. Это особая разновидность непрошенных воспоминаний о травмирующих событиях, с той разницей, что при галлюцинаторном переживании память о случившемся становится сильной и яркой, отодвигая события текущего момента как бы на второй план — они кажутся менее реальными, чем воспоминания. В этом галлюцинаторном, отрешенном состоянии человек ведет себя так, словно он снова переживает прошлое травмирующее событие: действует, думает и чувствует так же, как в тот момент, когда пришлось спасти свою жизнь.

Галлюцинаторные переживания, для которых характерны особая яркость и болезненность, свойственны не всем: это лишь разновидность непрошенных. Галлюцинаторные воспоминания чаще возникают под влиянием наркотических веществ, в частности алкоголя, однако могут появиться у человека и в трезвом состоянии, а также у того, кто никогда не употребляет наркотических веществ.

12. Проблемы со сном (трудности с засыпанием и прерывистый сон). Когда человека посещают ночные кошмары, есть основания считать, что он сам невольно противится засыпанию, и именно в этом причина его бессонницы: человек боится, заснув, вновь увидеть этот сон. Регулярное недосыпание, приводящее к крайнему нервному истощению, дополняет картину симптомов посттравматического стресса.

13. Мысли о самоубийстве. Человек часто думает о самоубийстве или планирует какие-либо действия, которые в конечном итоге должны привести его к смерти. Когда жизнь представляется более пугающей и болезненной, чем смерть, мысль покончить со всеми страданиями может показаться заманчивой. Когда человек доходит до

крайней грани отчаяния, за которой не видно никаких способов поправить сложившееся положение, он начинает размышлять о самоубийстве.

Многие участники боевых действий признаются, что в какой-то момент достигали этой грани. Все те, кто нашел в себе силы жить, пришли к выводу: нужны желание и упорство — и со временем появляются более светлые перспективы.

14. «Вина выжившего». Чувство вины из-за того, что выжил в тяжелых испытаниях, стоивших жизни другим, нередко присуще тем, кто страдает от «эмоциональной глухоты» (неспособности пережить радость, любовь, сострадание и т.д.) со времени травмирующих событий. Многие жертвы ПТСН готовы на что угодно, лишь бы избежать напоминания о трагедии, о гибели товарищей. Сильное чувство вины иногда провоцирует приступы самоуничужительного поведения.

Таковы основные симптомы и ход развития посттравматического стресса.

Рефлекс подавления загоняет неприятные чувства вглубь — туда, где их эмоциональное воздействие ощущается с меньшей интенсивностью. Это, как правило, сопровождается постоянным напряжением мышц тела. И по мере того, как человек привыкает подавлять в себе отрицательные чувства (гнев, ненависть, ревность, ярость, подозрительность), он одновременно теряет способность испытывать положительные эмоции (любовь, доброту, дружелюбие, доверие). А ведь именно положительные — к себе, к окружающим, к жизни — дают человеку желание и силы изменить что-то в себе и в обстоятельствах своей жизни.

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИЦ, ПРИВЛЕКАЕМЫХ К ДЕЙСТВИЯМ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

На основании практического опыта работы и теоретического анализа исследователь А.Б. Мощанский (г. Пермь) выделяет некоторые факторы, влияющие на психологическое состояние лиц, привлекаемых к действиям в условиях вооруженного конфликта. Изучение и своевременная проработка таких факторов могли бы существенным образом снизить дезадаптивные последствия у лиц названной категории.

Выделяются несколько типичных ситуаций — каждая оказывает определенное влияние на формирование дезадаптивного поведения.

Ожидание экстремальной ситуации (комплектование, дорога, первые дни).

В этот период определяющим личностным фактором является тревожность индивидуума, на которую негативно влияют

- искаженная, конъюнктурная информация СМИ;
- отсутствие профессионального ядра в отряде, имеющего личный опыт участия в военных конфликтах;
- члены семьи;
- продолжительность фазы во времени;
- отсутствие пропагандистской работы;
- отсутствие информации о льготах, гарантиях, компенсациях;
- неорганизованность свободного времени и отдыха.

Дезадаптация в этот период выражается

- в неадекватном реагировании на окружающее (по двум вариантам: бравата, агрессивность, расторможенность и т. д. или безысходность, апатия, отчужденность);
- злоупотреблении спиртным (как средством снижения тревожности и снятия эмоционального напряжения).

Острвозникающая экстремальная ситуация (обстрел, бой).

При таком развитии событий в основе поведения человека лежат физиологически полезные, приспособительные реакции организма. Возникает эмоция страха. Организм переходит на режим экстремального реагирования. Определяющим фактором является время перехода организма от эмоции страха к целенаправленным действиям и тип реагирования. На временной фактор негативно влияют

- отсутствие личного опыта и примеров поведения;
- отсутствие знания о том, что делать;
- отсутствие умений и навыков;
- отсутствие четкой организации;
- негативный пример командира или референтных лиц;
- гибель, ранение товарищей;
- личностный тип реагирования.

Можно выделить два типа реагирования: *адекватное и неадекватное*.

Неадекватное реагирование может протекать в виде:

- гиперреакции, выражающейся в крайнем двигательном возбуждении, которое может сопровождаться криками, метаниями (крайняя реакция — паника);
- гипореакции, заключающейся в двигательном затормаживании тела или его частей (крайнее проявление — поза эмбриона).

Необходимо отметить, что при выраженных неадекватных реакциях человек не понимает, какие действия он должен предпринять, и впоследствии, не помнит что с ним происходило.

В целом совокупность психотравмирующих факторов в островозникающей ситуации вызывает немедленные последствия, а также пролонгированные реакции организма — посттравматические стрессовые расстройства. При невыраженных реактивных состояниях дезадаптационное поведение после ситуации проявляется

- в пассивном поведении;
- отказе от дальнейшего несения службы;
- ажитированном, неадекватном приподнятом поведении;
- заикленности на своих переживаниях.

Ожидание возникновения острой ситуации (пребывание на передней линии, охрана и т.д.). Определяющим психологическим фактором является эмоциональная, а также физическая устойчивость индивидуума. Негативно влияют

- отсутствие опыта;
- отсутствие занятий в свободное время;
- неподготовленность командира;
- неустроенность питания и быта;
- информационный голод;
- игнорирование факторов морального и материального стимулирования;
- временной фактор;
- отсутствие работы с личным составом.

Эти факторы проявляются

- в психологической деформации, снижении морально-нравственных критериев;
- ожесточении, озлоблении;
- апатии, потере интереса к окружающему, вплоть до игнорирования мер собственной безопасности;
- снижении управляемости;
- «злокачественном» пьянстве.

Наиболее опасный период — последняя треть срока пребывания в зоне военного конфликта. Ближе к концу у дезадаптированных лиц изменяется самооценка, появляются эйфория и чувство вседозволенности, ведь они «пережили то, что другие не испытали». Именно в этот период возможны эксцессы.

Период последствия пережитого

Определяющим фактором является тяжесть драматических событий, свидетелем которых был человек, его вовлеченность в действия, время пребывания в состоянии боевого стресса. Изменяется характер психоэмоционального состояния — превалирует нервно-психическая усталость, возникают те или иные признаки депрессии, тревожности, астении.

Проявления дезадаптации:

- нервно-психические реакции (от расстройства сна до выраженных неврозов);
- контроль окружающего пространства;
- обострение соматических заболеваний (изменяются жизненные взгляды и стереотипы поведения; повышенная ранимость психики; готовность применения в любой ситуации силы и оружия; активация социальной позиции; подсознательное разделение общества на своих и чужих; возникновение социальных ожиданий от общества и т.д.).

Дезадаптацию можно разделить на 3 периода:

- 1) эйфория (2-3 месяца) — чувство гордости и уверенности в себе, ожидание социальных реакций;
- 2) неадекватное реагирование (до 3–4 лет) — возникает из-за отсутствия ожидаемых реакций от общества, негативного и безразличного отношения к человеку, прошедшему военных конфликты;
- 3) адаптация к жизни в обществе.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОСОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ЛОКАЛЬНЫХ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ

Опыт стран, столкнувшихся с явлениями, возникающими после возвращения людей с войны и ветеранов боевых действий, показал,

что участие в событиях, связанных с риском для жизни, травматическим образом действует на психическое здоровье и состояние не только непосредственных участников, но и их семей, и всего общества в целом.

Статистические данные подтверждают, что на каждого погибшего на войне приходится один случай самоубийства ветеранов после прохождения военной службы.

Основные принципы психосоциальной реабилитации:

1. Своевременность. Реабилитация должна начинаться сразу же после окончания боевых действий, даже если эта пауза в служебно-боевой деятельности человека временная.
2. По возможности, сохранение состава подразделений.
3. Ориентация в работе с личным составом на признание высокой значимости выполненных задач и высокую оценку служебно-боевой деятельности, проявленные при этом лучшие боевые качества людей, даже если общий итог боевых действий имел неуспешный характер.
4. Создание атмосферы заботы, психологической поддержки военнослужащих со стороны командиров, изменение их отношения к военнослужащим, допустившим ранее проступки и нарушения, в положительную сторону.

Начальный период реабилитационной работы рассчитан на постепенный вывод сознания военнослужащих из вовлеченности в боевую ситуацию. Для этого периода характерно наличие значительного уровня высокостимулированной боевыми стрессами психической и физической энергии. Весь этот потенциал нуждается в реализации. Иными словами, накопленная энергия должна иметь выход. С этой целью рекомендуется организовать занятия, требующие физической нагрузки, которые, однако, не должны превышать объема общей нагрузки, предусмотренной программой боевой подготовки. В этот период необходимо методом наблюдения диагностировать психическое состояние военнослужащих с целью своевременного выявления у них признаков непосредственных посттравматических расстройств психики. Внешние проявления таких расстройств:

- изменение привычного стереотипа поведения на прямо противоположный: ранее общительный активный солдат становится замкнутым, нелюдимым, тяготеет к уединению; наоборот, ранее замкнутый, выдержанный военнослужащий проявляет не харак-

терную для него подвижность, общительность, разговорчивость, часто беспричинное веселье;

- повышенная раздражительность военнослужащего, переходящая в открытую агрессивность с истерическими признаками; слезливость, часто приходящая на смену агрессии;
- так называемая «выключенность» личности, отрешенность от всего происходящего вокруг, частая и долгая статичность позы, взгляда, потеря интереса к жизни подразделения, безразличие к своим товарищам и их занятиям, отсутствие собственных интересов и занятий.

Военнослужащие с подобными признаками нуждаются в оказании медико-психологической помощи, в специальных мероприятиях психокоррекции и психотерапии. В проявлении к ним участия, заботы и заинтересованности их переживаниями может заключаться первая необходимая помощь. В индивидуальных беседах с этими военнослужащими следует дать им возможность высказать все наиболее, внимательно и заинтересованно их выслушать. На следующем этапе целесообразно разъяснить, что с ними происходит и что это временные переживания, которые присущи всем, кто был в бою. Кроме того, важно сформировать у этих военнослужащих уверенность в товарищеской поддержке, он должен знать, что его понимают и всегда готовы прийти на помощь. Самое главное — не допустить, чтобы человека одолело чувство одиночества.

Характерным явлением постстрессовых реакций человека после боевых действий является его повышенная тяга к спиртному и наркотикам. Особенно это характерно при отсутствии какого-либо занятия, физической работы, хорошо и интересно организованного отдыха, музыкальных и др. форм досуговой работы. Если подобные факты будут иметь место, то предпринятые по отношению к военнослужащим меры воздействия не должны быть излишне жесткими и строгими. Прежде всего необходимо разъяснить опасность употребления алкоголя и наркотиков именно в той ситуации, поскольку алкогольная и наркотическая зависимость в период постстрессовых реакций могут стать необратимыми и привести к трагедии.

Следующий этап психосоциальной реабилитации должен в основе своей иметь комплекс мероприятий по формированию поддержки военнослужащих, выполнявших служебно-боевые задачи, как в сфере социально-правовых отношений, так и в сфере общественной психологии, морально-нравственных отношений. Иными сло-

вами, следует помочь реализовать в той или иной степени потребность этих людей в общественном признании выполняемого ими долга и их общественной поддержки. К сожалению, необходимо отметить, что далеко не всегда общественное мнение в государстве было объективным в оценке служебно-боевой деятельности военнослужащих. Примеры тому: отношение к бывшим воинам-«афганцам»; в первые месяцы вооруженного конфликта в Чечне общественное мнение формировалось далеко не в пользу поддержки действий войск, скорее, наоборот.

Этот этап реабилитации чреват возникновением конфликтов между/внутри воинских коллективов, где часть военнослужащих не принимала непосредственного участия в выполнении служебно-боевых задач и находилась все это время в местах постоянной дислокации. Возникающее раздражение по поводу равных себе людей, но не переживших того, что пришлось пережить им, зачастую вызывает агрессию, причем не только у солдат, сержантов по призыву, но и у офицерского состава. Учитывая это, необходимо продумать и организовать торжественную встречу с ритуалом выноса знамени части и проведением митинга, возвратившиеся после выполнения боевой задачи воины должны чувствовать себя истинными виновниками торжества.

Для структур по работе с личным составом в это время особым направлением их деятельности должны стать подготовка и проведение массовых культурно-досуговых мероприятий по пропаганде боевой деятельности личного состава, совершенных подвигов, примеров мужества, добросовестного выполнения воинского долга, причем не только отдельных воинов, но и целых подразделений, экипажей, расчетов. Формы работы: тематические вечера, вечера-портреты, вечера чествования героев, вечера мужества и т.п.

Для участия в этих мероприятиях рекомендуется привлечь представителей местных органов власти, общественности, родителей, родственников, членов семей военнослужащих, эффективно использовать отснятые в районе действия видеоматериалы, фотодокументы.

Другим негативным симптомом дезадаптации военнослужащих после возвращения в обычные условия службы являются возможные конфликты между солдатами, сержантами и офицерами, которые не были с ними «там», когда вполне законная уставная требовательность последних может не всегда адекватно восприниматься их воевавшими подчиненными. Здесь необходимо проявить достаточ-

но такта и понимания психологической привязанности к своим боевым командирами, более высокого их авторитета в глазах подчиненных. Целесообразно на начальном этапе реадaptации оставить рычаги управления боевыми подразделениями в руках их боевых командиров.

Однако основные усилия реабилитации должны быть в этот период сосредоточены на специальных мероприятиях, проводимых психологами, психиатрами, медицинскими работниками, и в первую очередь — на психодиагностике, психофизиологическом обследовании, медицинских осмотрах и на работе по психорегуляции, психокоррекции, мероприятиях психотерапевтического характера. В первую очередь в поле пристального внимания специалистов должны попасть военнослужащие с признаками посттравматических реакций, которые у них наблюдались на начальном этапе реабилитации непосредственно после окончания боевых действий. Но необходимо иметь в виду, что эти реакции могут иметь отсроченный характер и проявиться через значительный период времени после получения психической травмы практически у любого военнослужащего.

Диагностика психических состояний, уровня нервно-психической деятельности, проводимая психологами и психиатрами, должна стать основным содержанием работы в ходе медицинского обследования личного состава после возвращения его из районов выполнения военной задачи. Особое внимание следует уделить проведению бесед — как групповых, так и индивидуальных, в ходе которых военнослужащих необходимо сориентировать в проблемах, возникающих в процессе их реадaptации к обычным условиям жизнедеятельности, а также в психологических особенностях этого периода, дать понять, что это вполне естественный процесс, который позволит в конечном счете обрести душевное равновесие и психологический комфорт (их отсутствие в настоящее время не является чем-то из ряда вон выходящим и не должно вызывать тревог и опасений за свое будущее).

Необходимо иметь в виду, что данный этап чреват суицидальными попытками у некоторых военнослужащих, которые в большей степени оказались подвержены психотравмирующему воздействию боевой обстановки.

Все эти негативные последствия выполнения служебно-боевых задач в условиях, сопряженных с риском для жизни, являются предметом специальных психосоциальных реабилитационных меропри-

ятий, проводимых психологами, медицинскими и социальными работниками.

Особое место в общей системе работы по психосоциальной реабилитации занимает работа с семьями офицеров, прапорщиков, военнослужащих, участвующих в боевых действиях. Эта работа должна вестись еще до возвращения войск в пункты постоянной дислокации. Обстановка в семье, семейные отношения оказывают важнейшее влияние на психологическое состояние военнослужащих, особенно после возвращения их из района боевых действий.

Работу с семьями следует организовать, когда части выполняют служебно-боевые задачи, поступающая информация из районов действий оперативно и своевременно в возможном объеме доводится до членов семей военнослужащих, широко пропагандируется успешное выполнение служебно-боевых задач, примеры мужества, решительности, добросовестного выполнения воинского долга. В беседах членам семей рекомендуется:

- внимательно и заинтересованно слушать рассказы своего партнера о том, что ему пришлось пережить. Очень важно дать военнослужащему выговориться, особенно при моральной поддержке близкого и любимого человека, поделиться своими переживаниями за время отсутствия мужа;
- постараться оказать психологическую помощь, чтобы партнер вернулся в нормальную, привычную жизнь;
- проявить внимание и терпение к проблемам мужа, которые неизбежно возникают в результате боевого стресса, к его психологическому дискомфорту, к повышенной раздражительности, возможному длительному депрессивному состоянию и т.п. Это временные явления, и надо помочь с ними справиться;
- необходимо учитывать, что за время разлуки, связанной с выполнением мужем служебно-боевых задач, оба супруга несколько изменились. Нужно какое-то время, чтобы вновь привыкнуть друг к другу. Возвращение мужа к привычной совместной жизни может протекать не без осложнений, проявите понимание и терпение;
- особое внимание требуется уделить детям. Важно, чтобы при восстановлении ваших привычных отношений с мужем они не остались без должного внимания и заботы;
- создать благоприятную интимную обстановку. Дайте понять партнеру, что вы в нем нуждаетесь и пойдете ему навстречу;

- не поощрять употребление мужем алкоголя, постараться тактично дать ему понять, что это пагубно для него, ваших отношений и в целом для семьи.

Мероприятия общей психосоциальной реабилитации проводят структуры по работе с личным составом, используя комплекс специальных методов психологической, медицинской, социальной реабилитации, которыми пользуются подготовленные психологи, медики, социальные работники.

ОПРОСНИК С ЦЕЛЬЮ ВЫЯВЛЕНИЯ ТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССА ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ (И.О.Котенов)

Инструкция: Внимательно читая каждое утверждение, выберите тот вариант ответа, который больше всего соответствует вашему состоянию или мнению в настоящее время.

В каждой колонке на бланке ответов под номером утверждения обведите цифру, обозначающую ваш ответ:

- 5 – абсолютно верно
- 4 – скорее, верно
- 3 – отчасти верно, отчасти неверно
- 2 – скорее неверно
- 1 – абсолютно неверно

ТЕКСТ ОПРОСНИКА

1. По утрам я просыпаюсь свежим и отдохнувшим
2. Я хорошо координирую свои движения
3. Я испытываю утомление
4. Мне необходимо усилие, чтобы вникнуть в то, говорят окружающие
5. Внезапно у меня начинается сильное сердцебиение
6. Я принимаю пищу машинально, не испытывая при этом удовольствия
7. Окружающий меня мир кажется нереальным
8. Я вздрагиваю от внезапного шума
9. Я настолько живо вспоминаю отдельные события, что при этом как бы вновь переживаю их
10. Я абсолютно здоров физически

11. Мне доставляет удовольствие быть среди других людей
12. Часто я действую так, будто мне угрожает опасность
13. Меня нельзя упрекнуть в рассеянности
14. Я часто вижу один и тот же страшный сон
15. Определенно, я виноват перед людьми
16. Пустяки раздражают меня
17. Я стараюсь не смотреть телевизор, если показывают хронику драматических событий
18. Мне нравится моя работа
19. Я пережил серьезную утрату
20. Я хорошо высыпаюсь по ночам
21. Я никогда не вижу страшных снов
22. Иногда мне хочется напиться
23. Мои близкие сильно беспокоятся из-за моей работы
24. У меня бывает ощущение, что время течет как бы замедленно
25. Иногда я обращаюсь к врачу только потому, что хочу немного отдохнуть
26. Многие вещи потеряли для меня интерес
27. Безо всякого повода я могу выйти из себя
28. Мне следовало бы соблюдать диету
29. Я стараюсь избегать разговоров на неприятные темы
30. Бывает, что я забываю вещи
31. Иногда мне кажется, что даже близкие люди не понимают меня
32. Мне необходимо лучше контролировать эмоции
33. Прошлые события подчас вспоминаются более ярко, чем то, происходит сейчас
34. Мне иногда кажется, что мир вокруг меня теряет краски
35. Я просыпаюсь от внезапного страха
36. Мне стоит больших усилий работать в прежнем ритме
37. Временами я испытываю озноб
38. Мне хочется помогать людям, попавшим в беду
39. Недавно мне пришлось столкнуться с весьма опасными обстоятельствами
40. Я чувствую себя более, чем многие из моих сверстников
41. Я засыпаю с трудом
42. Я испытываю чувство одиночества
43. Мне бывает трудно вспоминать то, что происходило совсем недавно
44. Я чувствую, что становлюсь другим человеком

45. Меня радуют порой самые незначительные вещи
46. Я чувствую прилив сил
47. По утрам я просыпаюсь с большим трудом
48. Мои мысли постоянно возвращаются к тому, о чем не хочется думать
49. Я испытываю чувство стыда
50. Обычно я не обращаюсь к врачу, даже если чувствую, что не совсем здоров
51. Мой сон настолько крепок, что громкие звуки или яркий свет не могут мне помешать
52. Мне говорят, что я вскрикиваю во сне
53. Я часто думаю о будущем
54. Иногда я сержусь
55. Я боюсь, что могу натворить что-то вопреки своим намерениям
56. Бывает, что я забываю то, что хотел сказать или сделать
57. В последнее время мое настроение ухудшилось
58. Мне не на кого положиться
59. Хотелось бы, чтобы моя семья уделяла мне больше внимания
60. Определенно, я люблю рисковать
61. Мне нравится «черный юмор»
62. Я во всем полагаюсь на самого себя
63. Я постоянно чувствую потребность что-нибудь жевать, даже не испытывая голода
64. Иногда мне кажется, что я запутался в жизни
65. Мне кажется, что я не сумел сделать того, что от меня требовалось
66. Я испытываю интерес и вкус к жизни
67. Мне весело и легко в компании людей
68. Я много и плодотворно работаю
69. Часто я забываю, куда положил ту или иную вещь
70. Я стараюсь ни с кем не обсуждать свои проблемы
71. Я никогда не испытывал страха
72. Мне было полезно побыть одному
73. Занимаясь каким-либо делом, я часто думаю совсем о другом
74. Моя жизнь разнообразна и насыщена событиями
75. Я никогда не совершал поступков, за которые мне было бы стыдно
76. Чужие трудности мало кого волнуют
77. Я ощущаю себя гораздо старше прожитых лет
78. Мне кажется, что меня ожидает счастливое будущее
79. В жизни мне пришлось испытать такое, что лучше не вспоминать

80. Я остро воспринимаю чужую боль
81. Мне кажется, я потерял способность радоваться жизни
82. Меня беспокоят головные боли
83. Легкие заработки обычно связаны с нарушением закона
84. Я не прочь подзаработать лишнего
85. Посторонние звуки отвлекают меня
86. Я стараюсь не вступать в драку, если дело меня не касается
87. Я верю в торжество справедливости
88. Мое сердце работает как обычно
89. Иногда я принимаю таблетки
90. Есть вещи, которые я не могу себе простить
91. Определенно, мне нужно время, чтобы прийти в себя
92. Алкоголь хорошо снимает любой стресс
93. Я не склонен жаловаться на здоровье
94. Мне хочется все крушить на своем пути
95. Большинство людей озабочено лишь собственным благополучием
96. Мне нелегко сдерживать свой гнев
97. Я считаю, что прав тот, кто сильнее
98. У меня никогда не было обмороков
99. Мне следовало бы научиться избегать конфликтов
100. Я приобрел в жизни хороших друзей
101. Меня считают уравновешенным человеком
102. Нервное напряжение хорошо снимает сауна
103. Я чувствую растерянность
104. Часто мне кажется, что меня подстерегает опасность
105. Я работаю, не чувствуя усталости
106. Я испытываю сильное внутреннее возбуждение
107. Мне трудно сосредоточиться одновременно на нескольких делах
108. Часто я совершаю произвольные действия в ответ на неожиданный звук или движение
109. Я чувствую себя вполне уверенным
110. Мне есть за что благодарить судьбу

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Картина психического состояния и поведения человека, которая получила название «синдром посттравматического стресса», описыва-

ет определенный способ существования в этом мире. Наше общество в целом и медицинская общественность в частности составили свое мнение об этом способе существования и назвали его болезнью; медики говорят не просто о посттравматическом стрессе, но о «синдроме посттравматического стресса». Доминирующая позиция общества относительно бывших участников войны, страдающих ПТСН, — убеждение в том, что нужно отвлечь внимание ветерана от травмирующих событий, послуживших причиной ПТСН, и таким образом помочь ему «стать нормальным», приспособить свой способ поведения к общепринятым меркам. Недаром в последнее время часто говорят о необходимости создания Программы содействия социальной адаптации.

Идея, заложенная в этом названии, предполагает, что получивший психическую травму человек должен изменить свое поведение так, чтобы слиться с основной массой сограждан. Под «основной массой» подразумевается умеренное большинство граждан, которые придерживаются в целом сходных взглядов на то, какое поведение социально приемлемо, а какое нет.

Однако «социальная адаптация» вряд ли поможет человеку, пробывшему долгое время в экстремальных условиях, вернуть душевный покой и радость жизни. Такой подход может внушить ветерану, что для выздоровления он должен изменить свое поведение, чтобы стать как все «нормальным», а значит, перестать действовать, думать и чувствовать по-своему, «не как все».

У большинства ветеранов, пытающихся адаптироваться, приучить себя к «нормальному» поведению, главные трудности возникают из-за того, что им в качестве лечения предлагают попросту забыть прошлое. А это часто означает, что из памяти будут выброшены не только уродливые образы войны, но также уроки благородства, дисциплины, чести и мужества. Такой путь не ведет к целостности личности. Фактически, этот подход предлагает лечить симптомы заболевания, а не его причину, и цель такого лечения — не здоровье, а соответствие общепринятым нормам поведения. Поэтому можно предположить, что путь «социальной адаптации» не способен привести к истинному выздоровлению участника локальных конфликтов.

Для многих ветеранов связанные с войной переживания и воспоминания реальны здесь и сейчас, а значит, чтобы выполнить рекомендацию «будь здесь и сейчас», они не могут забыть, что было раньше.

Жизненный опыт — богатейший источник знаний о наших собственных сильных и слабых сторонах.

Истинное физическое и душевное здоровье состоит не в том, чтобы соответствовать чьим-то нормам и стандартам, а в том, чтобы прийти к согласию с самим собой и реальными фактами своей жизни.

Другим отрицательным следствием такого подхода будет то, что поверившие в него пациенты, не сумев заставить себя действовать, думать и чувствовать так, как «принято» в нашем обществе, придут в отчаяние и потеряют веру в выздоровление. В действительности же на пути к истинному, а не иллюзорному исцелению не столь важно вести себя «как все», но зато очень важно быть предельно честным с самим собой, оценивая то, что происходит в жизни в настоящий момент. Если сегодня на обстоятельства жизни большое влияние оказывают волнующие воспоминания, поведение, образ мыслей и чувств, пришедшие в наследство из прошлого, надо честно признать их существование, даже если кому-то это покажется «ненормальным». Постепенно узнавая, каким образом «травмирующие события» повлияли на вашу жизнь, вы одновременно придете к пониманию того, что исцеление — процесс глубоко личностный и охватывает почти все сферы вашей жизни, а значит не может сводиться к одной лишь «социальной адаптации».

Подобным же образом и «социально-адаптационный» подход к проблемам людей, побывавших за гранью нормального человеческого опыта, удерживает в рамках тех стандартов ценностей, которые присущи обычной, далекой от опасности жизни. Правильные действия требуют нарушения искусственных границ, которые мы сами поставили: болезненные явления, порожденные экстремальной ситуацией, следует лечить нестандартными методами, выйдя за пределы искусственной схемы «социальной адаптации».

Самое важное, что следует знать о посттравматическом стрессе: даже после долгих лет смятения, страха и депрессии можно вновь обрести жизненное равновесие, если поставить перед собой такую цель и настойчиво идти к ней. Это доказано на примере многих людей, переживших травму и долго страдавших от посттравматических болезненных явлений. Научившись распознавать последствия пережитых экстремальных обстоятельств, люди понимают, что они вполне нормальны, что болезненные явления — естественный результат тяжелых событий в прошлом. Такое понимание помогает к внутреннему принятию того, что произошло в жизни, и к примирению с самим собой.

Исцеление именно и состоит в том, чтобы примириться с самим собой, увидеть себя таким, как есть на самом деле и, внося изменения в свою жизнь, действовать не вопреки своей индивидуальности, а в союзе с ней. Это и есть истинная задача исцеления. Изменить прошлое человек не в силах: его не сделаешь более прекрасным или хотя бы менее безобразным, но его настоящие чувства, представления о себе, о прошлом, о том, какой смысл заложен в нем, могут стать другими.

Процесс исцеления, кроме всего прочего, конечно, предполагает изменение поведения. С другой стороны, если истинная причина отклонений связана с прошлыми переживаниями и в основе нездоровых поступков лежит подсознательная потребность заглушить душевную боль, тогда само по себе изменение поведения не принесет желаемого результата.

Исцеление — это открытие новых возможностей и перспектив, овладение искусством жить так, чтобы в душе царил покой. Истинное исцеление приходит тогда, когда мы отдаем должное всему, что узнали на своем жизненном пути, и пользуемся этими знаниями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александровский Ю.А. Пограничная психиатрия и современные социальные проблемы. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
2. Александровский Ю.А., Лобастов О.С., Спивак Л.И., Шукин Б.П. Психогении в экстремальных условиях. — М., 1991.
3. Гримак Л.П. Общение с собой: начала психологии активности. — М.: Политиздат, 1991.
4. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. — М.: Наука, 1983.
5. Колодзин Б. Как жить после психической травмы. — М., 1992.
6. Решетников М.М. Психопатология героического прошлого и будущее поколения // Актуальные вопросы военной и экологической психиатрии. — СПб, 1995.
7. Селье Г. Стресс без дистресса. — М.: Прогресс, 1979.
8. Фонтана Д. Как справиться со стрессом: Пер. с англ. — М.: Педагогика — Пресс, 1995.
9. Фрейд З. Психология бессознательного. — М.: Просвещение, 1989.
10. Черепанова Е.М. Психологический стресс. — М.: Издательский центр «Академия», 1996.
11. Черепанова Е.М. Саморегуляция и самопомощь при работе в экстремальных условиях. — М., 1995. ■

Кристиан Просс

Выгорание, замещающая травматизация и их предупреждение

*Что такое выгорание, что такое замещающая
травматизация?*

Christian Pross. Burnout, vicarations traumatization and its prevention.
TORTURE, volume 16, #1, 2006, p. 1–9.
© International Rehabilitation Council for Torture Victims (IRCT), 2006

В данной статье пересматриваются и суммируются предыдущие исследования явлений выгорания и замещающей травматизации, приводится перечень признаков и симптомов. Автор взял истории болезни двух работников по уходу за людьми, пережившими пытки, иллюстрирующие риск, развитие и последствия вторичной травмы. Анализируются сопутствующие факторы в социальном и политическом окружении этих работников, предлагаются возможные меры профилактики, при этом особое внимание уделяется конфликту ролей при оценке лиц, перенесших травмы.

Работники по уходу за жертвами жестокого обращения подвергаются высокому риску выгорания или замещающей травматизации, если не принимаются во внимание такие факторы как самопомощь,

© Г. Полякова, перевод с англ., 2006

серьезные профессиональные тренинги по психотерапии, самоанализ, регулярные самопроверки со стороны коллегиальных и внешних супервизий, ограничение рабочей нагрузки, непрерывная профессиональная подготовка и ознакомление с новыми концепциями о травме, периодические творческие отпуска, поддержание баланса между эмпатией и надлежащей профессиональной дистанцией с клиентом, самозащита от клиента с надуманными нарушениями вследствие посттравматического синдрома (PTSD). Учреждение следует оборудовать таким образом, чтобы роли врача и эксперта по оценке не пересекались. Важными факторами развития выгорания и замещающей травматизации являются отсутствие социального признания работников по уходу, а также статус финансовых и правовых аутсайдеров этих центров. Поэтому политиков и чиновников социального страхования следует подтолкнуть к мысли об интеграции заведений для перенесших травму беженцев в общую систему здравоохранения, а эти центры должны работать в более тесном содружестве с практическими врачами и учеными-медиками.

Ключевые слова: выгорание, замещающая травматизация, работа за работниками по уходу.

ВВЕДЕНИЕ

Симптомы выгорания включают апатию, ощущение безнадежности, быстро наступающую усталость, разочарование, меланхолию, забывчивость, раздражительность, ощущение работы как тяжелого бремени¹, отстраненность, равнодушие, безжалостное и циничное отношение к клиентам, тенденцию к самообвинению в сочетании с ощущением несостоятельности² (табл.1). Эти явления знакомы по обычной системе здравоохранения. Кому из нас, в качестве пациента или посетителя больницы, не приходилось порой сталкиваться с безразличием и безучастием, кто из нас не слышал, каким равнодушным и циничным тоном говорят врачи о страданиях и болезнях!

Несколько лет назад молодой врач вел записи разговоров между хирургами и операционными сестрами во время операции в британских госпиталях и обнаружил потрясающие примеры проявления презрения и непристойности. Справившись с чувством негодования, попробуем найти объяснение такому поведению. Изрядная доля профессионального цинизма, присутствующего, кстати говоря, и в других сферах деятельности, вероятно, способствует снятию стресса и

напряжения и помогает выдержать зрелище несчастий и страданий, с которыми медики сталкиваются на работе изо дня в день. Но когда достигается точка кипения, цинизм переходит в грубость и презрение, а это негативно сказывается на лечении и вредит пациентам. Помощь страждущему, помимо благородства и благотворительности, включает еще и некую долю агрессивности. Рассмотрим их более детально.

Йохан Лансен (Johan Lansen) отметил, что специалисты, работающие с людьми, пережившими пытки, испытывают симптомы, которые выходят далеко за рамки обычного выгорания. В дополнение к выгоранию они могут, подобно своим клиентам, иметь симптомы нарушений, вызванных посттравматическим стрессом (PTSD), такие как расстройства сна или ночные кошмары. Все это приводит к ощущению сильной уязвимости. Могут возникать страхи, вследствие чего маловажные рутинные события неожиданно принимают угрожающий вид. Может появиться чувство отчужденности, а затем одиночества и изолированности. Человек больше не ощущает понимания со стороны своих друзей и родственников, теряет веру в добро. Дома они ведут себя тихо и отчужденно, не могут вернуть ощущение безопасности и разочарованы во всем человечестве. Эти проявления известны под названием замещающей травматизации представителей медицинской профессии³.

Таблица 1

Признаки и симптомы выгорания

(Лансен, Файнеман и Маслач) (Lansen, Fineman and Maslach)

Апатия
Ощущение безнадежности
Быстрая утомляемость
Разочарованность
Меланхолия
Забывчивость
Раздражительность
Ощущение своей работы как тяжелого бремени
Отстраненное, лишенное индивидуальности, небрежное и циничное отношение к клиентам
Тенденция к самообвинению
Ощущение неудачи

Исходя из исследования, проведенного на лицах, пострадавших от инцеста, Лори Анн Перлман и Карен Сааквитне (Laurie Anne Pearlman and Karen Saakwitne) определяют замещающую травматизацию как трансформацию внутреннего опыта специалиста, оказывающего помощь, вследствие эмфатической включенности в травматический материал клиента⁴.

Исследования замещающей травматизации

На сегодняшний день недостаточно исследованы такие явления, как выгорание и замещающая травматизация среди специалистов, оказывающих помощь жертвам крайней жестокости. МакКенн и Перлмен (McCann and Pearlman)⁵, которые ввели термин «замещающая травматизация», отстаивают «инфекционную модель». Авторы утверждают, что мучительный поток воспоминаний пациента, его ночные кошмары, страхи, отчаяние и недоверие «заражают» лечащего врача. Типичными симптомами замещающей травматизации они считают депрессию, цинизм, тоску, потерю сочувствия и эмпатии, уныние. Даниэли и Миллер (Danieli and Miller) предлагают похожую модель и описывают ее как «инфекционная травма» или «эмоциональная инфекция». Фигли (Figley) говорит о реакциях повторного травматического стресса или «усталости сострадания» в среде практикующих врачей, проявляющихся в форме изнеможения, смятения, отчужденности от друзей и родственников, что может вызвать такие симптомы, как PTSD⁶. Фигли⁷ отличает эти реакции от синдрома хронического выгорания, который может встречаться у всех работников, оказывающих помощь (табл. 2). Кляйнман и Медер (Kleinman and Maeder) называют врачей, пострадавших от вторичной травматизации, «ранеными целителями»⁸. Эти люди благодаря собственному травматическому опыту обладают более высоким даром эмпатии, однако их потребность лечить других помогает забыть о собственных ранах.

Уилсон и Линди⁹ (Wilson and Lindy) рассматривают эти эпизоды как огрехи во взаимоотношениях врач—пациент в сочетании с негативными или положительными реакциями перенесения. С одной стороны, это может проявиться в слишком глубокой отрешенности со стороны врача, который больше не проявляет эмпатии и отделяется научными выкладками, то есть занял явно нейтральную позицию. С другой стороны, это может выражаться через излишнюю идентификацию самого себя с пациентом без соблюдения дистан-

ции при совместной деятельности с ним и преувеличение ценности ухода, что приводит к взаимозависимости.

Таблица 2

Признаки и симптомы замещающей травматизации

(Лансен, Перлмен и Сааквитне, Уилсон и Линди, Хопп)
(Lansen, Pearlman and Saakwitne, Wilson and Lindy, Hoppe)

***Симптомы нарушений посттравматического стресса:
ночные кошмары, бессонница, навязчивая манера
поведения, уклонение от общения***

Отрицание травмы клиента
Излишняя идентификация с клиентом
Не хватает времени и энергии на себя
Сильное ощущение уязвимости
Несущественные события воспринимаются как угрожающие
Чувство отчужденности
Социальная изолированность
Охлаждение отношений с близкими
Неверие в существование добра в мире
Общее отчаяние и безнадежность
Потеря ощущения защищенности
Повышенная чувствительность к насилию
Цинизм
Разочарование в человечестве
Разрушение компетенции
Изменения в самоидентификации, мироощущении, духовности
Приуменьшение своих способностей
Ослабление ресурсов собственного эго
Изменения в сенсорном восприятии (навязчивые мысли,
диссоциации, деперсонализация)

Хопп (Норре), изучавший эту динамику, акцентировал внимание на взаимоотношении между тестируемыми субъектами и исследователями, руководствовался собственным опытом обследования бывших узников концлагерей в 50-60-е годы прошлого века. Он выделил четыре типичные модели отношения со стороны исследователей:

1. Полное отрицание. Исследователь идентифицируется с агрессором и отбрасывает собственные страхи, стыд и вину, отрицая или недооценивая страдания жертвы.
2. Рационализация. Отношение исследователя выглядит открытым и благонамеренным, но он не видит связи между преследованием

и страданиями с научной точки зрения. Неискренняя помощь и понимание страданий помогают ему облегчить ощущение вины, в то время как «объективные» заключения гарантируют его признание как разумного, непредвзятого исследователя со стороны немецких властей и немецких коллег. У жертв такой тип исследователей ассоциируется с «симпатичным эсэсовцем», который в ходе допроса угощает сигаретой.

3. Излишняя идентификация с жертвой. Исследователь связывает себя с жертвой и таким образом удовлетворяет собственный нарциссизм. Из-за субъективных и полемических заявлений его оценки, как правило, не признают офисы по возмещению денежных средств и репараций. Поэтому этот тип исследователя не оправдывает больших надежд, которые он внушает жертвам. За сочувствием и преувеличенной эмпатией прячется ненависть нациста, разбившая его собственные надежды, равно как и его гнев на самого себя за то, что они не свершились.
4. Контролируемая идентификация. Эта позиция представляет идеального исследователя, который не раскрывает собственное суждение, считает невероятный опыт выживших узников концентрационного лагеря возможным и заслуживающим доверия, не отгораживается от невыносимого ужаса, о котором ему рассказывают, испытывает эмпатию, но в то же время относится к себе критически и воспринимает явление контрперенесения и своих собственных защитных механизмов¹⁰.

Исследования выгорания и личностных характеристик работников, оказывающих помощь

Исследования личностных характеристик работников, оказывающих помощь, выполненные Хокинсом и Шохетом¹¹, Райчем и соавторами и Гаггенбюл-Греггом (Hawkins and Sholet Riochet al., Guggenbuhl-Graig)¹², дали возможность более глубокого понимания причин выгорания. Они пришли к выводу, что никто из них не выбирает данную профессию, руководствуясь исключительно альтруистическими побуждениями, а также выяснили, что именно темные стороны их личности приводят к выгоранию, если их своевременно не подавить и не исправить. К «темной стороне» отнесли скрытое стремление к власти такого работника как «здорового», который превосходит «больного и беспомощного» клиента. Власть над клиентом помогает ему утаивать или скрывать собственные ощущения беспомощности.

мощности и бессилия. Так, например, работник, оказывающий помощь, пытаясь преодолеть собственное чувство беспомощности, развивает лихорадочную активность в пользу клиентов, сражается за них с начальством и входит в роль всемогущего спасителя, снижая, таким образом, роль своего подопечного до уровня ребенка. Такой альтруистический уход за онкологическим больным может помочь самому работнику избавиться от страха смерти. Иной работник набирает великое множество клиентов, стонет от непомерной нагрузки, но отказывается от помощи и поддержки коллег, ибо с помощью такой привычной сверхактивности пытается уйти от собственных проблем. Другой темной стороной «самоотверженного» работника по оказанию помощи является страстная жажда славы и почета, поклонения со стороны благодарных клиентов. И последняя характеристика, которая вообще не обсуждается, представляет собой такие свойства личности работника, как ярость и насилие. Если он предпочел работать со взрывными психотиками, самоубийцами или наркозависимыми, возможно, выбор был обусловлен подсознательными мотивами. С помощью пациентов он притворяется и контролирует свои темные стороны: скрытые побуждения убийцы, параноидальные страхи, смятение и отчаяние.

Два примера

Случай 1

В последние годы работы некий эксперт по обследованию бывших узников концентрационных лагерей вдруг резко изменил свой стиль работы. Прежде он ходатайствовал о возмещении ущерба даже в сомнительных случаях, но теперь, даже при наличии очевидного синдрома выжившего узника, он давал заключение о наличии психологического нарушения, случившегося в раннем детстве, в форме невротического возбуждения, которое просто временно ухудшилось вследствие преследований. Результаты его обследований стали достоянием общественности, и организация бывших узников концлагерей подала в отдел репараций жалобу на него, усмотрев в его действиях предвзятость. Его коллеги сообщили, что в последние годы он все больше и больше отстранялся от клинической работы, самоизолировался, не отвечал на расспросы коллег, не посещал лекции по профессии. В тоне его обращения с клиентами чувствовалась скрытая агрессия. Коллега, с которым он был относительно близок, счи-

тал, что это депрессия. Он отмечал, что врач, о котором идет речь, неоднократно высказывал сомнения относительно результатов своей работы как психиатра и приуменьшал несомненный успех своих преобразований в анахроничной немецкой системе психиатрического лечения. После выхода на пенсию он резко сжег все мосты в общении с коллегами и вскоре умер. Следует отметить, что этот человек был пионером в своем деле; он сыграл важную роль в горячих дискуссиях и ученых баталиях по поводу так называемого синдрома концлагеря в 60-70-х годах, вступил в спор с крупными немецкими психиатрами, которые оказались не чуждыми нацистских идей очищения расы. Что же произошло с ним в конце карьеры? Мои соображения гипотетичны, но все говорит о том, что наш коллега пострадал от выгорания. Он полностью посвятил себя непримиримой борьбе и не опускал забрало ни перед коллегами, ни перед политиками, ни перед юристами. Он и другие пионеры психопатологии преследования были публично ошельмованы как ненадежные эксперты, которые дают положительную оценку как услуге¹³. Возможно, он устал быть изгоем и надеялся наконец присоединиться к основному направлению в науке. Возможно, им манипулировал кто-то из клиентов. Незначительное количество сфабрикованных дел о пострадавших от преследований, возможно, вызвало у него обратную реакцию, и с тех пор он относился к любому клиенту с большим недоверием.

Случай 2

Психолог, сделавший имя в области обследования пострадавших беженцев, из года в год воевавший с начальством и ставший последней инстанцией для беженцев, у которых были проблемы с видом на жительство. У себя на родине она сама подвергалась политическим преследованиям, но отзывалась с явным пренебрежением о своих соотечественниках и говорила, что большинство из них все преувеличивают и что они не подвергались серьезным преследованиям. Она не принимала пациентов — выходцев из своей страны, а вела только самые сложные случаи пострадавших из других стран. Ее офис в приемные часы был переполнен. Ради своих клиентов она была готова в огонь и в воду, для многих из них была и матерью и другом. Объем работы, свалившейся на нее, был просто огромным. Ее очень бережные, убедительные обследования помогли многим людям получить вид на жительство. Для некоторых клиентов она выступала одновременно и в роли терапевта, и в роли эксперта, выполняющего

обследование, что привело к конфликту между этими ролями и верностью долгу. Будучи истинным трудоголиком, она работала до изнеможения. Люди эксплуатировали ее сердечность и готовность помочь: нередко она материально поддерживала наиболее нуждавшихся людей. Как-то она отказалась продолжать оказывать поддержку одному наиболее настойчивому клиенту, и он попытался оказать на нее давление, угрожая самоубийством. Несколько раз как эксперт она была скомпрометирована своими клиентами, ибо перед лицом административного суда они неожиданно меняли свои показания о преследованиях и говорили вещи, абсолютно противоречащие тому, о чем рассказывали во время медицинского обследования. Ей было трудно объяснить это, в результате достоверность ее экспертной оценки, а следовательно, и ее профессионализм вообще, были подвергнуты сомнению. Ее энергия угасала; все чаще и чаще она выходила из себя, стала агрессивной по отношению к коллегам и клиентам и, наконец, тяжело заболела¹⁴.

Исследования, выполненные Лансеном, Хоппом и Шохетом (Lansen, Hoppe and Shohet), помогают глубокому пониманию трагичных ситуаций, проиллюстрированных этими случаями. Психолог, отрицавший собственные страдания и гонения, пытается справиться с собственной травмой путем альтруистического служения другим. Она отрешается от собственных проблем, работая на износ. Но в то же время тешит свое самолюбие — ее боготворят клиенты, и таким образом удовлетворяется ее потребность в любви и дружбе. А то обстоятельство, что ее экспертные оценки помогают многим получить в суде статус резидента, дает ей ощущение власти и иллюзорное представление о себе как о всемогущем спасителе. Но, в свою очередь, клиенты надеются получить от нее еще больше, и появляются слухи, что она способна вытянуть самые безнадежные ситуации. Ее просто рвут на части. Когда ее обманули, использовали и предали в суде, она приходит к вынужденному и печальному заключению, что ни к чему хорошему это не приведет, что рано или поздно все рухнет, а клиенты вовсе не являются ее друзьями. В конечном итоге, она доходит до предела, ее альтруистическое отношение меняется, она агрессивна с клиентами и коллегами, и болезнь приходит к ней как спасение. Кроме того, при всем ее сверхотождествлении и сверхучастии по отношению к жертвам, по мнению Хоппа, она злилась на себя за то, что недостаточно делает для борьбы с насилием и его последствиями.

В середине 1990-х в Германии во время одного из крупных выступлений против проявлений ксенофобии, расизма и насилия со стороны неонацистов был выдвинут лозунг: «Дорогие иностранцы, пожалуйста, защитите нас от *этих* немцев!» Многие работники по предоставлению ухода в Германии, родившиеся после войны, были движимы желанием искупить преступления старшего поколения. Этот лозунг можно истолковать как призыв к иммигрантам простить грехи их отцов-нацистов¹⁵.

Нередко начинающие психотравматологи склонны переоценивать свои возможности. Они полны иллюзий и верят в то, что их деятельность поможет искоренить причины насилия вообще, и их клиенты могут быть излечены. И тем больнее будет их разочарование, когда эти надежды не исполнятся, но вместо этого они обнаружат, что их труд сродни Сизифову. Они познают горечь поражений и поймут, что критерии успеха должны быть очень низкими¹⁶.

Социальные аспекты

Я хотел бы добавить еще одну деталь, которую не отметили в упомянутых здесь исследованиях: одна из причин выгорания у работников по оказанию помощи травмированным людям кроется в низком уровне социального признания, особенно в профессиональном истеблишменте. Такое признание, выраженное в столь суетных вещах, как звания, должности и зарплаты, все же играют значительную роль в психологическом благополучии специалиста по оказанию помощи. Вернемся к описанию первого случая: врачи, разбиравшиеся со страданиями бывших узников концлагерей в первые послевоенные годы, представляли собой горстку людей, не признанных высокой медицинской наукой. Они сами проводили свои изыскания, безо всякой поддержки со стороны исследовательских центров. В обществе на эту тему было наложено табу, и карьерному продвижению она не способствовала. Только много позже некоторые из них получили академические звания. В наши дни такое же положение сложилось и у наших коллег, работающих с жертвами пыток и травмированными беженцами. Они аутсайдеры, ибо их учреждения существуют на задворках стандартной системы здравоохранения и университетов. Им не хватает работников, они очень скромно финансируются. Поэтому и выкручиваются, как могут. Работая на износ, они накопили богатейший запас знаний и опыта, но не получают за это ни достойной зарплаты, ни интереса и при-

знания в профессиональном мире. У них мало шансов продвижения по службе. Более того, сама дисциплина «психотравматология» подконтрольна тем, кто сделал карьеру на более популярной категории клиентов — жертвах преступлений и дорожно-транспортных происшествий. Вопрос в значимости и воздействии на общество: кто определяет преобладающие научные воззрения, кто уполномочен разъяснить происходящее в сфере психотравматологии? Специалисты из учреждений для травмированных беженцев часто обнаруживают, что их оценки аннулированы коллегами, имеющими отдаленное представление об этих специфических клиентах, но признаются судами и ведомствами за их ученые звания и высокие должности.

С другой стороны, в этом «аутсайдерстве» есть своя привлекательность. Пытки — это запретная тема, и общество избегает ее. Они делегируют полномочия сделать что-нибудь в этом направлении учреждениям вроде центров для жертв пыток. В какой-то степени сотрудники этих центров — и герои, и пионеры, и миссионеры. Ими восхищаются, но считают чужаками-идеалистами. Такое отношение льстит, но приводит к собственной переоценке. Опасность кроется в отрыве реальности. Появляется ощущение избранности, а внешний мир видится враждебным, четко разделенным на добро и зло. Это преувеличение собственного имиджа неизбежно ведет к разочарованию, которое может вылиться в конфликт между коллегами. В принципе, лечебные центры для жертв пыток являются такими же социомедицинскими службами, как любые другие, вроде центров защиты детей, центров по лечению зависимостей и т.д. Если бы они стали частью системы здравоохранения и социального обеспечения, это бы снизило идеалистическую перегрузку и преувеличенные надежды и облегчило бремя, которое несут на себе сотрудники. Несколько лет назад в Нидерландах лечение травмированных беженцев было включено в общую систему здравоохранения. Такое проявление признания принесло заметное облегчение и повысило профессионализм.

Усложнение роли специалиста, выполняющего оценку, в процессе оформления вида на жительство

Ужасные рассказы, которые выслушивают от жертв пыток врачи и специалисты, выполняющие оценку, вызывают невольное сочувствие и сильное побуждение помочь. Хочется сделать все возможное, чтобы облегчить страдания этого человека и обеспечить ему безо-

пасную жизнь в изгнании. В связи с этим возрастает риск потери профессиональной беспристрастности. В глазах клиента специалист по оценке имеет огромную власть, потому что в его руках разрешение на выдачу вида на жительство, то есть — жизнь и смерть. Поэтому на врача или психолога оказывается сильное давление. По мнению клиента, на него возлагается ответственность, которая на самом деле не в его компетенции. Я полагаю, что высокий риск выгорания специалиста по обследованию травмированных людей является результатом чрезмерного напряжения, излишних требований, предъявляемых ему, которые вытекают из навязанной ему роли всемогущего судьи и спасителя. Более того, не будучи криминологом, вовсе не он принимает решение о достоверности или правдоподобии показаний клиента. Окончательное решение принимает судья. Полномочия врача или психолога как специалиста, выполняющего клиническую оценку, исчерпываются исключительно выявлением заболевания, его диагностикой и оценкой причины, руководствуясь рассказом пациента и результатами клинических и психологических тестов. Вопросы психологии и психосоматики лежат в сфере вероятного и неуловимого. Как и бывшие отделы по репарации для жертв нацизма, наши агентства — местные офисы по работе с иностранцами, федеральный офис по признанию иностранных беженцев, пенсионные офисы (для восточных немцев, подвергавшихся политическим репрессиям) — требуют так называемой «объективной» информации и «объективных» данных. Соблазн проявления излишнего сочувствия к клиенту вытекает из неоднозначности роли специалиста по обследованию. Этот соблазн, возможно, также обусловлен латентным чувством вины жителя богатой и безопасной страны перед беженцем, утратившим все, причем отчасти из-за деятельности вот этой же благополучной страны (торговля оружием, экономическая помощь, и пр.). Такие работники испытывают сильный моральный гнет, они боятся зависти и агрессивной реакции клиентов в случае негативного решения. Они также боятся показаться бессердечными, боятся обвинения в том, что из-за них клиент депортирован и отправлен к своим мучителям. Негативное перенесение, когда врач видит себя преступником, особенно тягостно для врача, работающего с жертвами травмы. Нередко специалисты, которые в процессе оценки получают нежелательный для клиента результат, подвергаются давлению и нападкам. Некий беженец, получивший отказ, в течение нескольких дней не покидал приемной, ночевал перед входом в центр, принуждал ра-

ботников офиса смотреть на его шрамы, жаловался директору на то, что с ним обращаются, как с животным.

Как и в ситуации с предоставлением лечения, существует слишком мало учреждений и экспертов по оценке результатов реактивных психологических травм. Все эти заведения перегружены и имеют длинные списки очередников. Отчасти это объясняется тем, что беженцы, которые утратили все на родине и оказались в изгнании и крайней нищете, обнаружили, что для получения убежища необходимо детально, последовательно и вразумительно изложить историю своих преследований. Нередко из-за психологических расстройств они на это не способны. В итоге, они попадают в учреждения, занимающиеся жертвами пыток. Юристы и благотворительные организации направляют своих клиентов в центры для травмированных беженцев как в последнюю инстанцию, ибо считается, что помочь может только аттестация или заключение такого центра. Так для работы, которую, по сути, должны выполнять юристы и консультанты по вопросам беженцев, используются врачи и психологи. Дело в том, что большинство клиентов не могут позволить себе услуги юриста, а потому обращаются в учреждения психосоциального профиля, где им помогут бесплатно.

Профилактика выгорания и замещающей травматизации

Наиболее важным средством предупреждения выгорания и замещающей травматизации в сфере психотравмы является терапевтическое самопознание через курс терапевтического обучения (таблица 3). Если этого нет, то по крайней мере хоть что-нибудь должно быть обеспечено на работе, иначе раннее выгорание неизбежно. Регулярные самопроверки при помощи коллег или внешних супервизоров очень существенны не только для оценки и лечения, но и помогают в контролируемом пространстве справиться с темными сторонами личности работника по предоставлению ухода. Это может заметить, не наступило ли его свертотождество с клиентом, не обозначился ли риск потери профессиональной отстраненности, не занесло ли его в зону бесчувственной отчужденности или отрицания травмы. Однако, вопреки широкому заблуждению, супервизии не могут заменить тренировку и самопознание.

Чтобы оградить работников от эксплуатации и обмана со стороны клиентов, необходимо поддерживать соответствующую профессиональную дистанцию между ними. Информацию, представленную

пациентами, следует подтвердить информацией третьей стороны, сопоставить с изначально сделанными заявлениями в агентствах, подкрепить информацией от правозащитных организаций о методах преследований и пыток, об условиях содержания в тюрьмах, включая данные о странах, откуда прибыли беженцы. Необходимо провести несколько детальных собеседований (интервью) до составления заключения или оценки, включая расспросы о том, что произошло, в различных ракурсах, памятуя, что ложные истории невозможно излагать в одном ключе в течение длительного времени.

Таблица 3
Факторы профилактики

Забота о себе – не быть трудоголиком, находить время для хобби, досуга, семьи и друзей
 Хорошая профессиональная подготовка по диагностике и (психо)терапии
 Терапевтическое самопознание
 Регулярные самопроверки со стороны коллег и внешних супервизоров
 Ограничение нагрузки
 Непрерывное профессиональное усовершенствование, ознакомление с новыми концепциями в травме
 Условия для исследования и творческие отпуска
 Соблюдение равновесия между эмпатией и оптимальной профессиональной дистанцией с клиентом.
 Защита работников, предоставляющих уход, от давления со стороны клиентов, симулирующих нарушения посттравматического синдрома (PTSD)
 Учреждения, где четко разграничены функции врача и специалиста, выполняющего оценку
 Социальное признание работников, предоставляющих уход
 Преодоление центрами статуса аутсайдера в финансовом и юридическом аспектах
 Интеграция центров в общую систему здравоохранения
 Союз с основным направлением в практической и теоретической медицине

Дальнейшая защита от выгорания предполагает институциональное и персональное разделение специалистов, выполняющих лечение, и специалистов, выполняющих оценку. Во многих учреждениях эти условия не соблюдаются вследствие нехватки финан-

совых и человеческих ресурсов, которые необходимо затребовать от фондов и руководства. Такой шаг уже был предпринят в Берлине: Центр лечения жертв пыток (the Centre for the Treatment of Torture Victims) вместе с другими заведениями и соответствующими профессиональными ассоциациями разрабатывает программу диагностики и лечения PTSD для врачей и психологов, по завершении которой участники получают сертификаты. Со временем эта мера умножит ряды пока еще немногочисленных экспертов, действующих в Берлине, до такого количества, когда эти две функции можно будет разделить.

В целях дальнейшей профилактики важно обеспечить, чтобы один и тот же работник не занимался исключительно выполнением оценки или проведением лечения травмированных пациентов. В последние годы многие сотрудники центров травмированных беженцев, руководствуясь соображениями сохранения собственного здоровья, перешли на частичную занятость на основном месте работы и открыли офисы, где лечат менее тяжелых пациентов с невротическими расстройствами. Представителей власти и органов социального страхования следует склонить к интеграции учреждений для травмированных беженцев в общую систему здравоохранения. С течением времени это поможет избежать больших расходов на наблюдение за выписанными из стационара тяжелыми психохрониками, освободить функции работников от идеологических наслоений и экзотической благотворительности и предоставить им возможность непрерывного обучения в смежных сферах. Нередко апатия и потеря интереса развиваются у работников по представлению помощи на самом пике карьеры, если они прекращают свое профессиональное образование и окунаются в рутину. Это еще одна причина выгорания, которую редко упоминают в специальной литературе¹⁷. Поэтому следует создать такую рабочую обстановку, которая обеспечит гибкость и творчество, даст возможность продолжать образование и повышать квалификацию, например, в форме творческих отпусков для исследовательских проектов и подготовки публикаций.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Lansen J.* Was tut «es» mit uns? In: Graessner , Gurriss N, Pross C. Folter — an der Seite der berlebenden. Unter stutzung undTherapien. unich: Verlag C.H. Beck, 1996:253-70.

- 2 Fineman and Maslach cited in: Hawkins P, Shohet R. Supervision in the helping professions: an individual, group and organizational approach. Buckingham: Open University Press, 2000:21.
- 3 Lansen cited in Hawkins & Shohet 2000.
- 4 *Pearlman LA, Saakvitne KW*. Trauma and the therapist. Countertransference and vicarious traumatization in psychotherapy with incest survivors. In: Saakvitne KW, Pearlman LA. Transforming the pain. A workbook on vicarious traumatization. New York, London: W.W. Norton & Company, 1995.
- 5 *McCann L, Pearlman LA*. Vicarious traumatization: a framework for understanding the psychological effects of working with victims. *J Trauma Stress* 990;3(1):131–49.
- 6 Danieli and Miller cited in: Bustos E. Stellvertretende Traumatisierung, verwundete Heiler oder die unvermeidbare intersubjektive Erfahrung in der psychotherapeutischen Arbeit mit traumatisierten Flüchtlingen. Lecture at conference of the BAFF, Berlin, 1999. (Unpublished).
- 7 *Figley CR, ed*. Compassion fatigue, coping with secondary traumatic stress disorder in those who treat the traumatized. New York: Brunner and Mazel, 1995.
- 8 Kleinman and Maeder cited in Bustos 1999.
- 9 *Wilson JP, Lindy JD*. Countertransference in the treatment of PTSD. New York: Guilford Press, 1994.
- 10 *Hoppe KD*. The emotional reactions of psychiatrists when confronting holocaust survivors of persecution. In: Lindon J, ed. Psychoanalytic forum, Vol. III. New York: Science House, 1969:187.
- 11 Hawkins & Shohet 2000:8ff.
- 12 Cited in Hawkins & Shohet 2000.
- 13 *Pross C*. Wiedergutmachung – Der Kleinkrieg gegen die Opfer. Berlin: Philo-Verlagsgesellschaft, 2001:168ff.
- 14 The examples are taken from the author's own observations. Facts and details have been changed.
- 15 *Pross C*. The shadow of the past in our work with traumatized refugees. Presentation at the 9th Nordic Conference on Refugee Health Care in Bornholm/Denmark, May 19–21, 1995.
- 16 Edelwich and Brodsky cited in Hawkins & Shohet 2000:21.
- 17 Hawkins & Shohet 2000:21. ■

Кеннет Росс

Война в Ираке и гуманитарная интервенция

Всемирный доклад Хьюман Райтс Вотч — 2004

Январь 2004 г.

Кеннет Росс, исполнительный директор Хьюман Райтс Вотч
<http://hrw.org/russian/reports/2004/world/iraq.html>

Одно время казалось, что гуманитарная интервенция осталась в прошлом вместе с последним десятилетием XX века. Применение военной силы за пределами национальных границ в интересах прекращения массовых убийств считалось роскошью эпохи, когда проблема безопасности крупных держав стояла не так остро, как прежде, и на первый план вполне мог выйти вопрос о спасении человеческих жизней.

Сомали, Гаити, Босния, Косово, Восточный Тимор, Сьерра-Леоне — все эти примеры военного вмешательства, в той или иной степени

оправданные по гуманитарным соображениям, были отброшены как порождение неожиданного затишья между напряженностью «холодной войны» и набиравшей силу террористической угрозой. Считалось, что окончательная точка была поставлена событиями 11 сентября 2001 г., развернувшими тенденцию в сторону более актуальных угроз безопасности. И все же, как это ни удивительно, при всем размахе антитеррористической кампании за последний год мы стали свидетелями того, что четыре ситуации военного вмешательства в той или иной мере осуществлялись под флагом гуманитарной интервенции.

В принципе, такое возрождение интереса к судьбе далеких жертв можно только приветствовать. Что может быть достойнее, чем рисковать своей жизнью и здоровьем ради спасения от смерти людей, находящихся за сотни, а то и тысячи километров? Однако при всей внешней схожести гуманитарных интервенций последнего времени между ними есть серьезные различия. Наиболее отчетливо мотив прекращения затяжной резни присутствовал в случае с французской интервенцией в Демократической Республике Конго, которая позднее была поддержана весомым миротворческим контингентом ООН. В Либерии и Кот Д'Ивуар войска стран Западной Африки и Франции вводились для обеспечения мирного урегулирования, но при этом выполняли и важные гуманитарные задачи. (В Либерии были на короткое время задействованы и американские силы, однако они были слишком малочисленны и не оказали заметного влияния на ситуацию.) Все эти «африканские» интервенции рано или поздно санкционировались Советом Безопасности ООН. Более того, в каждом случае имело место согласие признанного местного правительства, пусть и полученное под тем или иным давлением.

На этом фоне резко выделяется вторжение в Ирак коалиционных сил во главе с США, которое оправдывалось целым рядом соображений, причем гуманитарный аспект был только одним из многих и далеко не первостепенным. Военное вмешательство осуществлялось без санкции СБ ООН и при силовом противодействии иракского правительства, оказавшегося под угрозой уничтожения. К тому же, в то время как операции в Африке носили ограниченный характер, война в Ираке велась в полную силу, с активным использованием ракетно-бомбовых ударов и введением в страну сухопутной группировки численностью примерно 150 тыс. человек.

В силу самой масштабности вторжения, центральной роли мировой сверхдержавы и накала страстей вокруг этой войны конфликт в Ираке неизбежно затмил все остальные ситуации военного вмешательства. К счастью или к сожалению, такая ситуация уготовила ему намного больший вес в формировании общественного представления о том, что представляет собой вооруженная интервенция, проводимая под гуманитарным флагом. В результате в условиях возрождения интереса к гуманитарной интервенции последняя рискует быть скомпрометированной иракской войной и попытками, хотя бы и частично, оправдать ее соображениями гуманитарного порядка. Если следствием станет нарастание критики использования военной силы по гуманитарным основаниям, то это чревато самыми трагическими последствиями для тех, кому в будущем может понадобиться помощь.

По общему правилу, Хьюман Райтс Вотч не занимается оценкой оправданности войны как таковой. Связанные с этим вопросы обычно находятся за рамками нашего мандата, в то время как нейтральная позиция дает нам максимум возможностей для того, чтобы активно добиваться от всех сторон сведения к минимуму гражданских потерь и гражданского ущерба. Единственным позволительным для себя исключением мы считаем чрезвычайные ситуации, требующие гуманитарной интервенции.

Изначально Хьюман Райтс Вотч заняла нейтральную позицию и в отношении иракской войны, поскольку она не была прямо связана со спасением иракского народа от массовых убийств и поскольку такие убийства в тот период не происходили и не были неминуемыми. Гуманитарные соображения периодически всплывали в логике сторонников войны, однако они были настолько очевидны второстепенными, что мы не видели необходимости как-то реагировать. Действительно, если бы был свергнут Саддам и надежно решен вопрос об оружии массового уничтожения, то никакой войны и не было бы, даже если новое правительство оказалось не менее репрессивным. Нам говорили, что Хьюман Райтс Вотч стоило бы поддержать войну, хотя бы и начатую по другим причинам, если одним из ее результатов явно должно было стать существенное улучшение ситуации с правами человека. Однако значительный риск того, что интервенция негуманитарного характера чревата негативными последствиями для прав человека, не позволяет нам занять на такую позицию.

Со временем основные доводы в оправдание войны в значительной степени утратили свою актуальность. Прошло уже больше семи

месяцев после официального объявления о прекращении военных действий, однако оружие массового уничтожения до сих пор не найдено. Не установлены и серьезные предвоенные связи Саддама Хусейна с международным терроризмом. Проблемы с формированием в Ираке стабильных институтов все больше ставят под вопрос перспективу превращения этой страны в очаг распространения демократии на Ближнем и Среднем Востоке. Главным аргументом администрации Дж. Буша в оправдание войны становится то, что Саддам был тираном, который заслуживал свержения — вопрос из области гуманитарной интервенции. Теперь в Вашингтоне представляют это не просто одним из дополнительных «бонусов» войны, но и ее главным основанием. Другие причины все еще упоминаются, но не как приоритетные.

Насколько оправданна такая позиция? Вопрос не в том, был ли Саддам безжалостным тираном, — сомневаться в этом не приходится. Вопрос, скорее, состоит в наличии условий, которые могли бы оправдать гуманитарную интервенцию, а они далеко не ограничиваются тяжестью репрессий. Если бы такие условия существовали, то, по совести, нужно было бы признать это, несмотря на непопулярность иракской войны в мире. Если нет — не менее важно прямо заявить об этом, поскольку позволить использовать гуманитарную интервенцию как прикрытие для совсем другой войны чревато риском запятнать принцип, сохранение которого может быть прямо связано с возможностью спасти бесчисленные жизни в будущем.

Наш анализ того, можно ли понимать вторжение в Ирак как гуманитарную интервенцию, не подразумевает оценки оправданности этой войны вообще. Последнее, как уже говорилось, выходит за рамки нашего мандата. Проблема в том, что теперь, когда сторонники войны столь активно прибегают к гуманитарной аргументации, необходимость оценки такой позиции стала весьма актуальной. Мы исходим из того, что, несмотря на все ужасы саддамовского режима, вооруженное вторжение коалиционных сил в Ирак не может называться гуманитарной интервенцией.

Стандарты гуманитарной интервенции

В отличие от многих других правозащитных организаций Хьюман Райтс Вотч имеет давнюю позицию по вопросу гуманитарной интервенции. Война часто сопровождается большими человеческими жертвами, однако мы считаем, что ради прекращения или пре-

дотворачивания геноцида или других систематических массовых убийств иногда можно пойти и на применение военной силы. Именно поэтому Хьюман Райтс Вотч в отдельных случаях выступала за гуманитарную интервенцию, как это было в ситуации с геноцидом в Руанде и Боснии.

Однако даже в случае гуманитарной необходимости военная сила должна применяться с предельной осмотрительностью. Одно дело, когда правительство само обращается за внешней военной поддержкой для борьбы с серьезными нарушениями на собственной территории — так было во всех трех последних африканских интервенциях. Совершенно иная ситуация возникает с военной интервенцией, заявленной как гуманитарная, в отсутствие согласия правительства. При определении стандартов, которые, по нашему мнению, должны регламентировать такое принудительное военное вмешательство, мы исходим из наших собственных взглядов на гуманитарную интервенцию и нашего опыта их применения на практике. Мы также учитываем другие наработки по этому вопросу, в том числе доклад Междугосударственной комиссии по проблеме интервенции и государственного суверенитета, созданной под эгидой правительства Канады.

Мы исходим из того, что в пороговой ситуации гуманитарная интервенция без согласия соответствующего правительства может быть оправданна только при наличии продолжающегося или неминуемого геноцида, либо сопоставимых массовых убийств или человеческих жертв. Война, как известно, дело небезопасное. Теоретически, она может быть «хирургической», но на практике война сплошь и рядом чревата самыми разрушительными последствиями и большой кровью. Мы убеждены, что только действительно массовые убийства могут оправдать смерть, разрушения и анархию, которые так часто становятся неизбежными составляющими войны и послевоенного периода. Другие формы тирании заслуживают осуждения и активных усилий по их искоренению, но не дают, по нашему мнению, достаточных оснований для столь чрезвычайной меры, как применение военной силы. Только массовые убийства могут послужить основанием для умышленного лишения людей жизни, без которого применение военной силы не может обойтись, даже если это делается с гуманитарными целями.

Помимо этого, возможности задействовать военную силу не безграничны. Выступление в поддержку военных действий по менее серьезным нарушениям может привести к нехватке сил и средств для

вмешательства в критическую ситуацию. Вторжение в чужую страну, особенно без санкции СБ ООН, также нарушает сложившийся международно-правовой порядок, который сам по себе является важным фактором защиты прав и свобод. В силу всех этих причин мы считаем, что гуманитарные интервенции должны ограничиваться исключительно ситуациями массовых убийств.

Мы отдаем себе отчет в том, что понятие «массовые убийства» является довольно субъективным и может пониматься по-разному; соответственно, мы не предлагаем единого количественного критерия. Мы также осознаем, что как правозащитная организация мы вполне можем расходиться с соответствующим правительством в оценке того, какие масштабы убийств можно считать достаточными для гуманитарной интервенции. В любом случае, однако, принимая во внимание серьезные риски, связанные с применением военной силы, гуманитарная интервенция должна оставаться исключительной мерой, зарезервированной для ситуации крайней необходимости.

Если такая ситуация все же возникает, для определения обоснованности гуманитарного характера интервенции необходимо обратиться к анализу пяти других факторов. Во-первых, военные действия должны быть последней возможностью прекращения или предотвращения убийств; при наличии эффективной альтернативы военная сила использоваться не должна. Во-вторых, гуманитарные соображения должны быть основным мотивом вооруженного вмешательства; мы не рассчитываем, что это будет единственным мотивом, однако гуманитарная составляющая должна стоять на первом месте. В-третьих, должно быть сделано все возможное, чтобы обеспечить соответствие самой интервенции международным нормам о правах человека и гуманитарному праву; мы не принадлежим к тем, кто считает, что во имя прекращения одних нарушений можно пойти на некоторые и со своей стороны. В-четвертых, должна присутствовать разумная уверенность в том, что военные действия принесут больше пользы, чем вреда; гуманитарная интервенция изначально не должна предприниматься, если это явно может привести к эскалации конфликта или к значительно превосходящим страданиям. Наконец, для нас предпочтительно наличие санкций СБ ООН или других достаточно авторитетных многосторонних органов. Однако принимая во внимание несовершенство современной системы принятия решений на международном уровне, в ситуации, не терпящей промедления, мы не стали бы настаивать на такой санкции.

Два несущественных фактора

До того как применить эти критерии к Ираку, стоит отметить два фактора, которые мы не считаем принципиальными для признания интервенции гуманитарной. Во-первых, мы не согласны с известным доводом, что гуманитарная интервенция не может считаться оправданной, если при этом игнорируются в равной степени или более неотложные ситуации. Репрессии в Ираке были серьезными, но можно было бы возразить, что где-то еще они носят более жестокий характер. Например, за последние годы в ходе конфликта в Демократической Республике Конго в результате насилия, болезней и лишения средств к существованию погибло, по оценкам, 3 млн. человек или более, однако интервенция в ДРК была запоздалой и, по сравнению с Ираком, довольно скромной. Однако если бы массовые убийства в Ираке оправдывали необходимость военного вмешательства, было бы черствостью закрывать глаза на участь жертв в этой стране просто потому, что в другом месте другим жертвам не оказывается помощь. В такой ситуации нужно добиваться интервенции в обеих странах, вместо того чтобы отказываться от одной под предлогом незначительных масштабов или вообще отсутствия другой.

Во-вторых, мы также отвергаем известный аргумент о том, что прошлое соучастие США в иракских репрессиях исключает американскую гуманитарную интервенцию в Ирак. Этот аргумент основывается на малопривлекательной истории американо-иракского сотрудничества в 1980-х и начале 1990-х годов. Когда иракское правительство в 1980-х годах применяло против иранских войск химическое оружие, администрация Р. Рейгана снабжала иракцев разведывательной информацией. После геноцида в иракском Курдистане в 1988 году администрации Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего осыпали Багдад миллиардами долларов в виде товарных кредитов и гарантий по кредитованию импорта. Жестокому подавлению иракским правительством восстания 1991 г. помогло разрешение администрации Дж.Буша-старшего на использование Ираком вертолетов — откровенно циничное решение с учетом того, что та же администрация изначально поддерживала восстание. В каждом из этих случаев в Вашингтоне считали, что важнее победить Иран или не допустить роста иранского влияния в потенциально нестабильном Ираке, чем пытаться помешать или предотвратить массовые убийства. Мы осуждаем такой подход, однако не стали бы отказывать в помощи, скажем, жерт-

вам геноцида только потому, что интервенция проводилась бы стороной, запятнавшей себя в прошлом неблагоприятными действиями.

Масштабы убийств

Как уже отмечалось, на первом месте при анализе критериев, которые позволяли бы говорить о гуманитарной интервенции, стоит острота ситуации, т.е. геноцид или сопоставимые по масштабам массовые убийства должны наличествовать или быть неизбежными. Каким бы жестоким ни был саддамовский режим, размах репрессий в марте 2003 года нельзя признать настолько чрезвычайным, чтобы это оправдывало гуманитарную интервенцию. Мы не испытываем иллюзий относительно патологической бесчеловечности Саддама Хусейна. Мы потратили немало времени и усилий на документальную фиксацию его зверств и имеем основания полагать, что за последние 25 лет баасистского правления было убито или «пропало без вести» порядка четверти миллиона иракцев, если не больше. Не следует забывать и о таких вещах, как использование химического оружия на иранском фронте. Однако к моменту начала военных действий в марте 2003 года самые вопиющие злодеяния Саддама остались в прошлом.

До этого были периоды, когда убийства были настолько вопиющими, что в тот момент гуманитарная интервенция была бы совершенно оправданной, как в ситуации с геноцидом курдов в 1988 году, когда погибло более 100 тыс. человек. Мы сами, хотя в тот период Хьюман Райтс Вотч еще только разворачивалась и в 1988 году не работала на Ближнем Востоке, выступали за военное вмешательство в той или иной форме в 1991 году, когда мы вплотную занялись Ираком. Когда иракские курды, спасавшиеся от подавления восстания, оказались в ловушке в горных районах на границе с Турцией и погибли на морозе, мы выступали за создание на севере Ирака зоны, закрытой для полетов, чтобы они могли вернуться в свои дома, не опасаясь нового геноцида. Были и другие моменты, такие как подавление восстаний в 1991 году. Однако накануне последней войны иракское правительство ни по каким оценкам не осуществляло репрессий даже приблизительно сопоставимого уровня. Логика «лучше поздно, чем никогда» — это не основание для гуманитарной интервенции, допустимой лишь для прекращения массовых убийств, но не для наказания виновных, каким бы заслуженным такое наказание ни было.

Но если Саддам совершал масштабные зверства в прошлом, то не стоило ли его свергнуть, чтобы предотвратить новые жестокости? Нет. Хьюман Райтс Вотч признает, что гуманитарная интервенция может осуществляться не только для прекращения продолжающейся резни, но и для предупреждения трагедии, однако трагедия должна быть неминуемой. Для превентивного применения такой чрезвычайной меры, как военная сила, необходимы факты, свидетельствующие о подготовке массовых убийств и о том, что в отсутствие военного вмешательства такие убийства неизбежно начнутся. Однако накануне войны никто всерьез не говорил о том, что Саддам планирует в ближайшем будущем массовые репрессии, и это не подтверждается никакими фактами. Раздавались заявления о том, что Саддам, широко использовавший химическое оружие против иранских солдат и курдов в собственной стране, вынашивает планы передачи оружия массового уничтожения террористам, но это были чистой воды домыслы, не подкрепленные доказательствами ни тогда, ни впоследствии. Существовали также опасения, что в случае вторжения коалиционных сил иракское правительство может применить химическое или биологическое оружие даже против собственного народа, однако никто всерьез не говорил о неизбежности такого развития событий в случае отсутствия вторжения.

Все это не означает, что прошлые преступления должны игнорироваться. Безусловно, виновные должны привлекаться к ответственности. Хьюман Райтс Вотч приложила огромные усилия, чтобы расследовать и документально зафиксировать зверства иракского режима, в особенности геноцид курдов в 1988 году. Мы собирали показания свидетелей и оставшихся в живых, проводили вскрытие массовых захоронений, брали образцы грунта для подтверждения использования химического оружия и обработали в буквальном смысле тонны документов иракской тайной полиции. По всему миру мы пытались убедить хоть какое-нибудь правительство возбудить процедуру привлечения Ирака к ответственности за геноцид. Мы нигде не нашли понимания. В середине 1990-х годов, когда наши усилия были наиболее активными, другие государства опасались, что обвинение Ирака в геноциде может быть чревато слишком серьезными последствиями: подрывом будущего торгово-экономического сотрудничества с Ираком, утратой влияния в регионе, ответными терактами или просто чересчур большими финансовыми издержками.

Однако настаивать на справедливости или даже на уголовном преследовании — это не значит оправдывать гуманитарную интервенцию. Необходимы такие меры, как вынесение обвинительных заключений и арест подозреваемых, если те рискнут отправиться за рубеж, но чрезвычайный институт гуманитарной интервенции не должен быть задействован с единственной целью обеспечить ответственность за прошлые преступления. Как уже говорилось, эта крайняя мера должна использоваться исключительно для прекращения наличных убийств или предотвращения неминуемых.

Говоря о том, что масштабы убийств в Ираке не достигали того уровня, который позволил бы ставить вопрос о гуманитарной интервенции, мы в полной мере отдаем себе отчет в трагической участи иракского народа. Мы знаем, что вплоть до самого конца садамовского режима внесудебные казни совершались в Ираке с тревожной регулярностью, как и пытки и другие акты жестокости. На такие зверства следует реагировать общественным, дипломатическим и экономическим давлением, а также инструментами уголовного преследования. Однако для того чтобы рисковать жизнями многих людей, что неизбежно при любой войне, необходимо наличие массовых убийств в настоящем или их непосредственной угрозы в будущем. Такой ситуации в садамовском Ираке в марте 2003 года не было.

Последняя разумная возможность

Отсутствия продолжающихся или неминуемых массовых убийств уже достаточно, чтобы не признать вторжение в Ирак гуманитарной интервенцией. Тем не менее, особенно с учетом жестокости садамовского режима, полезно взглянуть на ситуацию также с точки зрения других возможных критериев. Последние большей частью также отсутствовали.

Выше уже отмечалось, что из-за серьезных рисков, связанных с военным вмешательством, речь о гуманитарной интервенции может идти только в том случае, когда исчерпаны все другие разумные возможности прекращения массовых убийств. Поскольку в начале 2003 года массовых убийств в Ираке не было, этот вопрос автоматически снимается, однако полезно посмотреть, была ли гуманитарная интервенция последней возможностью прекратить продолжающиеся в Ираке нарушения.

Ответ будет отрицательным. Если исходить из преимущественно гуманитарного характера вторжения, тогда до использования военной силы должен был быть задействован по крайней мере еще один канал — уголовное преследование. Это вовсе не обязательно должно было сработать, и в ситуации реальных массовых убийств этот этап вполне можно было бы пропустить. Однако применительно к заурядным нарушениям иракского режима такую альтернативу войне следовало бы задействовать.

Разумеется, обвинение, даже юридически оформленное, не равносильно аресту, суду и наказанию. Одним листком бумаги массовые убийства не остановить. Однако с точки зрения долгосрочной стратегии в отношении Ирака у правовых механизмов были некоторые перспективы. Опыт бывшего югославского президента Слободана Милошевича и бывшего либерийского президента Чарльза Тейлора свидетельствует о том, что «объявление в международный розыск» самым серьезным образом дискредитирует даже наиболее безжалостных диктаторов. Такое несмыслимое пятно на репутации приводит к утрате поддержки как в собственной стране, так и в мире, причем часто совершенно непредсказуемым образом. Позволив Саддаму править без клейма обвиняемого в геноциде и преступлениях против человечества, международное сообщество ни разу не попыталось прибегнуть к средству, которое могло бы одновременно способствовать смещению иракского лидера и сокращению масштабов правительственных нарушений.

Говоря об отсутствии попыток уголовного преследования до вторжения в Ирак, мы также не забываем о том, что даже Совет Безопасности ООН не воспользовался этим средством за период больше десяти лет, когда Ирак оставался в фокусе внимания этого органа. Принятая в апреле 1991 года резолюция СБ ООН по Ираку (668), осудившая «репрессии против иракского гражданского населения во многих частях страны», создавала важный прецедент как первая резолюция Совета, признавшая такие репрессии угрозой международному миру и безопасности. Однако логического продолжения, которым должно было бы стать включение механизмов уголовного преследования, со стороны СБ ООН так и не последовало. Если бы при этом американская администрация направила на обеспечение правосудия усилия хотя бы приблизительно сопоставимые с теми, которые были приложены для войны, Совет Безопасности почти наверняка поддержал бы такую линию.

Гуманитарная цель

Любая гуманитарная интервенция должна проводиться с целью достижения максимального гуманитарного эффекта. Мы отдаем себе отчет в том, что исключительно гуманитарных интервенций не бывает. Правительства, которые направляют свои войска для прекращения массовых убийств, неизбежно руководствуются другими соображениями, поэтому мы отнюдь не настаиваем на безукоризненной чистоте помыслов. Однако доминирующий мотив важен, поскольку от этого зависят многие решения, принимаемые как в ходе интервенции, так и в последующий период и определяющие решение задачи по спасению людей.

Гуманитарные соображения, даже если понимать их широко — как заботу о благополучии иракского народа, были для вторжения в Ирак мотивом, в лучшем случае, второстепенным. Главными причинами накануне войны назывались якобы наличие у Багдада оружия массового уничтожения, якобы сокрытие его в нарушение многочисленных резолюций СБ ООН, а также якобы связи иракского режима с террористическими организациями. Представители американской администрации также говорили, что демократический Ирак станет катализатором реформ для всего региона. В этом контексте жестокость Саддама по отношению к собственному народу действительно упоминалась, иногда вполне отчетливо, однако накануне войны последний фактор никогда не выносился на первое место. Дело здесь не в форме, а в том, что это определяло характер военной операции и привело к тому, что иракский народ в итоге пострадал.

Прежде всего, если бы коалиционные силы ориентировались на максимальный гуманитарный эффект интервенции, они должны были бы лучше подготовиться к тому, чтобы заполнить вакуум безопасности, вполне естественно возникший после свержения иракского правительства. Заранее было совершенно очевидно, что свержение Саддама приведет к массовым беспорядкам. Восстания 1991 года сопровождались массовыми внесудебными казнями. В результате государственной политики арабизации возникла опасность столкновений между согнанными с места курдами и поселившимися в их домах арабами. Другие ситуации, связанные с внезапной сменой режима, как в случае с уходом боснийских сербов из пригородов Сараево в 1996 году, также сопровождались массовым насилием, грабежами и поджогами.

Руководствуясь отчасти и этими соображениями, генерал Эрик Шинсеки, занимавший перед войной пост начальника штаба сухопутных войск США, предсказывал, что для операции потребуется группировка в «несколько» сотен тысяч человек. Однако гражданское руководство Пентагона отмахнулось от этих оценок и начало войну со 150-тысячной группировкой. О причинах такого решения судить трудно; представляется, что оно стало производным некоей комбинации соображений американской администрации: веры в «умное» оружие, нелюбви к послевоенному обустройству, стремления избежать развертывания дополнительных сил в условиях приближения лета в Ираке и повышения политического градуса настроений против этой войны во всем мире, а также привычка чрезмерно полагаться на красивые планы и оптимистические сценарии. В результате коалиционные силы быстро оказались «погребенными» под непомерным грузом проблем поддержания общественного порядка в Ираке. Грабежи и мародерство носили массовый характер. Склады оружия растаскивались населением, что только способствовало разгулу насилия.

Проблема нехватки личного состава усугублялась и недостаточной подготовкой задействованных войск к выполнению полицейских функций. Регулярная армия обучена сражаться — встречая угрозу или сопротивление, она отвечает огнем на поражение. Однако такая тактика становится неуместной и незаконной в ситуации, когда необходимо поддерживать порядок на оккупированной территории. Следствием такого положения стали постоянные случаи гибели мирных жителей, когда военнослужащие коалиционных сил, находившиеся в напряженном ожидании постоянных нападений со стороны иракского сопротивления, которое часто маскировалось под гражданских, ошибочно открывали огонь по обывателям. Это лишь способствовало росту недовольства среди населения и провоцировало новые нападения. Войска, подготовленные к выполнению правоохранительных задач, т.е. обученные открывать огонь на поражение только в крайних случаях, больше подошли бы для гуманной оккупации. Однако Пентагон не проявляет заметной заинтересованности в полицейской подготовке войск, в результате чего для Ирака таких сил было изначально относительно немного.

В довершение всего глава Временной коалиционной администрации Пол Бремер полностью распустил иракскую армию и полицию, оставив оккупационные власти без значительного резерва мест-

ных сил, которые могли бы помочь в установлении законности. Мы согласны с тем, что нужно было распустить органы безопасности и спецслужбы, игравшие ведущую роль в массовых расправах, такие как Особая республиканская гвардия или Мухабарат, а их сотрудников предать суду. К зверствам были причастны и отдельные представители иракской армии и полиции, однако в массе своей они были не настолько виновны, чтобы распускать эти силы целиком, вместо того чтобы преследовать отдельных лиц. Такой огульный подход обернулся серьезными проблемами для безопасности в Ираке.

Отсутствие доминирующей гуманитарной цели сказалось и на отношении Вашингтона к системе правосудия по преступлениям против прав человека. Нынешняя американская администрация, как многие другие, хотела бы стать свидетелем суда над теми, кто несет ответственность за зверства в Ираке, однако ее всепоглощающее неприятие Международного уголовного суда не позволяет ей направить правосудие по наиболее эффективному пути. Вместо этого администрация Дж. Буша настаивает на уголовном преследовании представителей прежнего режима в рамках «иракского процесса». Казалось бы, иракских преступников в Ираке и судить. Однако после трех с половиной десятилетий баасистского правления судебная система Ирака не имеет ни традиций уважения процессуальных гарантий, ни технических возможностей организовать и обеспечить рассмотрение сложных дел о геноциде или преступлениях против человечества. Есть все основания полагать, что в случае передачи таких дел иракским судам мы получим показательные процессы.

Очевидным выходом из этой ситуации могло бы стать создание международного трибунала по Ираку. Такой трибунал мог бы быть как полностью международным (по аналогии с трибуналами по Руанде и бывшей Югославии), так и смешанным — с привлечением иракцев (по аналогии со Специальным судом по Сьерра-Леоне). Администрация Дж. Буша поддержала создание всех этих трибуналов, однако в Ираке она упорно противится такой идее. Причина, похоже, кроется в Международном уголовном суде. Сам по себе МУС не может иметь существенного отношения к Ираку, поскольку его юрисдикция распространяется на преступления, совершенные не ранее июля 2002 года, когда вступил в силу Римский статут. Большинство преступлений саддамовского режима относятся к более раннему периоду. Однако американская администрация настолько не переносит концепцию Международного уголовного суда, что проти-

вится созданию любого международного трибунала по Ираку, очевидно опасаясь, что это придаст дополнительный вес идее международного правосудия и, соответственно, косвенным образом усилит позиции МУС. При наличии приоритетной заботы об интересах иракского народа такая идеология имела бы намного меньше шансов на преобладание.

Соблюдение норм гуманитарного права

В ситуации гуманитарной интервенции должно делаться все возможное для строгого соблюдения международных норм о правах человека и гуманитарного права. Это относится ко всем конфликтам, тем более к вооруженному вмешательству по гуманитарным основаниям. В целом, действия коалиционных сил в Ираке, с этой точки зрения, можно признать удовлетворительными, но далеко не безупречными. Коалиционные силы предпринимали исключительные меры предосторожности при нанесении ударов по стационарным, заранее установленным объектам, однако практика оперативных ударов по мобильным целям вызывает ряд вопросов.

В декабрьском (2003 г.) докладе Хьюман Райтс Вотч о методах ведения военных действий подробно рассказывалось о полном провале американской тактики обезглавливающих ударов. Ни один из 50 ударов по местам предполагаемого нахождения иракских руководителей не достиг цели, что почти позволяет отнести их к неизбежным, когда бомбы сбрасывались на основании одной лишь оперативной информации о том, что то или иное лицо может находиться где-то в пределах квартала. Ощутимые гражданские потери были в такой ситуации вполне предсказуемы.

Американские наземные силы, в особенности сухопутные войска, также применяли кассетные боеприпасы вблизи населенных районов, что неизбежно должно было повлечь жертвы среди мирного населения. После того как в 1999 году в Югославии гражданские потери от кассетных бомб, применявшихся силами НАТО в населенных районах, составили примерно четверть общего числа жертв среди мирного населения, ВВС США значительно ограничили их использование. Однако армия, похоже, так и не усвоила этот урок. При отражении иракских нападений по мере продвижения вглубь страны сухопутные войска регулярно применяли кассетные боеприпасы в населенных районах, что приводило к значительным гражданским

потерям. Такое пренебрежение жизнью мирных людей несовместимо с по-настоящему гуманитарной интервенцией.

Не навредить

Еще одним критерием гуманитарного характера интервенции является то, насколько при этом предполагается изменить ситуацию в лучшую сторону. Напрашивается аргумент, что хуже, чем жизнь под Саддамом, ничего быть не может, однако, к сожалению, возможны и другие сценарии. Каким бы зловещим ни был саддамовский режим, хаос или жестокая гражданская война могут обернуться еще большими страданиями, и сегодня еще преждевременно говорить о том, что точка возврата на этом направлении уже пройдена.

И все же, в марте 2003 года правительства США и Великобритании явно рассчитывали на скорое падение иракского правительства и вступление иракского народа на путь демократии. Шансы на осуществление этих благих намерений были снижены тем, что партнеры по антииракской коалиции не обеспечили себя военными силами для послевоенной стабилизации. Однако в общем раскладе непосредственно накануне войны тезис о том, что свержение Саддама пойдет Ираку на пользу, представлялся, пожалуй, вполне оправданным. Однако один лишь этот фактор, при несоблюдении всех остальных критериев, еще не делает интервенцию гуманитарной.

Санкция ООН

Получение предварительной санкции Совета Безопасности или другого авторитетного многостороннего органа имеет большое значение для гуманитарной интервенции. Необходимость убеждать других в целесообразности предлагаемого вмешательства — это хороший способ избежать маскировки под правильные намерения или неоправданных действий. Проведение интервенции под эгидой международного сообщества также увеличивает шансы на то, что на военную операцию и последующий период будут направлены достаточные силы и средства. К тому же, санкция, в особенности СБ ООН, снимает проблему легитимности вторжения.

Однако в ситуациях, не терпящих отлагательства, Хьюман Райтс Вотч не настаивает на предварительной санкции СБ ООН. В своем нынешнем виде Совет попросту не может служить единственным механизмом легитимизации гуманитарных интервенций. Институт постоянных членов является пережитком послевоенной эпохи вто-

рой половины XX века, а право вето позволяет таким государствам блокировать спасение людей от неминуемой резни по самым утилитарным мотивам. С учетом этих недостатков трудно требовать терпеливого ожидания решения, когда происходят массовые убийства. Однако поскольку в Ираке начала 2003 года такой чрезвычайной ситуации не было, действия в обход Совета Безопасности, не говоря уже о получении одобрения каких-либо других многосторонних организаций, серьезно подрывают убедительность претензий антииракской коалиции на гуманитарный характер вторжения.

Разумеется, нам известно, что вопрос о настоящей гуманитарной интервенции в Ирак на Совет Безопасности никогда не выносился. Существо вопроса сводилось к тому, что у Ирака якобы имелось оружие массового уничтожения, которое скрывалось им от международного сообщества. Но даже в таком контексте санкция СБ ООН могла бы снять хотя бы часть вопросов, которые не позволяли признать вторжение в Ирак гуманитарной интервенцией. Важнее всего то, что операция под эгидой ООН, вероятнее всего, обеспечила бы дополнительные войска на усиление американо-британского контингента, что могло бы способствовать большей готовности к послевоенному хаосу.

Заключение

Итак, вторжение в Ирак не прошло проверку на соответствие критериям гуманитарной интервенции. Главное возражение заключается в том, что ситуация в Ираке на момент начала вторжения не была настолько чрезвычайной, чтобы потребовалось военное вмешательство. Интервенция также не была последним разумным способом остановить акты жестокости. Гуманитарные соображения не были ее основным мотивом. Характер ее проведения не обеспечивал максимального соблюдения норм международного гуманитарного права. Санкция Совета Безопасности отсутствовала. Наконец, хотя на момент начала войны были основания рассчитывать на улучшение ситуации для самих иракцев, при планировании и проведении операции нужды иракского народа никогда не стояли на первом месте.

В самом начале мы отмечали разительное отличие сомнительного вторжения в Ирак от трех гуманитарных интервенций в Африке. Мы не хотим этим сказать, что африканские интервенции были идеальными. Для всех трех были в той или иной степени характерны смешанные мотивы, недостаточность сил, половинчатые усилия по

разоружению и демобилизации формирований, причастных к нарушениям, а также слабое внимание к обеспечению правосудия и законности. Все африканские интервенции, однако, были направлены на прекращение реальной резни, были вызваны в значительной степени именно гуманитарными соображениями, проводились с явным уважением норм международного гуманитарного права, очевидно привели к некоторому улучшению ситуации и получили одобрение СБ ООН. Немаловажно и то, что во всех трех случаях имелось согласие местного правительства, что позволяет подходить к их оценке несколько мягче, чем в случае с прямым военным вмешательством.

Тем не менее, какими бы ни были гуманитарные интервенции в Африке, огромный резонанс иракской войны в мире выводит ее на первое место по силе воздействия на общественное представление о том, какими должны быть интервенции будущего. Если ее сторонники будут по-прежнему прикрываться гуманитарной риторикой, то это чревато подрывом института, который, несмотря ни на что, сумел в новом веке доказать свою жизнеспособность как механизм спасения людей от резни.

Иракская война высветила необходимость более глубокого понимания того, в каких ситуациях военное вмешательство может быть оправдано гуманитарными соображениями. Одним из примеров попытки формирования стандартов стала упоминавшаяся выше Международная комиссия по проблеме интервенции и государственного суверенитета. Хьюман Райтс Вотч также периодически подключается к дискуссии по этому вопросу, в том числе и настоящим эссе; свои взгляды высказывают различные ученые. Однако ни одна межправительственная организация пока не формализовала критерии гуманитарной интервенции.

Такая сдержанность на официальном уровне вполне объяснима, поскольку правительства не склонны рассуждать о возможности появления в собственной стране непрошенных интервентов. Однако гуманитарная интервенция имеет, похоже, шансы на то, чтобы стать частью нашей жизни — как важная и адекватная форма помощи людям, которые могут стать жертвами резни. В отсутствие международного консенсуса об условиях проведения такой интервенции правительства неизбежно будут использовать это понятие в своих интересах, как это происходит с американскими попытками задним числом оправдать войну в Ираке. Хьюман Райтс Вотч призывает межправительственные организации, в особенности политические

органы системы ООН, открыть наконец для обсуждения вопрос об условиях гуманитарной интервенции. Любой консенсус по этому вопросу, помимо содействия корректному использованию гуманитарной интервенции, также способствовал бы противодействию недобросовестному использованию самой концепции и сохранению механизма, в котором так нуждаются многие беззащитные жертвы. ■

Крис Стивен

Права человека и война в Чечне: испытание для Европы

<http://ehracmos.memo.ru/study/articles/stephen.html>

Крис Стивен — внештатный журналист, который живет в Москве, автор книги *Judgement Day: The Trial of Slobodan Milosevic*.

Статья впервые опубликована на вебсайте Crimes of War: www.crimesofwar.org/.

Европейской системе защиты прав человека предстоит важное испытание на прочность: Совет Европы готовится подвергнуть Россию критике в связи с рядом предполагаемых нарушений в Чечне. В начале 2005 года Европейский Суд по правам человека вынес три решения против России по делам, связанным с конфликтом в Чечне, а еще десятки дел в настоящее время находятся на рассмотрении. Совет Европы, который осуществляет контроль над деятельностью Суда, теперь стоит перед проблемой — обеспечить исполнение Россией его решений не только путем выплаты компенсации, но и посредством проведения по-настоящему эффективного расследования по фактам нарушений, допущенных российскими войсками.

Во время военных действий в Чечне имели место военные преступления и другие нарушения прав человека, совершенные российскими войсками в значительно большем масштабе, чем в любом другом государстве — члене Европейского Суда по правам человека с момента основания Суда (1959 г.). Поскольку Россия не является участницей Международного уголовного суда, то не существует международного трибунала, который мог бы рассматривать дела против

лиц, которые могут быть виновными в нарушениях законов войны. Однако Европейский Суд по правам человека может провести расследование и установить, обеспечивает ли российское государство соблюдение прав своих граждан в ходе этого конфликта на российской территории.

История преступлений в Чечне

Группа Хьюман Райтс Вотч и действующая в Москве организация «Мемориал» обвиняют Россию в применении пыток, незаконных задержаниях и убийстве гражданских лиц во время второй чеченской войны, которая началась в 1999 году. Количество заявлений о злоупотреблениях резко возросло после того, как российская армия окружила столицу Чечни — Грозный — в начале 2000 года и подвергла ее артиллерийским и авиационным обстрелам. Нурди Нухажиев, ответственный за права человека в поддерживаемой Москвой чеченской администрации, признал, что его сотрудниками в республике было обнаружено более 50 массовых захоронений, а десятки тысяч гражданских лиц подверглись насильственному «исчезновению».

Хотя сообщения о нарушениях прав человека широко известны, прошли годы, прежде чем первые судебные дела смогли проделать путь через европейскую систему защиты прав человека. Согласно судебным нормам, жалоба должна быть проигнорирована по крайней мере на двух уровнях правовой системы страны, прежде чем Европейский Суд сможет взяться за ее рассмотрение. Россия ратифицировала Европейскую Конвенцию по правам человека в 1998 году, признав над собой юрисдикцию Суда.

Вынесенные Европейским судом решения сосредоточены в основном на нарушениях, совершенных в начале чеченской войны. Они представляют собой одну из наиболее значительных попыток рассмотреть проблему преступлений, совершенных в ходе внутреннего вооруженного конфликта в рамках законодательства о правах человека. Наиболее известное дело было связано с беспорядочной бомбардировкой российскими самолетами гражданской автоколонны, покидавшей Грозный, когда были убиты дети Медки Исаевой и ее невестка. Суд постановил, что бомбардировка является вмешательством в право погибших на жизнь. Россия должна была выплатить 57 тыс. евро в порядке компенсации ущерба и 10 926 евро — за расходы и издержки. Другие дела были связаны с использованием избыточной военной силы против чеченской деревни, пытками и убий-

ствами мирных жителей. Суд также постановил, что Россия не защитила право своих граждан на жизнь. Во всех делах Европейский Суд пришел к заключению, что российские власти не провели адекватного расследования по факту гибели людей, как этого требуют положения Европейской Конвенции, гарантирующие право на жизнь.

Хотя Москва вполне может позволить себе выплатить назначенные взыскания, решение Суда, помимо этого, требует, чтобы российское правительство предоставило возмещение людям, обратившимся в Суд с жалобами. Комитет министров Совета Европы заявил по этому поводу, что Москва должна продемонстрировать готовность предоставить возмещение за отсутствие эффективного расследования по фактам этих нарушений, допущенных силами безопасности. Призыв к проведению надлежащего расследования, вероятно, будет спорным. Правозащитные группы утверждают, что Россия отказывается рассматривать дела, которые связаны с ответственностью «на уровне командования».

Задержка в правосудии равносильна его отсутствию

Юрист ПЦ «Мемориал» Дина Ведерникова заявила, что московские прокуроры затягивают с ответами на запросы о предоставлении информации по тридцати новым делам, которые в настоящее время рассматриваются в Европейском Суде. «Мы получаем такие отказы по всем нашим чеченским делам», — говорит она. — Проблема в том, что правительство отказывается направлять в /Европейский/ Суд материалы следственного дела». Судьи обещали ускорить рассмотрение дел, связанных с ситуацией в Чечне, сделав это в порядке ускоренного производства. Однако в Страсбурге «ускоренное производство» — понятие весьма относительное. «Это означает, что дела будут рассмотрены через четыре года, а не через девять», — говорит г-жа Ведерникова.

Те несколько дел о нарушениях в Чечне, которые все же дошли до российских судов, столкнулись с невероятными сложностями, главным образом по причине очевидного нежелания присяжных признавать виновность подсудимых. Типичный пример — дело двух военнослужащих, Евгения Худякова и Сергея Аракчеева, обвиненных в убийстве трех чеченских строителей в 2000 году. По утверждению прокуратуры, дело совершенно стандартное. Солдаты остановили автобус, в котором ехали эти люди, приказали им выйти из машины и лечь на дорогу. Затем их всех убили выстрелами в голову.

В прошлом году дело рассматривалось в Ростове — городе, известном сильными националистскими традициями. Коллегия присяжных признала подсудимых невиновными. В дело вмешался Верховный Суд России, направивший материалы на новое рассмотрение, которое опять же состоялось в Ростове. В октябре 2005 года военнослужащие были вновь признаны невиновными.

Тем временем Верховный Суд уже во второй раз направляет на повторное рассмотрение еще одно дело — дело капитана Эдуарда Ульмана. В январе 2002 года отряд под командованием Ульмана открыл огонь по машине, в которой находились мирные жители, в результате чего был убит водитель, оказавшийся ни в чем не повинным директором школы. Уцелевшие люди, среди них — одна беременная женщина, были отведены в заброшенный дом. Однако когда капитан Ульман связался по рации со штабом, согласно показаниям солдат, присутствовавших при этом, ему приказали казнить оставшихся в живых. Чеченцам приказали выйти из дома и расстреляли. Их тела положили в машину, а машину подожгли. Капитан Ульман и трое других военнослужащих сознались в совершении убийств, однако заявили, что выполняли приказ.

В апреле 2004 года ростовский суд присяжных признал Ульмана и его подчиненных невиновными по всем обвинениям. Во время первого пересмотра дела, также проходившего в Ростове, другой состав присяжных пришел к такому же решению. Тогда Верховный Суд назначил очередной пересмотр дела коллегией присяжных, набранных из разных районов юга России.

Наиболее широкий резонанс получило дело полковника Юрия Буданова, обвиненного в похищении и убийстве 18-летней чеченской девушки в 2000 году. Девушка просто шла по улице, когда полковник Буданов, отмеченный военными наградами командир танка, похитил ее, отвез в свой кабинет и там избил до смерти. Во время первого рассмотрения дела Буданов был признан невиновным по причине невменяемости. После повторного рассмотрения дела по указанию Верховного Суда в 2003 году он был признан виновным и приговорен к тюремному заключению сроком на 10 лет.

Обвинения в резне

Наиболее сенсационным из тридцати новых дел, которые сейчас рассматривает Европейский Суд, является дело о резне, учиненной частями Министерства внутренних дел в деревне Новые Алды, на-

ходящейся неподалеку от Грозного. В 2000 году по информации ПЦ «Мемориал», отряд ОМОН (отряд милиции особого назначения) прибыл в деревню для проверки документов. Жителям деревни нечего было бояться, так как силы повстанцев в этой местности не действовали.

Что произошло в деревне, является предметом горячих споров. «Мемориал» утверждает, что располагает данными под присягой показаниями, согласно которым некоторые из солдат проявили по отношению к местным жителям необъяснимую жестокость. Некоторые из них начали стрелять в воздух, другие — требовать денег. Людей, которые не могли предъявить паспортов, убивали выстрелами из автоматов. Одна женщина, заявление которой было передано Мемориалом в Европейский Суд, рассказывает о том, что солдаты требовали денег. Она пошла в свой дом в сопровождении одного из них и попыталась спрятаться, однако была обнаружена солдатом. Он приставил автомат к ее голове, и она начала умолять его сохранить ей жизнь. Эти мольбы возымели действие. Однако затем она услышала автоматные выстрелы и, выйдя на улицу, обнаружила, что ее родственники убиты. Потом она увидела, как ее муж вошел во двор и стала кричать ему по-чеченски, чтобы он убежал и спасал свою жизнь.

К концу дня, по словам Мемориала, на улицах деревни лежало более 80 убитых мирных жителей. Местный правозащитник, который занимался расследованием, снял трупы на видео, а Мемориал провел десятки интервью, и направил эти материалы в российские органы прокуратуры. Однако, по их словам, прокуратура никак на это не прореагировала.

Европейский Суд и проблема Чечни

Европейский Суд был учрежден с целью осуществления контроля за соблюдением Европейской Конвенции по правам человека. В его полномочия входит вынесение решений о том, выполнили ли государства свое обязательство по соблюдению прав людей, находящихся в их юрисдикции. Суд может представить впечатляющие победы. В первую очередь это целая серия решений против Великобритании в связи с политикой, проводимой ею в Северной Ирландии в 1970-е годы; против Турции в отношении ее обращения с курдами и против ирландского правительства в связи с дискриминацией, допускавшейся им в отношении гомосексуалов.

Однако Россия, вероятнее всего, будет наиболее трудным испытанием. Во-первых, Москва пребывает в состоянии войны с Чечней и не склонна рисковать, подрывая боевой дух своих вооруженных сил проведением расследований по фактам нарушений. Во-вторых, другие государства соблюдают правила Совета Европы. Хотя это и не связано с Европейским Союзом, членство в Совете Европы является необходимым условием для рассмотрения вопроса о вступлении в ЕС. Однако Россия не стремится вступить в ЕС, и поэтому страны ЕС не имеют в отношении Москвы серьезного рычага влияния.

Проблема Чечни внесла в отношения между Россией и Советом Европы известное напряжение. В апреле 2000 года в ответ на наступательные действия Москвы в Чечне, Парламентская Ассамблея Совета Европы приостановила право голоса России в этом органе. Однако призывы пойти дальше и приостановить членство России или исключить ее были отклонены Комитетом Министров — органом, обладающим наивысшей санкцией. Еще ни одна из 56 стран, входящая в эту организацию, не была приостановлена в членстве Советом, и члены его не хотят идти на такие крайние меры.

В 2002 году докладчик Ассамблеи по правам человека лорд Ф. Джад, часто посещавший Чечню, обвинил Москву в том, что она продолжает игнорировать совершаемые нарушения. В январе 2003 года он подал в отставку в знак протеста против решимости Москвы провести референдум о новой конституции, несмотря на то что регион остался втянутым в войну и голосование в нем не могло быть безопасным. Позднее, в том же году, Ассамблея призвала Совет Европы учредить международный суд по военным преступлениям, аналогичный суду ООН в Гааге. Однако представители России в Кабинете Министров Совета Европы отвергли это предложение.

29 и 30 ноября 2005 года Комитет Министров провел встречу, посвященную контролю над соблюдением государствами-участниками решений Европейского Суда по правам человека. На повестке дня — обязательство России по проведению надлежащего расследования нарушений, совершенных силами безопасности, и ее отказ сотрудничать с Судом. Это было второе заседание, на котором Комитет рассматривал реакцию России на данные решения, и во второй раз она не согласилась с резолюцией, принятой в связи с этим вопросом.

Сторонники жесткой линии полагают, что Совет Европы должен обеспечить соблюдение его членами решений Суда, чтобы сохранить

его авторитет, и что Россию в конце концов следует исключить, если она будет продолжать отказываться расследовать нарушения, в которых была признана виновной. Другие утверждают, что исключение только ухудшит ситуацию и лишит Совет имеющейся у него власти сдерживать поведение государства-участника.

Сторонники постепенных мер получили в сентябре 2005 года ободрение, когда российский президент Владимир Путин, отвечая на телефонные звонки граждан, сделал в прямом эфире заявление о том, что нарушения прав человека в Чечне допускались обеими сторонами и что он приложит все усилия к тому, чтобы выявить виновных. Однако это заявление было сделано через пять лет после первых сообщений об этих нарушениях.

С 1999 года в Чечне идет полномасштабный вооруженный конфликт, печально известный своей жестокостью. Европейский Суд по правам человека продемонстрировал, что законодательство о защите прав человека может быть эффективным способом регулирования внутреннего вооруженного конфликта при отсутствии какого-либо механизма применения законов войны. Теперь Совет Европы должен будет продемонстрировать, что обладает авторитетом, позволяющим ему обеспечить выполнение этих решений. ■

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Всемирная Организация Здравоохранения

СТОИМОСТЬ НАСИЛИЯ

© World Health Organization, 2004

С пресс-релизом (на английском) можно ознакомиться здесь:

www.medicalnewstoday.com/medicalnews.php?newsid=9312

А сам отчет можно скачать здесь: www.who.int/violance_injury_prevention/publications/violance/en/economic_dimensions.pdf

Насилие опустошает жизни, а также наносит серьёзный экономический ущерб обществу. В некоторых странах уходит более чем 4% валового национального дохода на решение проблем, связанных с убытками, причиненными насилием. Эти цифры содержатся в отчёте, обнародованном Всемирной Организацией Здравоохранения (ВОЗ) на VII Всемирной конференции по предотвращению телесных повреждений и развитию безопасности, состоявшейся 6–9 июня 2004 года в Вене.

Экономическая цена телесных повреждений, связанных с насилием

Экономическое измерение насилия между людьми, отдельное дополнение к отчёту ВОЗ «О насилии и здоровье», опубликован-

© С. Гордиевич, перевод с англ., 2006

ному в 2002 году, состоит из известной на данный момент информации о цене насилия над детьми, женщинами и престарелыми, включая информацию об экономической эффективности его предотвращения.

Более полутора миллиона человек ежегодно умирают от насилия и ещё миллионы получают травмы и в результате этого страдают от проблем, связанных с нарушением физического, сексуального, репродуктивного и умственного здоровья. Насилие находится на лидирующих позициях как причина смерти людей в возрасте 15–44 лет, от него умирает 14% мужчин и 7% женщин.

В то время как большинство мужчин становятся жертвами неизвестных, почти половина женщин убиты их нынешними или бывшими супругами или сожителями. В некоторых странах эта цифра достигает 70%. Что же касается насилия над детьми, то проведенные исследования свидетельствуют о том, что около 20% женщин и 5–10% мужчин подвергались сексуальному насилию в детстве.

Новый отчет «Экономические показатели насилия между людьми» сосредоточен на насилии в обществе. Результаты исследования показывают стоимость затрат на восстановление здоровья людей, подвергшихся насилию, и составляют следующий процент валового национального продукта в странах Центральной и Южной Америки: 1,9% — в Бразилии, 4,3% — в Колумбии, 4,3% — в Сальвадоре, 4,5% — в Перу и 0,3% — в Венесуэле.

В Англии ежегодный ущерб от преступлений составляет 63,8 млрд долларов в год, из которых более 60% — это потери из-за убийств, сексуального насилия и других травм, связанных с насилием. Одни только затраты, связанные с убийствами, стоят Австралии 194 млн долларов в год, Новой Зеландии — 67, провинции Западный Кейп (ЮАР) — 30.

В Австралии случаи насилия на рабочем месте обходятся работодателям в 5582 долл. из расчета на каждую жертву и 837 млн долл. ежегодно составляют потери австралийской экономики.

Доктор Катрина Ле Гейлс-Камус, помощник генерального директора, ответственного за подразделение ВОЗ по инфекционным болезням и умственному здоровью, подчеркнула один из ключевых аспектов отчёта «Экономические показатели насилия между людьми»: «За пределами очень личностных человеческих трагедий, связанных с каждым случаем насилия, его последствия чрезвычайно дорогостоящи в экономическом смысле. Устранение их отвлекает милли-

арды долларов из сферы образования, социального обеспечения, жилищного строительства и отдыха на помощь жертвам насилия и осуществления уголовного наказания для виновных».

Во многих странах мира, прежде всего в развивающихся странах, существует недостаток информации о прямых убытках от насилия. «Серьёзным шагом вперед в последующие годы будет усиление и поддержание исследований, посвященных выявлению фактов насилия и оценка связанных с ними убытков и передача их результатов тем, кто устанавливает правила игры в обществе, а также выступать везде, где только возможно и озвучивать аргументы относительно профилактики насилия», — добавила доктор Ле Гейлс-Камус.

Оценка убытков от насилия в США измеряется примерно суммой в 300 млрд долл. в год. Согласно исследованиям, одно только насилие над детьми стоит экономике Соединённых Штатов 94 млрд долл. — это соразмерно одному проценту валового национального продукта США. Эти цифры включают прямые медицинские расходы и затраты на юридические услуги, содержание под стражей и расследование, а также стоимость непрямого потери продуктивности, психологический ущерб и будущую криминализацию.

В целом, самый большой компонент взрослой преступности связан с насилием над детьми и оценивается в 55,4 млрд убытков ежегодно. Что же касается несовершеннолетней преступности, то следует отметить, что типичное преступление, совершенное несовершеннолетним, стоит от 16 600 до 17 700 долл. жертве плюс 44 000 долл. — системе уголовной юстиции. Исследования также показывают, что от 56 до 80% случаев лечения серьёзных огнестрельных ранений были напрямую оплачены за счет общественного финансирования или вообще не оплачены — в этом случае они принимались правительством и обществом в форме финансирования некомпенсированного лечения и общего уровня высоких оплат.

«Хорошей новостью этого отчёта относительно экономического измерения насилия является то, что профилактика его выгодна», — отметил доктор Александр Бутчарт, координатор ВОЗ по профилактике насилия.

На самом деле, ряд исследований, проведенных в Соединённых Штатах, свидетельствует, что курсы обучения для молодёжи группы риска и тренинг для родителей соответственно в семь и пять раз более выгодны в смысле предотвращения насилия, чем инвестирование в правоохранительную и карательную системы.

ВОЗ активно участвует в продолжающихся усилиях по предотвращению насилия между людьми во всех его формах, включая жестокое обращение с детьми, подростковое насилие, насилие над сексуальным партнёром и престарелыми. Со времени публикации отчета ВОЗ «О насилии и здоровье» его рекомендации относительно предотвращения насилия были поддержаны Всемирной Ассамблеей Здравоохранения, Комиссией по правам человека, Африканским союзом и Всемирной медицинской ассоциацией.

Среди прочего эти рекомендации призывают правительства всех стран определить приоритеты и поддержать исследования причин, последствий, стоимости и профилактики насилия, а также разработать основанные на доказательствах программы по усовершенствованию методов реабилитации жертв насилия. ■

Хьюман Райтс Вотч

АФГАНИСТАН: ПРОИЗВОЛ АМЕРИКАНСКИХ СИЛ

http://hrw.org/russian/press/2004/130504_afgan.html

Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч была создана в 1978 г. с целью осуществления контроля и содействия соблюдению положений о правах человека Хельсинкских соглашений 1975 г. как в США, так и во всем мире. Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч входит в Международную хельсинкскую федерацию за права человека со штаб-квартирой в Вене (Австрия).

Хьюман Райтс Вотч осуществляет систематическую работу по расследованию случаев нарушений прав человека примерно в 60 странах мира. Эта организация обращается к правозащитной практике правительств всех оттенков политического спектра, любой геополитической ориентации, придерживающихся различных этнических и религиозных убеждений. При внутренних конфликтах Хьюман Райтс Вотч фиксирует нарушения как со стороны правительства, так и повстанческих сил. Она выступает в защиту свободы мысли и выражения убеждений, за обеспечение выполнения процессуальных норм и равенства в праве на защиту со стороны закона; документально фиксирует и осуждает убийства, исчезновения, пытки, произвольное заключение под стражу, ссылки, цензуру и другие нарушения признанных международным сообществом прав человека.

Нарушения в обращении с задержанными афганцами носят системный характер

(Лондон, 13 мая 2004 г.) Жестокое обращение с задержанными со стороны американских военных и сотрудников спецслужб — это системная проблема, которая не ограничивается несколькими отдельными случаями, заявила сегодня Хьюман Райтс Вотч.

Правозащитная организация призвала американскую администрацию немедленно рассекретить результаты прошлых расследований по фактам нарушений со стороны американских военнослужащих в Афганистане, в том числе по фактам убийства после задержания американскими силами двух афганцев в декабре 2002 г. и гибели еще одного задержанного в июне 2003 г.

«Афганцы уже больше года рассказывают нам о недозволенном обращении в американских центрах временного задержания, — говорит Джон Сифтон, сотрудник Хьюман Райтс Вотч по Афганистану. — Мы неоднократно обращали внимание должностных лиц США на эту проблему в 2003-м и 2004 годах. Администрации пора рассекретить результаты расследований, в полной мере обеспечить ответственность виновных в нарушениях и предоставить доступ независимым наблюдателям».

В мартовском докладе 2004 г. «Бремя свободы: нарушения со стороны американских сил в Афганистане» Хьюман Райтс Вотч документально зафиксировала многочисленные случаи жестокого обращения в разных центрах временного задержания на территории Афганистана: людей лишали сна, держали на морозе и подвергали жестоким побоям. Задержанные также жаловались на то, что их раздевали донага и фотографировали в таком виде. Многие методы такого рода напоминают то, о чем в последнее время сообщается в связи с Ираком. Судя по недавним сообщениям в прессе, нарушения в обращении с задержанными в Афганистане продолжают.

Афганская независимая комиссия по правам человека (автономный орган при правительстве) также располагает многочисленными жалобами на действия американских военнослужащих в 2003–2004 гг., которые поступают из ее подразделений на юге и востоке страны, где американцы регулярно проводят военные операции. Комиссия неоднократно ставила этот вопрос перед американскими властями в 2003–2004 гг.; аналогичные обращения поступали от представителей местных властей и сотрудников Миссии ООН по содействию Афганистану (МООНСА).

10 мая Комиссия по правам человека официально потребовала предоставить ей доступ в американские центры временного задержания на территории Афганистана. Хьюман Райтс Вотч в 2003–2004 гг. также неоднократно и безуспешно запрашивала разрешение на посещение таких центров. 6 мая мы обратились к министру обороны США Д.Рамсфелду с официальным запросом предоставить нам доступ во все места содержания задержанных, созданные Соединенными Штатами в Ираке и Афганистане, а также на любые другие объекты такого рода, местонахождение которых пока не разглашается администрацией.

«США показали, что они не в состоянии навести порядок в собственных тюрьмах, — говорит Дж.Сифтон. — Нужно открыть для правозащитных организаций все места содержания задержанных как в Афганистане, так и в Ираке».

Хьюман Райтс Вотч заявляет, что США так и не представили адекватных объяснений по фактам гибели трех задержанных в Афганистане в 2002–2003 гг. Первые два случая (декабрь 2002 г.) американскими военными патологоанатомами были прямо квалифицированы как убийства.

В Управлении уголовных расследований сухопутных войск США в конце 2003 — начале 2004 г. Хьюман Райтс Вотч объясняли, что следствие по двум убийствам «продолжается». В апреле, однако, нами была получена заслуживающая доверия информация о том, что предварительное военное расследование было завершено еще в начале 2003 г. и что в отношении военнослужащих были приняты некоторые меры дисциплинарного характера (уголовные дела не возбуждались). По факту смерти третьего задержанного (июнь 2003 г.) представители военных упорно отказываются сообщать Хьюман Райтс Вотч какую-либо информацию.

Никакой реакции не последовало и на очередной призыв обнародовать результаты расследований, который содержался в нашем мартовском докладе.

Одно из свидетельств, полученных Хьюман Райтс Вотч в Афганистане:

11 февраля 2004 г. бывший задержанный рассказывает о перевозке с авиабазы на западе Афганистана в Кандагар в начале 2002 г.:

«Американцы замотали нам головы и, самое страшное, оставили совсем голыми, заставили сидеть в холодной комнате, там всех трясло от холода... [По дороге в Кандагар] я был голый, вообще никакой

одежды не было. [Когда самолет сел в Кандагаре], там очень грубо обращались. Было холодно, нас держали на земле больше часа. Потом какие-то военные подошли, завели нас внутрь. Там нас уже поджидали, стали бить страшно, без всякого повода. Ногами били и кулаками. Больше всего по спине. Потом какую-то одежду дали... В Кандагаре всех били. Гиблое это место».

Избиения задержанных, отсутствие процессуальных гарантий

(Нью-Йорк, 8 марта 2004 г.) Американские силы в Афганистане произвольно задерживают мирных жителей, применяют избыточную силу при аресте нонкомбатантов и допускают нарушения в обращении с задержанными, говорится в опубликованном сегодня докладе Хьюман Райтс Вотч.

Правозащитная организация утверждает, что созданная американцами в Афганистане система ареста и содержания под стражей существует вне рамок законности. США имеют собственные центры временного задержания на военных базах в Баграме, Кандагаре, Джелалабаде и Асадабаде.

«Американская практика задержания и содержания под стражей в Афганистане создает зловещий прецедент, — отмечает Брэд Адамс, исполнительный директор отделения Хьюман Райтс Вотч по Азии. — Гражданские лица находятся в правовом вакууме: без суда, адвоката, свиданий с родственниками и основных процессуальных гарантий».

59-страничный доклад «Бремя свободы: нарушения со стороны американских сил в Афганистане» основан на исследованиях, которые Хьюман Райтс Вотч провела в Афганистане и Пакистане в 2003-м — начале 2004 годов. Документально зафиксированы случаи, когда американцы используют военные методы, включая неспровоцированный огонь на поражение, для задержания гражданских лиц в жилых районах, где нет боевых действий, — в таких ситуациях должны использоваться правоохранные методы. Отмечены также нарушения при аресте и обыске, грабежи жилищ со стороны развернутых вместе с американцами афганских сил.

В докладе также описывается недозволенное обращение в американских центрах временного задержания. Задержанные после освобождения рассказывают о жестоких побоях, обливании ледяной водой и переохлаждении. По словам многих, в течение длительного

времени им не давали спать или заставляли стоять на коленях в болезненных позах.

«Имеются убедительные доказательства в пользу того, что некоторые действия американских военнослужащих в отношении задержанных представляют собой пытки или жестокое, бесчеловечное либо унижающее достоинство обращение», — заявил Б.Адамс.

В докладе приводятся данные о частых случаях произвольного ареста мирных жителей, как представляется, на основании ошибочной оперативной информации, а также о многочисленных случаях длительного изолированного содержания под стражей обычных зеленчиков, крестьян или поденщиков.

Хьюман Райтс Вотч отмечает, что многие зафиксированные нарушения относятся к небоевым ситуациям, и подчеркивает, что значительная часть нарушений, в особенности произвольные аресты и жестокое обращение с задержанными, недопустимы даже в военное время.

Правозащитная организация указывает и на нарушения международного гуманитарного права талибами и другими антиамериканскими силами в Афганистане, жертвами нападений и похищений которых становились как гражданские лица, так и персонал международных гуманитарных организаций. При этом подчеркивается, что по международному праву такие нарушения не могут служить оправданием произвола американских сил.

«Талибы и другие формирования незаконно наносят удары по мирному населению и сотрудникам гуманитарных организаций, — подчеркивает Б.Адамс. — Однако нарушения с одной из сторон конфликта не оправдывают нарушений с другой. Это основополагающий принцип законов и обычаев войны».

Достаточной реакции на вопросы относительно практики ареста и содержания под стражей со стороны США не последовало. Хьюман Райтс Вотч обращалась по поводу трех задержанных, в отношении которых известно, что они умерли в американских центрах временного задержания: двое — на авиабазе Баграм к северу от Кабула в декабре 2002 г., один — на авиабазе Асадабад на востоке Афганистана в июне 2003 г. Первые два случая были признаны убийствами американскими военными патологоанатомами, проводившими вскрытие. В отношении обстоятельств смерти всех троих никаких комментариев со стороны американских официальных лиц пока не последовало.

«Вся эта завеса секретности должна быть снята, — говорит Б. Адамс. — США обязаны расследовать такие заявления и привлекать к ответственности тех, кто нарушил закон. Никаких признаков серьезных расследований не наблюдается».

Хьюман Райтс Вотч заявляет, что своим бездействием США способствуют подрыву международных стандартов.

«Репрессивные режимы всего мира будут теперь кивать на американцев в Афганистане и говорить: «Если им сходят с рук нарушения прав человека, то почему нам нельзя?», — сказал Б.Адамс.

В июне 2003 г. президент Дж. Буш и другие официальные лица его администрации заявляли, что США не применяют пыток или жестокого обращения к задержанным, находящимся под их юрисдикцией. Однако ни одному из независимых наблюдателей не было позволено ознакомиться с ситуацией в американских центрах временного задержания на территории Афганистана, за исключением Международного комитета Красного Креста, который, как известно, не передает огласке результаты своих посещений. Хьюман Райтс Вотч обращает внимание на то, что некоторые случаи нарушений, документально зафиксированные в докладе, имели место уже после заявления президента Дж.Буша.

Хьюман Райтс Вотч призывает президента Афганистана Х.Карзая и афганское правительство добиваться от США приведения американской системы содержания под стражей в Афганистане в соответствие с нормами международного права, а также обеспечить соблюдение законности командами афганских формирований.

Ассоциация предупреждения пытток

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ АПП 2004 ГОДА ПО ПЫТКАМ В СТРАНАХ — УЧАСТНИЦАХ ОБСЕ

Варшава, 7 октября 2004 года

Association for the Prevention of Torture
Rte de Ferney 10
Case postale 2267
CH-1211 Geneva
Switzerland
Tel: +41 22 919 21 71
www.appt.ch

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ АПП № 1 для Рабочего заседания № 7

Факультативный протокол к Конвенции ООН против пыток: эффективный способ предотвращения пыток и жестокого обращения в странах — участницах ОБСЕ

Регион ответственности ОБСЕ, включающий 55 стран — участниц этой организации, — зона чрезвычайного многообразия на различных уровнях, не последним из которых является защита прав человека. В то время как некоторые страны региона обеспечивают высокий уровень защиты прав человека, включая защиту от пыток и жестокого обращения, прискорбным является тот факт, что существуют такие страны — участницы ОБСЕ, в которых широко распространены, а в некоторых случаях носят систематический характер, нарушения прав человека, включая пытки и жестокое обращение.

Право на защиту от пыток и жестокого обращения, а также на правовую помощь в случаях, когда нарушаются права человека, гарантируется в нескольких международных соглашениях, которые подписали почти все страны — участницы ОБСЕ¹. Принцип, гласящий, что пытки и жестокое обращение полностью запрещены при любых обстоятельствах, также четко прописан во внутренних законодательствах большинства стран — участниц ОБСЕ

Тем не менее, несмотря на эти международные и внутренние законодательные гарантии, наблюдатели по правам человека продолжают регистрировать по всему региону ответственности ОБСЕ заявления о случаях применения пыток и жестокого обращения государственными должностными лицами по отношению к лишенным свободы людям. В рамках своей деятельности наблюдатели по правам человека сталкиваются со случаями применения пыток и жестокого обращения в разных официальных местах лишения свободы. В то время как частота применения подобных методов может в значительной степени меняться в зависимости от страны, места их применения остаются практически неизменными.

Обстоятельства злоупотреблений

Ситуации, в которых чаще всего имеют место пытки и другие формы жестокого обращения, включают момент ареста, содержание под арестом в полиции (зачастую для выбивания принудительного «признания» у задержанного), в предварительном заключении и в тюрьмах. Другими, менее типичными местами вынужденного пребывания и обстоятельствами, в которых государственные должностные лица прибегали к физическим и психологическим злоупотреблениям, были психиатрические учреждения, учреждения социального обеспечения для умственно и физически неполноценных лиц и центры содержания иммигрантов и лиц, ищущих убежища.

¹ За исключением двух из 55 стран-участниц ОБСЕ, все остальные ратифицировали Конвенцию ООН против пыток; трем странам еще предстоит подписать Международный пакт о гражданских и политических правах. Из 55 стран-участниц ОБСЕ, являющихся странами-участницами Совета Европы, все страны подписали Европейскую Конвенцию о правах человека и основных свободах и Европейскую конвенцию по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания.

Помимо случаев проявления намеренного физического и психологического насилия государственными должностными лицами по отношению к лишенным свободы людям, поводом для сильной обеспокоенности наблюдателей по правам человека стали также вопиющие условия содержания задержанных во многих местах лишения свободы в регионе.

Нельзя также забывать о том, что, по поступающим сообщениям, в некоторых странах — участницах ОБСЕ люди продолжают подвергаться пыткам и жестокому обращению в неофициальных местах лишения свободы.

Беспокоит факт, что эта ситуация, с которой нельзя мириться, улучшится в ближайшем будущем, имеет под собой мало оснований. Частое включение вопроса о предотвращении пыток в повестку дня различных встреч ОБСЕ на протяжении ряда прошедших лет, чему свидетельствует и Сессия ОБСЕ по вопросу рассмотрения выполнения, посвященное человеческому измерению в октябре 2004 г., подтверждает серьезность задачи, которая стоит перед странами — участницами ОБСЕ и теми, кто занимается вопросами прав человека в регионе.

Как это ни парадоксально, многие государства — участники ОБСЕ могли бы сделать намного больше, чтобы положить конец практике применения пыток и жестокого обращения в своих странах и создавать общественное доверие к своим органам правопорядка. Ратификация Факультативного протокола к Конвенции ООН против пыток² — пример всего лишь одной простой, но эффективной меры, и страны — участницы ОБСЕ могли бы взять на себя обязательство покончить с подобными недопустимыми злоупотреблениями.

Ассоциация по предотвращению пыток (АПП) полагает, что в сочетании с другими мерами по предотвращению пыток Факультативный протокол к Конвенции ООН против пыток поможет создать культуру недопущения подобных практик в местах лишения свободы во всем регионе ответственности ОБСЕ.

Перечень подобных мер вы можете найти в *Официальном отчете АПП № 2 для Рабочего заседания № 7*.

² Факультативный протокол к Конвенции Организации Объединенных Наций против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения или наказания.

Практика показала, что посещения мест лишения свободы являются одним из самых эффективных способов предотвращения пыток и улучшения условий содержания заключенных. Посещения не только имеют сдерживающий эффект, но и позволяют экспертам увидеть собственными глазами, убедиться, как обращаются с людьми, лишенными свободы, и выяснить условия их содержания. Факультативный протокол к Конвенции ООН против пыток, который установит порядок регулярных посещений мест лишения свободы, осуществляемых сотрудниками дополнительных международных и национальных независимых экспертных органов, после своего вступления в силу внесет ценный вклад в дело предотвращения пыток³.

К сожалению, на сегодня только 14 из 55 стран — участниц ОБСЕ подписали этот важный документ по правам человека и всего четыре страны ратифицировали его (Албания, Дания, Мальта и Великобритания).

Однако ни при каких обстоятельствах нельзя допустить, чтобы независимые эксперты лишь изредка получали возможность посещать места лишения свободы в регионе ответственности ОБСЕ, особенно ввиду частоты случаев применения пыток и других форм жестокого обращения с задержанными. Без особых усилий многие миллионы лишенных свободы людей во всех уголках региона ответственности ОБСЕ благодаря усилению транспарентности мест лишения свободы и их обследования смогут легче вздохнуть.

В то время как 45 из 55 стран — участниц ОБСЕ являются членами Совета Европы и на них распространяется Положение о *специальных* и периодических посещениях мест лишения свободы Европейским комитетом по предотвращению пыток (КПП), это не должно использоваться указанными странами в качестве аргумента для неподписания или нератификации Факультативного протокола к Конвенции ООН против пыток. Мало того, что в Европейской конвенции против пыток и унижающих достоинство человека видов обращения или наказания нет никаких положений о внутренних органах, которым разрешены посещения, многие страны — члены Совета Европы сотрудники КПП посещают, в среднем, лишь один раз в два или более года.

³ На 4 октября 2004 года состоялось 29 подписаний и 5 ратификаций Факультативного протокола к Конвенции ООН против пыток. Последний вступит в силу после ратификации его 20 странами.

АПП активно приветствует решение тех 18 стран — участниц ОБСЕ, которые на сегодняшний день подписали или ратифицировали Факультативный протокол к Конвенции ООН против пыток, и настоятельно рекомендует остальным странам — участницам ОБСЕ последовать положительному примеру и немедленно предпринять необходимые меры, чтобы открыть свои места лишения свободы для тщательных инспекций международными и внутренними органами по правам человека.

Рекомендации АПП

Для предотвращения пыток и других форм жестокого обращения в регионе ответственности ОБСЕ АПП рекомендует следующие меры, которые необходимо читать в сочетании с рекомендациями, содержащимися в *Официальном отчете АПП № 2 на Рабочем заседании № 7*:

- Страны-участницы должны серьезно отнестись к скорейшей ратификации Факультативного протокола к Конвенции ООН против пыток и затем обеспечить его эффективное выполнение. АПП считает, что ратификация этого важного документа по правам человека послужит сигналом для международного сообщества о значении, которое придает каждая страна борьбе против применения пыток.
- Страны-участницы призываются начать диалог с теми странами — участницами ОБСЕ, которые уже подписали или ратифицировали Факультативный протокол к Конвенции ООН против пыток, чтобы облегчить обмен информацией и наиболее эффективными практиками по организации и функционированию национальных механизмов посещения.
- Страны-участницы также призываются начать диалог на национальном уровне по Факультативному протоколу к Конвенции ООН против пыток. Эти обсуждения должны вовлечь целый ряд соответствующих национальных деятелей и организаций, включая представителей гражданского общества и всех тех, кто уже занимается инспектированием мест лишения свободы.
- ОБСЕД/БДИПЧ также могли бы сыграть важную роль в том, чтобы облегчить международный обмен информацией и эффективными практиками, поскольку проводятся различные конференции ОБСЕ/БДИПЧ, где могли бы проходить подобные обсуждения.

- ОБСЕ/БДИПЧ могли бы также сыграть важную роль в облегчении диалога на уровне стран. Эти усилия были бы особенно уместны в свете постоянно предпринимаемых ОБСЕ/БДИПЧ попыток, по продвижению инспектирования мест лишения свободы в странах — участницах ОБСЕ и по подготовке ими важных информационных материалов на данную тему. АПП настоятельно рекомендует ОБСЕ/БДИПЧ расширить свою важную деятельность в этом направлении и стимулировать национальные обсуждения достоинств Факультативного протокола к Конвенции ООН против пыток как инструмента, способствующего предотвращению использования пыток и жестокого обращения.
- ОБСЕ/БДИПЧ могли бы в значительной степени облегчить эту деятельность, если бы обеспечили координирование всех инициатив по предотвращению пыток, включая инициативы по продвижению Факультативного протокола к Конвенции ООН против пыток, и объединили бы их в так называемую фокусную группу по предотвращению пыток в рамках ОБСЕ/БДИПЧ. Эта группа могла бы также помочь в упорядочивании действий по предотвращению пыток в рамках ОБСЕ в целом.
- Вышеупомянутые усилия по борьбе с применением пыток и жестокого обращения должны предприниматься в атмосфере искренней политической воли как со стороны стран — участниц ОБСЕ, так и политических структур ОБСЕ. В этом отношении совершенно необходимо, чтобы действующие председатели ОБСЕ и постоянного совета уделяли гораздо больше внимания вопросу предотвращения пыток в регионе и рассматривали этот вопрос на регулярной и последовательной основе. Без подлинной политической воли на этом уровне будет трудно добиться общего успеха в этом направлении.

АПП еще раз заявляет о своей готовности сотрудничать и помогать всем, включая ОБСЕ/БДИПЧ, гражданское общество, национальные институты по правам человека и представителей правительств, не только в том, чтобы способствовать ратификации и эффективному выполнению Факультативного протокола к Конвенции ООН против пыток, но и в принятии других мер по их предотвращению.

Для получения дальнейшей информации по вопросам, затронутым в этом Официальном отчете, и для получения других материалов АПП, посетите, пожалуйста, вебсайт АПП (www.apt.ch) или об-

ращайтесь в течение встречи к Офицеру Программы по Европе и Средней Азии Мэтью Принглу, или к Офицеру по правовым вопросам Программы Организации Объединенных Наций Эдуарду Делаласу.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ АПП № 2 для Рабочего заседания № 7

Прочие меры по предотвращению пыток и жестокого обращения с лишенными свободы в странах — участницах ОБСЕ

Ассоциация по предотвращению пыток (АПП) считает, что выполнение Факультативного протокола к Конвенции ООН против пыток⁴ будет эффективным инструментом для предотвращения пыток и других форм жестокого обращения с заключенными в регионе ответственности ОБСЕ. Однако его полезность как инструмента для предотвращения пыток обеспечится лишь в том случае, если страны — участницы ОБСЕ предпримут ряд других важных мер, необходимых для того, чтобы покончить с этими прискорбными практиками. АПП считает, что все эти меры в совокупности помогут создать культуру неприменения подобных методов в местах лишения свободы на всей территории региона. В этой связи АПП призывает страны — участницы ОБСЕ предпринять следующие меры для предотвращения пыток и других форм жестокости:

Осуждение пыток и объявление их преступлением по закону

Очень важно, чтобы все страны — участницы ОБСЕ и их политические руководства осудили на самом высоком уровне в абсолютно четких формулировках все действия с применением пыток и других форм жестокого обращения. Необходимо дать ясно понять всем государственным должностным лицам, что, согласно Международному закону о правах человека, такие действия не могут быть оправданы или допустимы ни при каких обстоятельствах. Государства должны также гарантировать, что подобные действия будут объявлены преступными по внутреннему законодательству — в соответствии с положениями Международного закона о правах человека.

⁴ Факультативный протокол к Конвенции Организации Объединенных Наций против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения или наказания.

Обеспечение основных гарантий

Международный закон о правах человека налагает на страны — участницы ОБСЕ ряд обязательств, гарантирующих право задержанного не подвергаться пыткам и другим формам жестокого обращения. Страны — участницы ОБСЕ должны обеспечить соблюдение этих гарантий всеми государственными должностными лицами на любом этапе лишения человека свободы, в особенности право задержанного на скорейший доступ к адвокату, включая момент допроса, а также прямое или косвенное уведомление члена семьи либо третьего лица о факте задержания и доступ к врачебной помощи по выбору задержанного.

Ответственность

Чтобы покончить с безнаказанностью, все заявления о применении пыток и других форм жестокого обращения должны расследоваться в соответствии с Международным законом о правах человека, что следует делать быстро, беспристрастно и эффективно. Страны — участницы ОБСЕ обязаны гарантировать, что во время таких расследований истцы, члены их семей и свидетели будут защищены от репрессалий со сторон государственных должностных лиц.

Правонарушители, применившие к задержанным пытки и другие формы жестокого обращения, должны быть преданы суду, при этом слушания следует организовать в соответствии с международными стандартами справедливого правосудия. Страны — участницы ОБСЕ должны гарантировать, что приговоры, выносимые обвиняемым государственным должностным лицам, будут соразмерны серьезности правонарушения или правонарушений, совершенных ими.

Компенсация

Пострадавшие или их семьи должны также иметь гарантируемое законом право на компенсацию за причиненные страдания. В такую компенсацию следует включать справедливое и адекватное денежное возмещение и любую необходимую медицинскую, психологическую и социальную реабилитацию.

Обучение и профессионализм

Все лица, отвечающие за работу с людьми, лишенными свободы, или непосредственно работающие с ними, должны быть соответству-

ющим образом обучены в области прав человека, включая информацию о полном запрещении пыток и других форм жестокого обращения и о правах лишенных свободы лиц. Большое внимание нужно также уделять необходимости избегать чрезмерного использования силы в момент ареста и задержания.

Больше внимания необходимо обратить на профессиональное обучение государственных должностных лиц, способствующее росту их профессионализма, что, наряду с эффективным делегированием прав и ответственностей на более низкие уровни инстанций, поможет создать среду, в которой будут соблюдаться права лишенных свободы лиц.

Прозрачность мест лишения свободы

Как утверждается в *Официальном отчете АПП № 1 для Рабочего заседания № 7*, озаглавленном *Факультативный протокол к Конвенции ООН против пыток: эффективный способ предотвращения пыток и жестокого обращения в странах — участницах ОБСЕ*, АПП считает, что регулярный мониторинг мест лишения свободы внешними независимыми органами — один из самых эффективных способов предотвращения использования физического и психологического насилия. Факультативный протокол к Конвенции ООН против пыток установит порядок регулярных посещений мест лишения свободы сотрудниками дополнительных международных и национальных независимых экспертных органов и внесет неоценимый вклад в предотвращение пыток, как только вступит в силу⁵.

В этой связи АПП настоятельно рекомендует всем странам — участницам ОБСЕ предпринять немедленные меры для того, чтобы открыть места лишения свободы для их тщательного обследования работниками международных и внутренних органов по правам человека.

Важность международного сотрудничества

Подобным же образом страны — участницы ОБСЕ должны также полностью сотрудничать с международными и региональными органами, имеющими мандат на то, чтобы заниматься вопросами

⁵ На 4 октября 2004 года состоялось 29 подписаний и 5 ратификаций Факультативного протокола к Конвенции ООН против пыток. Последний вступит в силу после ратификации его 20 странами.

применения пыток и других форм жестокого обращения с задержанными. В число таких органов входят различные органы по мониторингу соглашения и специальных подпрограмм ООН, в частности, Специальный докладчик по вопросам пыток, который в последние годы посещал Узбекистан и Испанию, а также соответствующие органы ОБСЕ и Совета Европы. В равной степени важно, чтобы страны — участницы ОБСЕ предприняли все возможные шаги для практической реализации выводов и рекомендаций этих органов.

Заключительные замечания

Как подчеркивалось в *Официальном отчете АПП № 1 для Рабочего заседания № 7*, совершенно недопустимым является то, что год за годом наблюдатели по правам человека постоянно регистрируют заявления о случаях применении пыток и жестокого обращения государственных должностных лиц с лишенными свободы лицами по всему региону ответственности ОБСЕ. Совершенно очевидно, что настало время, чтобы многие страны — участницы ОБСЕ начали более серьезно относиться к правам лишенных свободы лиц. АПП считает, что если бы упомянутые выше меры были искренне и эффективно реализованы странами-участницами, они в значительной мере способствовали бы решению вопроса об использовании подобных нетерпимых, методов, которые в настоящее время оказывают свое губительное воздействие в разных уголках региона ответственности ОБСЕ. АПП всегда готова помочь любой стране — участнице ОБСЕ, проявляющей искреннюю готовность к предотвращению пыток на своей территории.

Для получения дальнейшей информации по вопросам, затронутым в этом Официальном отчете, и других материалов АПП посетите, пожалуйста, вебсайт АПП (www.apt.ch) или обращайтесь в течение встречи к Офицеру Программы по Европе и Средней Азии Мэтью Принглу, или к Офицеру по правовым вопросам Программы Организации Объединенных Наций Эдуарду Делапласу. ■

Американская ассоциация психологов (АРА)*

Жанна Корейко

АМЕРИКАНСКИЕ ПСИХОЛОГИ НЕ ВЫДЕРЖАЛИ ПЫТОК

© Комментарии. 11 августа, 2006 г.

Избавляясь от обязанности присутствовать на допросах военнопленных, психологи ссорятся с Пентагоном.

Ежегодное собрание Американской ассоциации психологов (АРА), которое состоялось 10–13 августа 2006 года в Новом Орлеане, вызвало шум, скорее напоминающий политический скандал, нежели конгресс ученых. На этом собрании должны были поставить на голосование декларацию, провозглашающую отказ американских психологов принимать участие в проводимых военными «допросах с пристрастием», или, прямо говоря, пытках военнопленных. В преддверии конгресса более 1300 самых сознательных членов АРА (в нее входит 150 тыс. человек) подписали по этому поводу онлайн-петицию.

Таким образом, психологи намереваются поссориться с Пентагоном. Подобные декларации уже приняли ассоциации врачей и психиатров. В них определены этические нормы, согласно которым ме-

* АРА — American Psychologist Assosiation.

дики не должны принимать непосредственного участия в допросах, а также «задавать вопросы или консультировать органы власти относительно использования специфических техник дознания применительно, в частности, к военнопленным».

Для специалистов по «душевным болсзням» принятие подобных кодексов этики — несколько запоздалая попытка отмыться от причастности к издевательствам над заключенными в тюрьмах Гуантанамо и Абу Грейб и возложить всю ответственность за них на Пентагон. Однако психологов и оборонное ведомство США связывает слишком давняя дружба, чтобы ее можно было так просто разорвать. Военные еще со времен войны во Вьетнаме привлекали психологов к созданию технологий пыток, например так называемых коэрсивных техник воздействия на пленных. В их основе лежит психоэмоциональный прессинг: человека подвергают унижению, часто сексуального характера, оскорбляют, лишают сна, запугивают и т.д. Присутствие квалифицированного психолога во время пыток необходимо, ведь если военные переусердствуют, заключенный может впасть в глубокую апатию, вывести из которой очень сложно и сделать это сможет только специалист-психолог.

Коэрсивные техники применялись и в Абу Грейб — мировую прессу обошли шокирующие фотоматериалы, иллюстрирующие их. Правда, администрация США пытками их так и не назвала, — в ее отчетах использован термин «насилие». Более того, официальные документы, по сути, благословляют это «насилие». Так, меморандум, составленный в 2002 году юридическим ведомством США, иезуитски утверждает, что ведущий допрос является виновным в применении пыток, «если в его действиях четко выражено намерение причинить лицу сильную боль и тяжелые страдания». Иными словами, если таковым намерением является получение информации, то на «нет» и суда нет. Поэтому в инструкциях Пентагона, составленных в июне 2006 года, содержится требование непосредственного присутствия и активного участия психологов или психиатров во время дознания. Даже нынешний «кодекс чести» АРА гласит, что психологи хотя и не должны принимать участия в пытках или насильственных действиях, однако вполне могут быть консультантами во время допроса или собирать информацию, необходимую для защиты национальной безопасности.

Переписать этот кодекс, как того требует инициативная группа АРА, дело непростое — в конце июля 2006 года в прессе появилась

информация о том, что шесть из десяти членов правления этой организации имеют тесные связи с военными ведомствами, а четыре работали в Гуантанамо, Абу Грейб и Афганистане. Этот скандал с пытками может привести АРА к расколу. В ней уже образовалась группа, готовая бойкотировать членские взносы или вообще выйти из Ассоциации. ■

Международный медицинский реабилитационный центр для жертв войн и тоталитарных режимов (Украина, Киев)

Татьяна Яблонская

ИСТОРИЯ ОДНОГО «ДЕЛА»

Международный медицинский реабилитационный центр для жертв войн и тоталитарных режимов (МРЦ) является общественной благотворительной организацией, цель которой – предоставление реабилитационной медицинской, психологической, социально-правовой помощи лицам, ставшим жертвами пыток или других грубых нарушений фундаментальных прав человека, и членам их семей.

На сегодняшний день МРЦ обслуживает клиентов, среди которых – потерпевшие вследствие пыток в местах лишения свободы, во время службы в армии, беженцы и искатели убежища, потерпевшие вследствие политических репрессий и войн.

Мы представляем статью юриста МРЦ Татьяны Яблонской с описанием реального случая одного из клиентов Центра.

@ Т. Яблонская, 2006

Журналиста К., 1967 года рождения, который исключительно характерно характеризовался на службе, 28 декабря 2000 года осудили по ст. 94 УК Украины к 13 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии усиленного режима.

К. был осужден за убийство зятя одного из советников бывшего президента Украины Кучмы.

Он был задержан через час–полтора после смерти пострадавшего вместе со свидетелем в Маринском парке города Киева. Милиция, учитывая высокий статус пострадавшего, во что бы то ни стало должна была незамедлительно найти убийцу. И нашла...

Единственный «свидетель» В. оказался психически больным человеком. После жуткого избияния в Печерском отделении милиции Киева оба попали в больницу. Била не милиция, от нее лишь исходили угрозы о помещении в камеру к рецидивистам, которые изуродует К., если тот не напишет явку с повинной и не сознается в убийстве. Свое обещание милиция выполнила. Не выдержав пыток, К. признался в убийстве. Так появилась известная со времен академика советского права А.Я. Вышинского царица доказательств — явка с повинной. В суде он откажется от своих показаний, предоставив медицинские документы, свидетельствующие о полученных травмах после избияния в милиции.

При изучении дела защитники обратили внимание на то, что свидетелей происшествия было намного больше. Но ни милиция, ни прокуратура не были заинтересованы в справедливом расследовании дела, так как найти настоящего убийцу крайне трудно. Гораздо проще **назначить убийцу** и при помощи психологических и физических пыток выбить явку с повинной, а уж свой **родной Печерский районный суд поддержит своих следователей и прокуроров**. К великому сожалению и стыду, и сегодня продолжает существовать подобная практика в украинском досудебном и судебном следствии. Для установления истинны по делу защита неоднократно заявляла ходатайства в суде с просьбой заслушать свидетелей, которые в досудебном следствии давали показания. Судья Печерского суда города Киева Ю.Г. отказывала защите во всех ее ходатай-

ствах. Защитники К. также неоднократно заявляли отвод судье, но безрезультатно. Суду необходимо было доказать «профессиональную работу» правоохранительных органов и обеспечить «процент раскрываемости».

В этом уголовном деле прослеживается четная цепочка процессуальных нарушений. Прежде всего, отсутствуют орудия преступления и его мотив, так как убитый никогда не был знаком с К. Наконец, стопроцентное алиби обвиняемого, который во время убийства находился в другом месте (чек из кафе), и множество других доказательств его невиновности, которые ни досудебное, ни судебное следствие не захотели установить. Правоохранители и суд отработали «наверх» о «раскрытии» преступления и неотвратимости «справедливого» наказания.

Причина лежала на поверхности — угодить властям, так как дело касалось семьи, приближенной к Президенту Кучме.

Не дали надлежащей оценки грубым нарушениям по этому делу ни Киевский городской суд, ни Верховный Суд Украины.

Сразу же после позорного судилища над журналистом Украино-американское бюро защиты прав человека организовало пресс-конференцию с приглашением правоохранителей. Ясное дело — никто не пришел. По результатам пресс-конференции было направлено обращение Президенту Кучме (как гаранту прав и свобод граждан), которое подписали известные журналисты, правозащитники, депутаты Верховной Рады и местных советов, юристы. Никаких результатов не последовало... Мы проводили пресс-конференции снова и снова, обращались к мировой общественности. Депутаты всех уровней писали прошения и обращения с единственной целью — разобраться с позорной для Украины системой уголовного преследования и наказания невиновных. Системы, которая посредством нечеловеческих пыток выбивает явки с повинной у своих граждан. Готовили теле- и радиопрограммы, публикации о сфабрикованном деле К. Власть молчала! Зачем ей отвечать, ведь украинцы с ней (с властью) давно живут в параллельных, не пересекающихся мирах. Именно в это самое время появилось до сих пор не законченное расследование дела исчезнувшего журналиста Гонгадзе.

Обращались также к Уполномоченному Верховной Рады — безрезультатно по правам человека. Ведь он защищает только представителей провластных структур, для остальных членов общества от

этой институции нет никакой помощи. Правда, иногда перед ежегодным отчетом (хотя и отчеты были не ежегодными), пытаюсь изобразить кипучую деятельность по защите прав и свобод граждан на одном–двух примерах, эта институция отчитывается о проделанной работе, никоим образом не затрагивая первопричину постоянных жалоб на пытки в правоохранительных органах.

Пытаясь добиться справедливости, мы обращались к представителям судебной власти. Шепотом, неофициально нам объясняли, что дело невозможно пересмотреть, так как погибший — из семьи, приближенной к Президенту Кучме.

Все эти годы наше Бюро, депутаты всех уровней, другие уважаемые люди обращались в Генеральную прокуратуру Украины, Верховный Суд, к Президенту. Ответы были типовыми (если были): оснований для пересмотра дела НЕТ. Мы опять и опять продолжали готовить телепрограммы, организовывать публикации в СМИ, но никаких подвижек по принципиальному решению судьбы К. не было.

К. находится в метах лишения свободы уже седьмой год. Мы непосредственно контактируем с руководством колонии. Характеризуется заключенный исключительно положительно. Администрация колонии делает все возможное для облегчения его участи. Недавно была издана книга его стихов. Тем не менее, следует помнить, что колония строгого режима — это отнюдь не санаторий и что зона живет по своим законам...

После избрания Президентом Украины Виктора Ющенко появилась надежда, что дело К. и многие другие уголовные дела, в которых «признавательные явки с повинной» выбивались посредством физического воздействия и психологического давления, будут пересмотрены. Правовой механизм для пересмотра существует, тем более что с января 2005 года в ст. 127 Уголовного кодекса «Пытки» внесены соответствующие изменения. Надежды общества в очередной раз не оправдались...

Подобного рода дела ни в отношении К., ни в отношении других заключенных не пересматривались.

Позорным пятном на следственных органах и суде до сих пор лежит не рассмотренное дело убитого журналиста Гонгадзе.

В марте 2005 года, после просьбы Леси Гонгадзе, мать заключенного К. встретила с Президентом Украины Виктором Ющенко и передала ему копии документов, свидетельствующих о выбивании признания у ее сына, а также непричастности к убийству.

Как известно, Президент страны не может вершить правосудие, но как гарант соблюдения конституционных прав, отреагировал моментально – дал поручение разобраться.

Прошло полтора года с момента данных Президентом поручений. Генеральная прокуратура продолжала перекидывать дело в городскую прокуратуру, а та – обратно. Пишут невразумительные отписки, ссылаясь на то, что дело проверяется. То вдруг сообщают, что переписка с заявителем прекращена.

Совершенно ясно, что высокие кресла занимают люди, которые собственноручно сфальсифицировали дело, под воздействием нечеловеческих пыток выбивая так называемую «явку с повинной» и вершившие «правосудие». Никто из них не хочет терять свое лицо, а уж тем более отвечать за содеянное. Крайне редко в Украине кого-то привлекают к ответственности, да и то в основном низовое звено, то есть не тех, кто непосредственно давал указания...

Бандиты, наделенные властью, как известно, за свои поступки не отвечают и уж тем более в тюрьмах не сидят.

Обещания Президента, данные матери К., никто не собирался выполнять...

Несмотря на отсутствие у чиновников желания и воли разобраться, мы снова и снова обращались в Генеральную прокуратуру. В конце концов (после 64 обращений в различные инстанции!) нашего сотрудника вместе с мамой К. весной 2006 года принял Генеральный прокурор Украины.

О той встрече вспоминать неприятно. Перед нами сидел человек с равнодушным выражением лица, абсолютно не знакомый с материалами дела. Конечно, помощники должны были заранее ввести его в курс дела. Мы не услышали никаких конкретных ответов на наши вопросы, к тому же встреча длилась 7–8 минут и была формальной. Мы были разочарованы... Кому и на кого жаловались!

После невероятных усилий и давления со стороны сотрудников нашего Бюро нам пришел на помощь один из вновь назначенных заместителей Генерального прокурора Украины – ГОЛОМША Николай Ярославович. Он был **единственным, кто пожелал изучить материалы дела и убедиться в объективности доказательств защиты относительно фабрикаций и многочисленных нарушений** в так называемом деле К.

1 сентября 2006 года ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР УКРАИНЫ ПОДПИСАЛ И ВНЕС в ВЕРХОВНЫЙ СУД УКРАИНЫ ХОДАТАЙСТВО О ПЕРЕСМОТРЕ ДЕЛА К.

Сейчас оно находится на изучении в Верховном суде. Обещают до конца октября – начала ноября довести его до логического конца.

Еще раз обращаем внимание на то, что сегодня при исполнении обязанностей находятся действующие лица — исполнители из числа правоохранителей и судей всех уровней. Все они люди весьма амбициозные. Никто из них не хочет выглядеть исполнителем указаний «сверху». Никто не хочет отвечать за прошлое. Все они в одной неразрывной цепочке и своих никогда не сдадут. Президент Кучма — на заслуженном отдыхе, а безвинно осужденный журналист — в тюрьме.

ВСЕХ ВСЕ УСТРАИВАЕТ...

В настоящее время в Апелляционном суде города Киева продолжается слушание по делу убийства журналиста Георгия Гонгадзе. По удивительному совпадению одна из трех судей — та, которая «открыла» глаза Фемиде в 2000 году при рассмотрении уголовного дела журналиста К. ■

Правозащитный центр «Мемориал»

(Россия)

ЧЕЧНЯ, 2004 ГОД: ПОХИЩЕНИЯ И ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ЛЮДЕЙ

<http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2005/02/m31404.htm>
07.02.2005

За последние пять с половиной лет, что длится вторая чеченская война, похищения и исчезновения людей стали повсеместными. В прошедшем 2004 г. официальные лица немало об этом говорили, а журналисты писали. На базе заявлений и публикаций складывается общее впечатление, что ситуация меняется к лучшему, что количество похищений за год уменьшилось чуть ли не в несколько раз. И это вполне укладывается в официальную концепцию: в Чечне чем дальше, тем более успешно идёт «нормализация». Однако, если задать конкретные вопросы «Сколько человек исчезло?» и «кто такие похитители?», ясная и понятная картина сразу же затягивается туманом. Сами представители власти отчаянно противоречат друг другу, причём не только разные чиновники говорят совершенно разные вещи, порою один и тот же человек не удосуживается согласовать свои высказывания!

«Мемориал» не претендует на обладание исчерпывающей информацией о похищениях и исчезновениях людей в зоне вооружен-

ного конфликта на Северном Кавказе. Наши сведения заведомо неполны, как и любые другие — официальные ли, собранные ли неправительственными организациями. Прежде всего оговорим используемые термины. **Похищенным** мы называем человека, уведенного или увезенного, чаще всего вооружёнными людьми в камуфляже, нередко в масках. Представители федеральных структур утверждают, что похищения совершают боевики, сепаратисты, хотя, как правило, обстоятельства свидетельствуют об обратном: о причастности к похищениям российских или подконтрольных им «силовиков». Почему же, если усматривается участие представителей власти, мы в этих случаях мы не говорим о **задержании**? Дело в том, что похитители не предъявляют документы о своей принадлежности к официальным структурам, равно как и документы, на основании которых человека задерживают, ни ему, ни его родственникам. Они не сообщают, куда задержанный будет доставлен, и, как правило, не ставят в известность о своих действиях местные органы внутренних дел. Похищенного чаще всего помещают в места, не предназначенные для содержания задержанных, и не оформляют в соответствии с законом. Налицо все признаки преступления, подпадающего под статью 125 Уголовного кодекса РФ — «похищение человека». Во многих случаях похищенный отсутствует длительное время, или же исчезает бесследно — тогда мы говорим о нём как о **пропавшем без вести**. На сайте «Мемориала» размещены сведения примерно о 1000 гражданских лицах, **пропавших без вести после задержания** сотрудниками федеральных силовых структур в период второй чеченской. Сюда же мы включаем сведения об исчезнувших, чьи тела впоследствии были найдены и опознаны — таких в этом списке свыше ста. Всего мы располагаем сведениями о примерно 1450 случаях исчезновений, по абсолютному большинству из которых «Мемориал» вступил в переписку с органами прокуратуры. Были возбуждены уголовные дела, однако, как нам известно, в 4/5 случаев расследование приостановлено «в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого» (по статье 208, часть третья нового, а ранее — по статье 195, часть третья Уголовно-процессуального кодекса). **В 2004 г. «Мемориал» зафиксировал 396 случаев похищения людей** на территории Чеченской Республики. Впрочем, мониторинг «Мемориала», неправительственной организации с ограниченными ресурсами, охватывает не всю Чечню, а лишь от трети до четверти её территории. А если, например, сравнивать количе-

ство зафиксированных нами случаев гибели гражданских лиц с милицейской статистикой убийств мирных жителей, выясняется, что мы регистрируем заведомо меньше половины совершаемых в республике тяжких преступлений данной категории. При этом надо учитывать, что и милицейская статистика заведомо неполна. Получается, чтобы оценить общее число похищений в Чечне, наши показатели нужно умножать как минимум в два, а то и в четыре раза. Кроме того, существенная часть информации поступает к нам с заметным запозданием, очевидно, в ближайшие месяцы 2005 г. мы получим информацию о неучтенных пока случаях похищения людей, произошедших в 2004 г., что неминуемо увеличит приведенное выше итоговое значение.

В 2003 г. «Мемориал» зафиксировал 495 случаев похищения людей в Чечне. Получается, что в 2004-м наблюдалось некоторое, не более чем на 20%, снижение числа зафиксированных похищений по сравнению с данными 2003 г. Весьма вероятная причина этого в том, что часть похищений уходит «в тень». Родственники никуда не жалуются, и предпочитают никому не сообщать, а договариваться напрямую с похитителями — таковыми теперь всё чаще оказываются люди, называющие себя «кадыровцами» и служащие в местных профедеральных вооружённых формированиях (см. ниже).

Из 396 человек, похищенных в 2004 г., **189 были позже либо освобождены** похитителями, либо выкуплены родственниками. Нам известны лишь несколько случаев, когда официальные лица — сотрудники МВД, представители чеченской администрации и даже лично Рамзан Кадыров — добивались освобождения похищенных. В каждом из этих случаев похитителями оказывались сотрудники силовых структур, напрямую контролируемых федеральной властью. И нам не известен ни один случай, когда эти похитители были бы привлечены к уголовной ответственности.

Из тех же 396 похищенных **тела 24 людей со следами пыток и признаками насильственной смерти** позднее найдены местными жителями (**в 2003 г. таких было 52**).

173 человека бесследно исчезли (в 2003 г. «Мемориал» зафиксировал 285 случаев бесследного исчезновения похищенных людей).

То есть, даже учитывая, что мы ещё получим новую информацию и что число известных нам случаев исчезновения людей и обнаружения тел похищенных в 2004 г. неизбежно возрастет, можно сделать вывод: количество безвозвратных потерь людей в результате

похищений в минувшем году сократилось менее чем на 40%. Это снижение опять-таки, возможно, связано с «чеченизацией» конфликта, с передачей полномочий по незаконному насилию от федеральных силовых структур к подконтрольным федеральному центру структурам местным — с тем, что последние, лидирующие теперь в похищениях, менее склонны убивать захваченных людей, чем отдавшие им «пальму первенства» «федералы». Складывается впечатление, что чеченские профедеральные силы больше, чем «федералы», склонны добиваться от родственников похищенных каких-то результатов: выкупа, предоставления информации, выдачи их родственника-боевика и т. п.

Кроме того, число обнаруженных тел снизилось более чем в два раза. В нескольких случаях нами зафиксировано, что похищенные люди через некоторое время — от десяти дней до нескольких недель — затем оказывались в структурах МВД как якобы законно арестованные.

Если же говорить о числе пропавших без вести в результате похищений за все последние пять лет, за всё время проведения «контртеррористической операции», то экстраполяция данных «Мемориала» и анализ сведений из официальных структур позволяют дать такую оценку: в результате похищений, незаконных арестов и задержаний исчезли заведомо от трех до пяти тысяч человек, и более точные цифры назвать пока невозможно.

Официальная статистика похищений и исчезновений противоречива, а иногда нелепа.

Это относится и к общему числу исчезновений с начала вооружённого конфликта, и к обнародовавшейся в последние месяцы статистике за 2003–2004 гг.

13 октября 2004 г. исполняющий обязанности уполномоченного по правам человека в ЧР Лема Хасуев заявил, что *«за последние четыре года в республике похищено более двух с половиной тысяч человек»*.

27 декабря 2004 г., то есть два с лишком месяца спустя, начальник управления Генеральной прокуратуры РФ по ЮФО Анатолий Арсентьев на координационном совещании руководителей правоохранительных органов ЮФО называет меньшее число: *«Всего с начала контртеррористической операции в Чечне было похищено*

2 тысячи 437 человек и 347 освобождено сотрудниками правоохранительных органов». Если попытаться анализировать слова Арсентьева, получается, что в Чечне с октября 1999-го — за пять лет — пропали без вести 2090 похищенных человек.

В сентябре того же 2004 г. в ходе визита Комиссара Совета Европы по правам человека в Россию Генпрокуратура РФ представила ему следующие цифры: **за последние три года в Чечне было заведено 1749 уголовных дел по фактам похищения граждан, в которых речь идет примерно о 2300 тысячах исчезнувших людей;** при этом только 50 уголовных дел данной категории были расследованы и направлены в суды.

Как видим, отсутствует единое официально признанное число исчезнувших, называются разные данные: 2090 — за последние пять лет, 2500 — за последние четыре года, 2300 — за последние три года... Между тем **более двух лет назад в списках исчезнувших, которые вела рабочая группа правительства Чеченской Республики, числилось свыше 2800 человек!**

Но значительно больший разброс существует в официальной информации о похищении людей в 2003-м и 2004-м.

Первый квартал 2004 г.: 109 человек (по данным МВД ЧР, Лента.ру, 17 сентября 2004 г.); **129 человек** (Арсентьев на вышеупомянутом координационном совещании).

За **первое полугодие 2004 г.** расхождения в цифрах ещё больше.

92 человека, сообщил — Алу Алханов, тогда ещё министр внутренних дел ЧР, 6 июля 2004 г. на пресс-конференции в Москве. — *Из этого числа 43 человека были возвращены... в последнее время динамика похищений людей в Чечне идет на спад*» (для сравнения Алханов привел цифру похищенных в Чечне людей **за первое полугодие 2003 г. — 363 человека**).

140 человек «всего с начала года, 16 июля 2004 г. сообщил корреспонденту ИТАР-ТАСС Ахмед Дакаев, заместитель министра внутренних дел ЧР, полковник милиции.

213 человек, из которых 17 женщин, — в первом полугодии 2004 г., по словам Рудника Дудаева, секретаря Совета безопасности ЧР, — корреспонденту «Интерфакса» в тот же день — 16 июля 2004 г.

71 человек, что более чем в 4 раза меньше, чем было похищено людей за аналогичный период 2003 г., корреспонденту ИТАР-ТАСС объявил 28 июля 2004 г. Владимир Кравченко, прокурор ЧР (из этих

слов следует, что **в первом полугодии 2003 г.** было похищено более 280 человек).

Цифру в 106 человек назвал в тот же день — 28 июля 2004 г. корреспонденту ИТАР-ТАСС Руслан Алханов, министр внутренних дел ЧР.

Около 200 человек, и, *«таким образом, количество похищений за первое полугодие снизилось в два-три раза по сравнению с первым полугодием прошлого года»*, сообщил 5 августа 2004 г. Зияд Сабсаби, представитель президента ЧР в Москве, (из этих слов следует, что в **первом полугодии 2003 г.** было похищено **не менее 400 человек**).

То есть **за первые шесть месяцев 2004 г. данные существенно разнятся: 92, 140, 213, 71, около 200 человек, за первые шесть месяцев 2003 г. — 363, более 280, не менее 400 человек.** Такой же разницей и в статистике **за три квартала 2004 г.: 121 случай похищения людей**, утверждал Алу Алханов уже в статусе президента ЧР в выступлении на Парламентской Ассамблее Совета Европы 7 октября 2004 г.; тогда же он сказал, **что в 2003 г.** произошло **537 похищений**.

184 похищения в 2004 г. тогда как в 2003-м — 362, согласно данным пресс-службы МВД Чечни, которая 22 октября воспроизвела показатели, приводившиеся на прошедшей коллегии министерства с участием президента ЧР Алу Алханова и министра внутренних дел Руслана Алханова.

О совсем другом соотношении количества похищений в 2003-м и 2004-м Алу Алханов объявляет журналистам спустя всего лишь три дня, 25 октября 2004 г., на пресс-конференции в Москве: по его словам, в Чечне **за последние 9 месяцев почти в 3 раза сократилось число похищений людей. 284 похищения** — это число назвал заместитель начальника управления уголовного розыска МВД ЧР по особо важным делам В.Е.Петров 29 октября 2004 г. в Грозном на прошедшем в помещении агентства «Грозинформ» «круглом столе», посвященном проблеме похищения людей и организованном председателем союза журналистов ЧР по инициативе президента ЧР Алу Алханова. При этом Петров утверждал, что наблюдается заметное снижение количества похищений по сравнению с прошлым, 2003 г. По словам прокурора ЧР В.Кравченко («Московский комсомолец», 28 октября 2004 г.), *«сейчас в розыске продолжают числиться 177 пропавших, причем 114 человек были похищены в этом году»*. Первое число уже совсем нелепо — даже согласно официальным данным в Чечне за последние годы исчезли тысячи людей.

Итак, за первые девять месяцев 2004 г. — **121, 184, 284, 114 похищенных**.

140 человек за десять месяцев 2004 г., сообщил ИТАР-ТАСС министр внутренних дел ЧР Руслан Алханов 3 ноября 2004 г. На совещании в Грозном он заявил, что в Чечне более чем в два раза снизилось количество похищений людей: *«С начала 2004 года в Чечне было похищено 140 человек, а за аналогичный период прошлого года — 382»*.

Говоря о числе похищенных за весь 2004 г., Алу Алханов в январе 2005 г. обнаруживает статистические данные, которые лишь в одном совпадают с его прежними сообщениями: *«В 2003-м — 362 похищения, в этом году — 175 фактов. При этом хочу отметить, что в этом [очевидно, имеется в виду: в 2004] году из 175 похищенных людей в результате принятых мер вернулось домой 47 человек»* (интервью Стране.Ru). Станным образом оказалось, что за два месяца, прошедшие со времени коллегии МВД ЧР, на котором присутствовал Алханов, количество похищений не увеличилось, а даже уменьшилось на десять случаев. Еще удивительнее, что Президент ЧР не вспоминает о цифрах, которые он озвучил в ПАСЕ, говоря о количестве похищений в 2003 г., да и уменьшилось количество похищений все же не в три, а в два раза.

Но даже это находится в разительном противоречии с данными, представленными министром внутренних дел ЧР Русланом Алхановым: *«В уходящем 2004 г. похищения людей в Чечне снизились на 40 процентов»* (27 декабря 2004 г., сайт «Чеченская Республика» со ссылкой на ИТАР-ТАСС).

205 похищенных человек за 2004 г. — начальник управления Генеральной прокуратуры РФ по ЮФО Анатолий Арсентьев сообщил на том же совещании 27 декабря.

168 похищенных за 2004 г. — это число было названо 21 января 2004 г. на заседании коллегии МВД Чечни (ИТАР-ТАСС, 21 января 2004 г.), что означает снижение более чем вдвое по сравнению с данными 2003 г., когда похищены были **440 человек**.

Что же в «сухом остатке»?

В общем, ничего. Очевидно, не стоит надеяться получить сколько-нибудь достоверную информацию из официальных сообщений и заявлений. Почти все они в 2004-м и начавшемся 2005 г. были, кажется, посвящены одной цели — доказать весьма значительное (в два и более раза!) снижение количества похищений людей благодаря

эффективной деятельности МВД Чечни и мудрому руководству президентов республики.

Правозащитный центр «Мемориал», казалось бы, тоже отмечает снижение числа зафиксированных случаев похищений и бесследных исчезновений — но не в несколько раз, а примерно на 20 и 40 процентов соответственно. При этом мы делаем важную оговорку: весьма вероятно, что это снижение числа зафиксированных похищений вызвано **возросшей латентностью** люди или пытаются «договориться» с похитителями в камуфляже, или же просто боятся обращаться в милицию, прокуратуру или же к правозащитникам (это подтверждает, в частности, история декабрьского похищения родственников Аслана Масхадова — об этом см. ниже).

Ещё более категоричен секретарь Совета экономической и общественной безопасности ЧР Рудник Дудаев. 16 января, говоря о похищениях и исчезновениях людей, он заявил, что *«в минувшем году в Чечне отмечен самый высокий всплеск этого вида преступления»*. По его словам, **в 2004 г. похищены около 500 человек — это в полтора раза больше, чем год назад**. *«И практически обо всех нет достоверных известий до сих пор»*, — подчеркнул Родник Дудаев. Как сообщил секретарь Совбеза, все увеличивающаяся динамика преступлений такого рода *«серьезно беспокоит руководителей республики»* (сообщение корреспондента ИТАР-ТАСС Евгения Собоцкого из Грозного).

Так или иначе, продолжавшийся весь прошлый год разнобой с числом похищенных и исчезнувших означал, что у власти по-прежнему нет ни воли, ни желания не то что решить важнейшую для сегодняшней Чечни проблему исчезновения людей, но даже признать наличие этой проблемы.

Обстоятельства большинства известных нам случаев похищения определенно указывают на причастность к ним силовых структур, контролируемых федеральной властью.

Как мы уже упоминали выше, лидерство в похищениях людей в 2003–2004 гг. окончательно перешло от «федералов» к чеченским промосковским силовым структурам. Наиболее известными такими структурами являются служба безопасности президента ЧР (сейчас это, прежде всего, специальные полки патрульно-постовой службы (ППС) МВД ЧР), оперативно-розыскное бюро Северо-Кавказского

оперативного управления Главного управления МВД РФ в Южном федеральном округе (ОРБ-2), батальоны спецназа МО РФ «Восток» (командир Сулим Ямадаев) и «Запад» (командир Саид-Магомед Какиев).

Утверждения правозащитников о причастности к похищениям федеральных или подконтрольных им структур периодически получают подтверждение из различных официальных и полуофициальных источников. Так, 27 декабря 2004 г. в Нальчике на координационном совещании руководителей правоохранительных органов ЮФО начальник управления Генеральной прокуратуры РФ по ЮФО Анатолий Арсентьев сообщил, что *в Чечне большинство похищений совершается при использовании бронетранспортеров (БТР): «в первом квартале 2004 г. было похищено 129 человек, в 94 случаях в похищениях использовались БТР»* (ИНТЕРФАКС-ЮГ, 27 декабря 2004 г.). Вывод, вроде бы, очевиден — ясно, кто похищает людей. Но далее представитель Генпрокуратуры неожиданно заявляет, что за большинством похищений стоят экстремистские вооруженные формирования или криминалитет. *«Экстремисты целенаправленно направляют средства на похищение людей, используют форму сотрудников правоохранительных органов, используют имеющиеся у них БТРы»*, — утверждал Арсентьев. Непонятно, что он имел в виду — то ли в распоряжении боевиков имеется бронетехника, то ли они берут ее в аренду (?) у правоохранительных органов. Очевидно, что используют бронетехнику в нынешней Чечне лишь сотрудники федеральных и профедеральных силовых структур, а как называть их — «криминалитетом» или «экстремистскими вооруженными формированиями», остается на совести представителей Генеральной прокуратуры.

Установить достоверно, к каким силовым структурам относятся похитители, как правило, не удается. Хотя, увозя похищенных, они проезжают через многочисленные блок-посты и посты милиции, у них, как правило, не проверяют документы. Возникающие подчас у постовых вопросы снимаются предъявлением спецалоннов, освобождающих транспортные средства от досмотра, а находящихся в них людей — от проверки документов.

Однако иногда принадлежность похитителей удается установить.

Так, в июне 2004 г. серия похищений и убийств была совершена в селе Серноводск, районном центре Сунженского района Чеченской

Республики. В одном случае похитителей удалось задержать и проверить их документы.

В ночь с **15 на 16 июня** в с. *Серноводск* неизвестные вооруженные люди похитили **Магомеда Алхазуровича Накаева** (1985 г.р.), прож. по ул. Подгорной, д. 2, **Румана Хамзатовича Параулидзе** (1987 г.р.), прож. по ул. Д.Бедного, д. 42, и **Аслана Хасанбековича Идигова** (1982 г.р.), прож. по ул. Крупской, д. 34, и застрелили **Айнди Вахаевича Мазаева** (1985 г.р.). Похитители приехали в село на автомашинах без государственных номеров, на их лицах были надеты маски. Захваченные люди бесследно исчезли.

Поздно вечером, около 23.45, Магомед Накаев, Руман Параулидзе и Айнди Мазаев стояли на улице на окраине *Серноводска*, прилегающей к бывшему курорту.

К ним подъехали машины — ВАЗ-2109 темно-зеленого цвета, с тонированными стеклами и с номерными знаками, и ВАЗ-2107 белого цвета, без номерных знаков. Выскочившие из машин вооруженные люди принялись избивать Накаева, Мазаева и Параулидзе, бросили затем Накаева и Параулидзе в машину и уехали. Мазаев же сумел бежать и тут же сообщил родственникам Накаева, что случилось. Дядя похищенного, **Аслан Накаев**, обратился к следователю следственного отдела РОВД **Исолту Шамаеву**, который живет неподалеку, но тот посоветовал подождать до утра, так, как у него нет связи с райотделом милиции (РОВД находится в трех километрах от санатория — в центре с. *Серноводск*).

После этого Айнди Мазаев вернулся домой. Время было позднее — около часа ночи, поэтому он никому ничего дома не рассказывал и сразу же лег спать. Через некоторое время к ним в дом, расположенный на самой северной окраине села, ворвались пять вооруженных людей в камуфляжной форме без масок. Они почтенчески сказали Айнди: «Ты что думал, если убежишь, то спасешься?», оттолкнули отца, вывели Айнди на улицу и повели в сторону центра села. Минут через 15-20 раздались выстрелы. Рано утром Ваха Мазаев примерно в 300-400 метрах от своего дома по ул. *Курортной*, 2, обнаружил труп сына.

В эту же ночь две автомашины УАЗ-469 с бортовыми надписями «Милиция» государственные номера А0221 и А0225 (или 6) остановились на улице Крупской у дома 34. Из машин вышли десять вооруженных людей в камуфляжной форме и потребовали открыть им

дверь. Затем, ругаясь по-русски и по-чеченски, вывели на улицу Аслана Идигова, посадили его в одну из машин и уехали.

В ночь с **29 на 30 июня** в *Серноводске* из своего дома по ул. Наги Асуева, 12, был насильственно увезен **Тамерлан Салсанов** (1977 г. р.). Всё было так же, как и двумя неделями ранее: вооружённые похитители приехали в село на двух легковых автомашинах без государственных номерных знаков, не представились, не предъявили никаких документов, не объясняли, почему, зачем и куда увозят Салсанова.

Однако благодаря оперативным действиям начальника Сунженского РОВД и главы администрации Сунженского района машины с похитителями и захваченным удалось задержать у поста ГИБДД (ГАИ), у поворота с федеральной трассы «Кавказ» на Грозный. Но здесь похитители предъявили удостоверения сотрудников Патрульно-постовой службы (ППС) МВД ЧР, сумели доказать, что действуют по распоряжению своего начальства. Они сообщили, что проводили в *Серноводске* спецоперацию по задержанию Тамерлана Салсанова, который подозревается в пособничестве боевикам и финансировании их деятельности. По словам похитителей, об этой операции не проинформировали РОВД Сунженского района, поскольку боялись утечки информации. Начальник Сунженского РОВД созвонился с поста ГАИ с милицейским начальством похитителей, и там подтвердили, что те действовали по распоряжению начальства. После чего автомобили похитителей с похищенным Т.Салсановым уехали. По другим данным, кроме удостоверений сотрудников ППС МВД ЧР, похитители также предъявляли документы сотрудников Оперативно-розыскного бюро (ОРБ) № 2.

На следующий день Тамерлан Салсанов был освобожден и вернулся домой.

Объяснения, данные похитителями на посту, не оправдывают их действий. Они не сообщили сотрудникам Сунженского РОВД о целях проводимой ими «спецоперации» даже после того, как уже задержали Салсанова. Кроме того, если они осуществляли операцию по задержанию подозреваемого в совершении преступления, то были обязаны показать свои документы родственникам задержанного, объяснить им, куда и на каком основании увозят Салсанова.

Начальник уголовного розыска Сунженского РОВД направил документацию по данному делу в прокуратуру *Ачхой-Мартановского района* (в Сунженском районе нет своей прокуратуры) для принятия решения о возбуждении уголовного дела, но прокуратура отка-

залась возбуждать в отношении похитителей уголовное дело. На запрос Уполномоченного по правам человека в РФ В.П. Лукина прокуратура Чеченской Республики ответила, что в возбуждении уголовного дела отказано, поскольку Солсанов доставлен органами милиции в Грозный, допрошен, и после установления его непричастности к совершению преступления освобожден.

Жители Серноводска убеждены, что все предыдущие похищения и убийство в селе были совершены сотрудниками той же службы.

В некоторых случаях о причастности силовых структур к похищениям и исчезновениям людей свидетельствуют рассказы тех, кто был захвачен вместе с исчезнувшими, но затем освобождён.

Так, **29 октября 2004 г.** сотрудники неустановленной силовой структуры увезли в неизвестном направлении **Увейса Хамидовича Гулаева** (1982 г.р.) из его собственного дома в станице Петропавловской Грозненского (сельского) района. Похитители прибыли за ним на двух автомашинах марки «УАЗ» и уехали в сторону Грозного.

Вместе с Увейсом Гулаевым из Петропавловской увезли еще одного человека, просившего не называть его имя. Этот второй похищенный на следующий день был освобожден удерживавшими его людьми возле одного из блокпостов в Грозном. Похищенный был сильно избит. По его словам, он не знает, где находился, поскольку глаза его почти все время были завязаны. Повязку с его глаз убрали только на несколько секунд в каком-то кабинете, где перед ним стояли еще трое людей, по виду явно доставленных туда насильно. Этим троим предложили его опознать, но те утверждали, что никогда его не видели.

В этот же день, 29 октября, был похищен еще один житель Петропавловской, Бислан Кюриевич Магомадов (1978 г.р.). Вооруженные люди пришли за ним, когда он находился в гостях в соседнем селе Старая Сунжа.

Жители Петропавловской, возмущенные действиями «силовиков», перекрыли проходящую через село трассу и потребовали от властей принять срочные меры к розыску похищенных. С ними встречался начальник РОВД, который обещал найти похищенных. На следующее утро, то есть 30 октября, жители села снова перекрыли трассу. В полдень к толпе подъехал человек в камуфляже и сообщил, что одного из похищенных скоро доставят в село.

В тот же день был привезен в село и отпущен Бислан Магомадов. Почти сутки, согласно его рассказу, он содержался в подразделении, которое подчиняется Рамзану Кадырову и базируется в с. Автуры Шалинского района. Там Магомадова избивали и пытали, после возвращения домой он продолжал кашлять кровью.

Судьба же Увейса Гулаева не известна.

Очевидно, что все трое были похищены «силовиками», но одного те освободили сами, второго — после протестов и перекрытия дорог, а третий исчез.

Исчезновения похищенных в Чечне людей стали в последние годы повседневностью, и средства массовой информации обычно не уделяют им внимания. Молчание нарушается только в исключительных случаях — последним из них стало похищение и исчезновение в декабре 2004 г. восьмерых родственников Аслана Масхадова.

Вообще-то, в России раньше уже звучали призывы законодательно зафиксировать использование заложничества. Широкую известность получили скандальные предложения генпрокурора России Виктора Устинова, предлагавшего проводить «контрзахват заложников» — «Мемориал» предупреждал о возможных последствиях.

Хотя эта «инициатива» не приобрела официальных очертаний, подобные методы широко использовались в Чечне. В начале сентября, в дни Бесланской трагедии, несколько десятков родственников Масхадова и Басаева были свезены на Ханкалу, но это не помогло спасти бесланских заложников. Позднее официальные представители спецслужб пытались представить случившееся как якобы попытку защитить людей от Басаева и Масхадова, которые-де замыслили убийство своих родных.

Мы предупреждали о том, что выступления, подобные устиновскому, и такая безнаказанная практика неизбежно приведут к захвату заложников, не прикрытому и не замаскированному никакими приставками «контр» — это не раз имело место на протяжении прошлого года. Весной 2004 г. именно таким образом, незаконно задержав, а фактически взяв в заложники около сорока родственников, принудили сдать полевого командира, по сути масхадовского «министра обороны» Магомед Хамбиева; но «контрзахватом» это не назовешь. У нас не вызывает ни малейших симпатий этот известный боевик, виновный, по нашим сведениям, в совершении уголовных

преступлений против мирных граждан, но государство не имеет права бороться с бандитами бандитскими методами. В ведущейся на сайте общества «Мемориал» «Хронике насилия» имеются сообщения о взятии в заложники родственников других, менее известных боевиков.

Ниже кратко изложены обстоятельства того, как в течение прошлого декабря сотрудниками чеченских силовых структур, подконтрольных федеральному центру, были незаконно задержаны, а по сути захвачены в заложники несколько родственников Аслана Масхадова.

1) **3 декабря 2004 г.**, около 21.00, сотрудниками местных силовых структур, подконтрольных **Рамзану Кадырову** (т.н. «кадыровцы»), была увезена из собственного дома, расположенного в *Грозном (Старопромисловский район, пос. Красная Турбина, ул. Турбинная, 62)*, **Бучу Алиевна Абдулкадырова**, 1937 г. р., сестра Аслана Масхадова.

Во время задержания в доме она находилась одна. Соседи видели, как женщину вывели и посадили в одну из машин, стоящих возле дома. Затем колонна (около девяти единиц), состоящая из автомашин УАЗ и «Жигули», уехала с места происшествия. На выезде из поселка колонна была остановлена на блок-посту сотрудниками батальона «Запад» спецназа ГРУ Генштаба МО РФ под командованием **Саид-Магомеда Какиева**. Спецназовцы дислоцировались на территории завода «Трансмаш», рядом с местом похищения. По свидетельству очевидцев, между сотрудниками разных силовых структур произошла перепалка, которая переросла в рукопашную схватку.

ГРУшники заявляли «кадыровцам», что не позволят увозить людей с подконтрольной им территории. Последние кричали, что их прислал Рамзан Кадыров, и забирают они не кого-нибудь, а сестру Масхадова. Позже эту информацию дочери увезенной Бучу Абдулкадыровой **Пятимат** подтвердил заместитель командира батальона «Запад». Он также сообщил ей, что, связавшись по телефону с Рамзаном Кадыровым и убедившись в том, что спецоперация проводится по его приказу, они вынуждены были пропустить колонну. Однако, по словам замкомандира батальона «Запад», при проверке автомашин его подчиненные женщину не обнаружили. Одновременно он высказал мнение, что ее могли увезти по другой дороге.

2) В тот же вечер, **3 декабря, примерно в 20.15** «кадыровцами» был похищен брат Аслана Масхадова, **Леча Алиевич Масхадов**, 1936 г. р., проживающий по адресу: *г. Грозный, Старопромисловский район,*

пос. Подгорный, ул. Мостовая. Похитители приехали на автомашинах (до 12 единиц) УАЗ и «Жигули». По словам **Касади Масхадов**ой, жены Лечи, ворвавшиеся «силовики» без каких-либо объяснений потребовали от них выдать сына **Солмана**. Ответ хозяев, что парня нет дома, их не устроил. «Кадыровцы», надеясь обнаружить его, обыскали все помещения и двор. Не найдя его, некоторые из «силовики» угрожали поджечь дом, если им не сообщат, где скрывается Солман. После вмешательства женщин-соседей «кадыровцы» уехали, забрав с собой Лечу Масхадова.

3) Тогда же, **вечером 3 декабря**, был похищен Адам **Абдул-Каримович Рашиев**, 1950 г. р., инвалид, дальний родственник Масхадовых. Его также задержали в собственном доме, расположенном по адресу: г. Грозный, Старопромысловский район, пос. Подгорный, ул. Совхозная, д. 26.

По словам родственников похищенного, его задержали произвели «кадыровцы», приехавшие на 11 автомашинах марки УАЗ и «Нива». На просьбу членов семьи сказать, куда увозят Адама, «кадыровцы» отвечали, что доставят его в ОВД *Октябрьского района*. Однако после выяснилось: родственникам солгали. Во время похищения «кадыровцы» вели себя очень грубо.

4) Примерно в **20.00 того же 3 декабря**, «кадыровцы» похитили брата Аслана Масхадова **Лему Алиевича Масхадова**, 55 лет. Он был увезен из своего дома, расположенного по адресу: ст. Первомайская, ул. Советская, 125. Перед этим в его доме был проведен несанкционированный обыск. Леме не позволили даже одеться. Его жена, **Лиза**, при попытке воспрепятствовать похищению мужа, была ударом сбита с ног.

5) Тогда же «кадыровцами» из своего дома по адресу: *Грозненский (сельский) район, ст. Первомайская, ул. Советская, 87*, был похищен **Ихван Вахаевич Магомедов**, 35 лет, племянник Аслана Масхадова (сын одной из его сестер).

Уводившие его не скрывали ни свою принадлежность к местным силовым структурам, ни того, что действуют по приказу Рамзана Кадырова. Ихван попросил их не трогать его сестру и жену. Командир «кадыровцев» сам принял решение оставить их, что не понравилось некоторым из его коллег-похитителей.

6-8) **28 декабря 2004 г.** были похищены племянница и два зятя А. Масхадова.

Во втором часу ночи из дома матери насильственно увезли замужнюю дочь Бучу Абдулкадыровой, **Хадижат Вахаевну Сатуеву**, 1964 г. р.

«Кадыровцы» перелезли через забор, схватили женщину, вывели босиком на улицу и увезли на автомашинах «Жигули» 10-й модели и «Нива». Во время похищения требовали сказать, где живет ее муж.

Как выяснилось позже, зять Масхадова, **Усман Рамзанович Сатуев**, 47 лет, в эту же ночь был увезен из своей квартиры, расположенной по адресу: *г. Грозный, Старопромысловский район, пос. «Новая»*.

И другой зять Масхадова Мовлид Агуев, 35 лет, проживающий по адресу: *г. Грозный, Старопромысловский район, пос. «Автотрест»*, также был увезен вооруженными людьми. Позже стало известно, что его доставили в ИВС Ножай-Юртовского РОВД, где содержат в связи с готовящемся предъявлении ему обвинения по ст. 208 Уголовного кодекса РФ («организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем»). Местонахождение семерых похищенных родственников А. Масхадова на момент выхода настоящего доклада по официальным каналам установить не удалось. Однако, по утверждению их родственников, по неофициальным каналам удалось узнать, что похищенные содержатся в неофициальной, а следовательно, незаконном месте содержания в *с. Центорой (Хоси-Юрт) Гудермесского района*.

Попытка двух женщин из семей похищенных встретиться с муллой с. Центорой, который доводится дядей **Рамзану Кадырову**, не увенчалась успехом. Вооруженная охрана, узнав, зачем они хотят обратиться к мулле, прогнала их.

После того как 12 января 2005 г. Правозащитный центр «Мемориал» распространил информацию относительно обстоятельств похищения в течение декабря 2004 г. в Чеченской Республике представителями правоохранительных органов восьмерых родственников Аслана Масхадова, последовала реакция официальных структур.

Некоторые должностные лица Чеченской Республики заявили, что *«эти сообщения не соответствуют действительности»*, что *«проведена тщательная проверка и установлено, что ни в МВД, ни в какие другие структуры никто из родственников перечисленных лиц с заявлениями об их исчезновении не обращался»*, что *«ни одна из пра-*

воохранительных структур ЧР не имеет никакого отношения» к похищению этих людей. Должностные лица ЧР утверждают также, что «правоохранительные органы Чеченской Республики никогда не пользовались методами похищения людей», очевидно, намекая на причастность к случившемуся боевиков. Действительно, бандиты в Чечне похищали и продолжают похищать людей. Но российских правозащитников особенно беспокоят незаконные действия тех, кто выступает от имени государства, то есть сотрудников федеральных и местных силовых структур.

Возвращаясь к вопросу о похищении родственников Аслана Масхадова, мы считаем важным обратить внимание на слова Секретаря Совета безопасности ЧР Рудника Дудаева, сказанные им 11 января в интервью корреспонденту информационного канала «Чеченская Республика» (www.kavkaz.strana.ru) «Похищение людей, даже родственников террористов, считаю недопустимым»:

«Информацию о том, что у нас в республике пропали родственники Аслана Масхадова, мы имеем. <...> Правда, это исчезновение, по имеющимся у нас сведениям, произошло более месяца назад <...> Я пока не обладаю четкой информацией по пропавшим родственникам Масхадова, наши возможности ограничены, надо это учитывать. Но возвращаясь к данному случаю, хочу сказать, что серьезно повлиять на обстановку данное похищение не смогло. Смотрите сами: родственники Масхадова пропали более месяца назад, но ни Масхадов, ни его ближайшие сподвижники не сложили оружие, не пришли с повинной. Так что если кто-то считает, что таким способом можно повлиять на обстановку, то он заблуждается».

Комментарии вроде бы излишни.

Однако представитель Регионального оперативного штаба генерал-майор ФСБ Илья Шабалкин, в свою очередь, заявил 15 января, что не располагает сведениями о похищении и исчезновении родственников Аслана Масхадова: «По моим сведениям, все родственники живут в своих домах, об их похищении мне ничего не известно». Спецслужбы-де не интересовались ими со времен «взятия под охрану» в сентябре. Это противоречит заявлениям другого «силовика», Рамзана Кадырова, который, отрицая причастность своих подчинённых к похищению, тем не менее утверждал, что исчезнувшие были связными у своего родственника. То есть либо ФСБ проявляла халатность, либо кто-то говорит неправду.

Тем временем журналисты начали расследование. Например, Ирина Куксенкова (см.: «Где родственники Масхадова?» // Московский комсомолец. — 2005. — 25 января) побывала в семьях Бучу Абдулкадыровой, Ихвана Магомадова, Адама Рашиева и Лечи Масхадова, встретила с бойцами батальона «Запад», и информация «Мемориала» полностью подтвердилась. Более того, выяснилось, что родственники похищенных обращались в органы МВД, но там отказывались принимать и даже рвали их заявления, объясняя, что не желают конфликтовать с Рамзаном Кадыровым (это, кстати, ещё один аргумент в пользу того, чтобы объяснить снижение числа зафиксированных похищений и исчезновений возросшей латентностью — заявления не принимают и, соответственно, нигде не фиксируют).

1 февраля 2005 г. было распространено сообщение, что по факту похищения и исчезновения родственников Масхадова органами прокуратуры были возбуждены уголовные дела, а органами внутренних дел заведены дела розыскные.

Тем временем официальные лица продолжают отрицать причастность российских и подконтрольных им силовых структур к похищению и исчезновению этих восьми человек.

Так, уже 2 февраля прокурор ЧР Владимир Кравченко заявил РИА «Новости» по телефону, что исключает возможность причастности федеральных сил к похищению родственников Масхадова: *«Причастность военнослужащих, согласно официальным ответам, мы можем исключить на сегодняшний день. Причастность федеральных сил не просматривается, потому что есть официальные, не опровергнутые нами доводы»*. Сославшись на материалы проверки, прокурор добавил, что федеральные силы в течение декабря не проводили никаких спецопераций в районе предполагаемого похищения родственников Масхадова. *«Мы считаем, что данное преступление могло быть совершено неустановленными лицами, либо с целью провокации (дискредитация федеральных сил), либо с целью выкупа»*, — отметил Кравченко.

Если это окончательный ответ прокуратуры, то он типичен для расследования дел о похищении людей: *«невозможно установить лиц, подлежащих привлечению к ответственности в качестве обвиняемых»*. Поражает только быстрота реакции: на следующий день после начала следственных действий прокуратуре уже всё ясно!

Ещё раз скажем: приведенная здесь история похищения и исчезновения людей, скорее, типична. Просто к ней оказалось приковано общественное внимание.

Похищения и исчезновения людей продолжаются и в новом, 2005 г.

В ночь на 2 января 2005 г. из дома был увезен **Газиев Заурбек Масхудинович**, 1981 г.р., отец двоих малолетних детей. Около 3 часов ночи в дом Газиевых по адресу: Грозненский (сельский) р-н, с. Пролетарское, ул. Строителей, д. 2, кв. 8, ворвались 20–25 человек вооруженных человек в камуфляжной форме, приехавших на восьми или девяти легковых автомобилях. Между собой они переговаривались на чеченском языке, старшего группы называли Мухтаром.

Проникнув в комнату, где находился Заурбек Газиев, «военные» без предупреждения открыли стрельбу и ранили его в плечо. Жена Газиева пыталась подойти к мужу, чтобы перевязать рану, но ее грубо схватили за волосы и отшвырнули к стенке. Вооруженные люди в течение трех часов допрашивали истекающего кровью человека. Параллельно проводили в квартире, в огороде и подсобных помещениях обыск: искали оружие. Все это происходило на глазах перепуганных малолетних детей и их матери. К дому никого из соседей и родственников не подпускали.

К 6.00 утра, закончив обыск, вооруженные люди уехали, забрав с собой Заурбека Газиева. Оружие так и не было найдено. Из дома пропали золотые украшения, одежда, телефон, мелкие вещи. Около 9.00 родственники Газиевых приехали в 9-ю городскую больницу Грозного — узнать, не доставлялся ли к ним Заурбек. В приемной жена Газиева получила отрицательный ответ, однако в хирургическом отделении больницы на 4-м этаже узнала двоих охранников, которые стояли у входа в палату № 6 — они были среди тех, кто проводил у них в доме обыск. Потом выяснилось, что Газиев зарегистрирован как «неизвестный», а врачи предупреждены о том, чтобы к нему никого не допускали.

Когда вооруженные люди поняли, что родственникам известно о местонахождении Газиева они, накрыв его простынями, на носилках спустили на первый этаж. Поджидавшие внизу родственники сдернули одеяло и узнали Заурбека, который был еще в сознании. Родные пытались отбить молодого человека, но «военные», вызвав под-

крепление, вырвали у них носилки, поместили в машину и увезли в неизвестном направлении.

Позднее Газиевы установили, что Заурбек под охраной находится в Ножай-Юртовской районной больнице. Наняв адвоката, они поехали туда, но доступа к нему не получили. Родственники обратились в правоохранительные органы, однако уголовное дело возбуждено не было.

Даже при том, что похищения людей стали в Чечне чем-то обыденным, этот случай поражает своей жестокостью.

Таким образом, есть все основания утверждать: ситуация с похищениями и исчезновениями людей в Чечне в 2004 г. отнюдь не улучшилась, а, напротив, ухудшилась. Некоторое улучшение статистики на поверку объясняется тем, что люди боятся заявлять о похищениях в органы МВД и прокуратуры. Статистика официальная просто-напросто отсутствует — одновременно бытуют самые разные цифры, не связанные между собою и, очевидно, с реальностью. Разнобой в данных — лишь симптом безнаказанности, когда случаи похищений не только не расследуются, но и не фиксируются. Результатом этой атмосферы организованной безнаказанности стал захват людей силовыми структурами в заложники, и, как продолжение кошмарного абсурда, — предложения узаконить подобную практику.

ЧЕЧНЯ: КТО ЖЕ ПОХИЩАЕТ ЛЮДЕЙ?

<http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2005/01/m30199.htm>
14.01.2005

В связи с этим мы обращаем внимание, что Правозащитный центр «Мемориал» располагает фактами, указывающими на причастность к похищениям людей именно сотрудников правоохранительных органов ЧР (в качестве одного из примеров см. <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2004/07/m21834.htm>).

Уже в течение года мы фиксируем, что в борьбе с боевиками используется практика взятия в заложники их родственников. В частности, в марте 2004 г. Правозащитный центр «Мемориал» распространил сообщение о том, что «добровольная сдача» полевого

командира Магомеда Хамбиева была вызвана взятием в заложники около сорока его родственников, включая женщин (см. сообщение на сайте «Мемориала» <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2004/03/m13451.htm>). У нас не вызывает ни малейших симпатий этот известный боевик, виновный, по нашим сведениям, в совершении уголовных преступлений против мирных граждан. Однако, по нашему мнению, государство не имеет права бороться с бандитами бандитскими методами.

В ведущейся на сайте общества «Мемориал» «Хронике насилия» имеются сообщения о захвате в заложники родственников других, менее известных боевиков.

Возвращаясь к вопросу о похищении родственников Аслана Масхадова, мы считаем важным повторить на слова Секретаря Совета Безопасности ЧР Рудника Дудаева, сказанные им 11 января в интервью корреспонденту информационного канала «Чеченская Республика» (www.kavkaz.strana.ru) «Похищение людей, даже родственников террористов, считаю недопустимым».

Комментарии излишни. ■

Правозащитный центр «Мемориал»

(Россия)

Назраньский офис

У СОСЕДА ХАТА БЕЛАЯ?

<http://helsinki.org.ua/ru/index.php?id=1117821591>

Это интервью с человеком, который находится на передовой правозащитного фронта в России, руководителем Назраньского офиса (Ингушетия) Правозащитного центра «Мемориал» Шахманом Акбулатовым о ситуации в Чечне. Поскольку правда оказалась в самый раз тем самым «наибольшим дефицитом» в постсоветских независимых государствах...

Интервью состоялось при содействии УА «Международная Амнистия».

Беседовал: Олег Спорников

Кор.: Господин Акбулатов, мы здесь, в Украине, все равно не знаем всей правды про Чечню. Что происходит в Чеченской республике? Дайте Вашу оценку.

Ш.А.: Положение в Чеченской Республике, в отличие от заявлений официальных властей России о том, что там все якобы стабилизируется, — остается сложным. Где-то в середине 2003 года прави-

тельством России было провозглашено об урегулировании чеченского кризиса. Были проведены следующие мероприятия: референдум (если его можно назвать референдумом) и выборы Кадырова, а затем Алханова — президентами Чечни. Мы, конечно, наблюдали за всем этим, и не только мы, но и представители других общественных организаций. Заявляю ответственно: народ наш на эти выборы и последующий референдум не пошел. А если и пошел, то, по нашим данным, процентов 15 составляла настоящая явка, а совсем не 80, из которых 70 процентов проголосовали «за». Проведение выборов и референдума в условиях продолжающейся войны противоречит всем нормам международного права! Голосовавшими были в основном чиновники, сотрудники правоохранительных органов, врачи, учителя — словом те, кто зависит от бюджетных подачек из центра. Пошли дедушки и бабушки, которым за неделю до события объяснили: «если вы не пойдете, то можете вовремя не получить пенсию». А в целом народ проигнорировал эти «выборы». И не только из-за войны, а ещё и потому, что в стране продолжают вносить внесудебные казни, похищения людей, пытки... Неприход людей был молчаливым протестом, бойкотом, несмотря на сообщения официальных властей и СМИ, что все состоялось, свершилось, что чеченцы — приверженцы демократии, которые хотят жить в составе России и поддерживают новую конституцию.

Кор.: Значит, война продолжается? Тогда каковым сейчас является её характер?

Ш.А.: Война переживает какие-то новые формы, какое-то переживание ... Она уже как данность, как форма существования людей. Вот первый период войны, который длился с начала боевых действий, с 1999 года до 2000 года. Там ведь использовались в большом масштабе войска, авиация, артиллерия. Когда же боевики были вытеснены с равнин в горы, в Чечне вроде бы должна была наступить мирная жизнь. Но вместо этого началась сплошная полоса «зачисток». «Зачистки» — это страшное слово, в Чечне оно известно практически каждому ребенку. Это происходит так: окружается определённый населенный пункт, от двух–трех часов, до двух–трех дней и даже недель блокируются все выходы из него. Люди подвергается всем видам унижений и оскорблений. Солдаты грабят, мародерствуют, насилуют, забирают мужчин (в основном среднего возраста). Пытают, выбивая какие-то показания. Очень много пострадало людей из-

за отсутствия документов в зоне зачисток. А ведь очень многие потеряли документы или они сгорели во время бомбежек. И тем не менее на каждом углу требуют паспорт. Шесть лет идет война. Многие родители просто не смогли сделать детям документы, особенно лицам мужского пола. Вот за это и могут расстрелять при «зачистке». Вообще отсутствие паспорта в условиях Чечни — смерти подобно. Существует даже проклятие такое, полужуточное: «Чтоб ты остался без паспорта».

Но вернуть к войне. Считается, что в Чечне все боевые действия прекращены — военная фаза завершена, избрана «легитимная» власть, работают органы правосудия и прокуратура. Но все это только картинка в телевизоре. Помимо зачисток, ежедневно продолжают военные стычки, в которых вооруженные силы захватывают целые населённые пункты. В последнее время, слава Богу, реже, но до сих пор летают самолеты, вертолеты, бомбят горные лесные массивы. Гибнет много случайных людей, и никакое следствие, естественно, по этим фактам не проводится. Боевики в ответ, конечно же, совершают диверсии против военных, подрывают машины и базы. И опять же гибнут ни в чём не повинные люди.

Кор.: Какой же выход из этой ситуации предлагают правозащитники?

Ш.А.: Чеченское общество разделено: есть сторонники пророссийской ориентации, есть сторонники независимости. Половина населения, это мое мнение, просто пассивны, они хотят жить, растить детей, хотят стабильности. У тех, первых, — сила, финансирование. У других — свои источники, и их сопротивление ещё далеко не подавлено. Эти люди противостоят мощной армии целых шесть лет. Как Вы думаете, это по силам «кучке бандитов и террористов»? Так вот. Эти две совершенно равные по численности и мощи группировки заняты сейчас «перетягиванием на себя» той третьей группы, пассивной, которой просто надоела война. Но в итоге это только затягивает войну.

Кор.: Так что же получается — выхода нет?

Ш.А.: Урегулировать ситуацию — дело политиков. А мы правозащитники, и понимаем, что живем в реальном мире. Идёт война, хотя некоторые, называют ее контртеррористической операцией. Так вот мы так не считаем. Наша задача — защищать права людей, даже

во время войны! И за это получаем от российских властей, как говорится, «по полной программе». При этом в СМИ, как и в старые времена, часто и много пишут о том, какой хороший урожай собрали, как строятся и восстанавливаются дома, как дети идут в школу. Опозиционной или, правильнее сказать, «независимой» прессы практически не существует. Единственное издание — газету «Чеченское общество» несколько раз власти закрывали. А из российской прессы разве только «Новая газета» объективно освещает события, происходящие в Чечне. О телевидении говорить вообще не приходится. Вы знаете, что после «киселёвского» НТВ независимого телевидения просто нет...

Кор.: И всё-таки, возвращаясь к правозащите в Чечне...

Ш.А.: Я как раз об этом! Главное нарушение прав человека в Чечне — это и есть сама война, а также информационная кампания, лживая и необъективная, которая сопровождает! Когда начались боевые действия (вторая война), то из-за множества вопиющих нарушений прав человека было решено открыть офис нашей правозащитной организации в Назрани, так как в Чечне на то время это было небезопасно. В начале войны сотни тысяч жителей Чечни выехали в Ингушетию и их права массово нарушались. В настоящее время, правда, у нас действуют офисы в Грозном, в Урус-Мартане, Гудермесе и Серноводске. Там наши юристы оказывают бесплатную юридическую помощь всем нуждающимся. А проблем очень много. В правовом отношении люди очень безграмотны, поэтому очень много работы у юристов-практиков, которые помогают написать заявление, сделать запрос в официальные органы. Одновременно занимаемся мониторингом ситуации в Чечне. Первое время мы рассчитывали на понимание властей, сотрудничали с бюро Владимира Каламанова (был такой уполномоченный по правам человека в РФ, который работал по Чечне). Мы с самого начала заявили о своей готовности сотрудничать с властью, потому что, когда люди обращаются к нам, мы должны апеллировать именно к действующей власти — к органам суда, прокуратуры, МВД... И в некоторых вопросах, мы находили понимание, и некоторые вопросы удавалось решать в координации с органами власти. Но во многих случаях мы не находили поддержки и даже вызывали раздражение у чиновников. Дескать, какие права человека могут быть у террористов?

Кор.: Чем угрожает Вам такое «раздражение»?

Ш.А.: В работе на территории Чечни и Ингушетии, естественно, определенный риск есть, но мы работаем открыто. И в этом наша сила. Бывали случаи, когда наших сотрудников притесняли, была даже реальная угроза для их жизни. Мы забирали их в Назрань, где более безопасно, и выжидали какое-то время, пока не выясняли мотивы и претензий к ним? Прятали, пока наши московские сотрудники направляли запросы в генпрокуратуру. Был случай, когда военные взломали дверь Грозненского офиса и произвели там несанкционированный обыск. Такие факты мы сразу предавали огласке. Работать правозащитником в Чечне не легко и не просто, даже рискованно. Только в этом году было несколько случаев преследования журналистов и правозащитников. 12 января 2006 года, например, в офисе информационного центра «Совет неправительственных организаций Чеченской республики» сотрудники ФСБ устроили погром, изъяли оргтехнику, объясняя свои действия тем, что они получили информацию о нахождении здесь бандитов. Это было в Ингушетии. А 20 января этого же года в Чечне сотрудниками так называемой службы безопасности вице-премьера Рамзана Кадырова (а попросту его собственной «частной» бандой) был похищен известный правозащитник Махмуд Магамадов. Две недели его удерживали в неизвестном месте, пытали, требуя признания в том, что он является эмиссаром Масхадова (тогда еще живого). Но после того как этот факт стал известен широкой общественности, его отпустили. В начале года был инициирован судебный процесс против организации «Чеченский комитет национального спасения», которую возглавляет известный в бывшем спортсмен, борец вольного стиля Руслан Бодалов. Минюст Ингушетии после поступления к ним соответствующего письма из ФСБ посчитал, что пресс-релизы этой организации имеют провокационный, экстремистский характер. Хотя на самом деле в них содержались факты нарушения прав человека в Чечне — убийства, похищения, внесудебные казни, пытки и т.д. А ведь если бы Россия была правовым государством, то эту проблему можно было бы решить и в судебном порядке — подать нас в суд — мы ведь готовы судиться.

Кор.: Шахман, как Вы оцениваете работу украинских правозащитников?

Ш.А.: «Мемориал» — это наши московские коллеги. Это известная в мире организация, которая занимается историко-просветитель-

ской деятельностью. Создание «Мемориала» предполагало расследование фактов сталинских репрессий. Мы же, в Чечне, занимаемся узкой проблемой самой Чечни, а так как конфликт все больше разрастается и уже пересек ее границы, расплзается по северному Кавказу (есть отдельные очаги, вспышки насилия в Ингушетии, Северной Осетии, Дагестане, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии), то нам приходится заниматься и этими проблемами. Но всё таки мы следим за вашими успехами. И я хочу сказать, что когда начались события, связанные с выборами в Украине, наша организация сделала заявление-обращение, протестуя против выборов в условиях, когда власть пытается сфальсифицировать их итоги. «Мемориал» призвал проводить выборы с максимальным привлечением и участием международных наблюдателей. Мы болели за тех людей, которые стояли на Майдане, которые показали, что они народ, а не толпа, которой можно манипулировать. Спасибо украинцам, вы подали пример всем, кто продолжает жить при власти диктаторской, полудиктаторской, недемократической... И стремиться к свободе!

Кор.: Вы можете назвать лучший и худший день Вашей жизни?

Ш.А.: Худшим в моей жизни был день, когда против моей республики был развязан государственный террор. В ответ со стороны боевиков — последовал тоже террор. А лучший... Я думаю он ещё не настал... ■

Европейский суд по правам человека

РЕШЕНИЯ ПО ЖАЛОБАМ ОТ ЖИТЕЛЕЙ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

<http://www.memo.ru/hr/news/ecdec.htm>

24 февраля 2005 г. Европейский суд по правам человека вынес решения по первым шести жалобам российских граждан, жителей Чеченской Республики, касающимся событий вооруженного конфликта на Северном Кавказе. Ниже кратко излагаются обстоятельства шести жалоб. Они объединены в три дела и рассматривались одновременно.

Интересы заявителей представляют юристы Правозащитного центра «Мемориал» и адвокаты Европейского центра защиты прав человека (EHRAC). Эта работа проводится в рамках совместного проекта помощи гражданам России, направляющим жалобы в Европейский суд по правам человека. Проект совместно реализуют Правозащитный центр «Мемориал» и Европейский центр защиты прав человека (Лондон).

Проект финансируется Европейской комиссией. Точки зрения, выраженные здесь, отражают взгляд ПЦ «Мемориал» и EHRAC и могут не отражать официальную позицию Европейской комиссии.

Европейский центр защиты прав человека (EHRAC) был образован в 2003 г. при Лондонском университете Метрополитан

(London metropolitan university) для содействия частным лицам, адвокатам и НГО в РФ в использовании региональных и международных механизмов защиты прав человека. ЕНРАС работает совместно с ПЦ «Мемориал», другими российскими НГО и адвокатами, а также с Комитетом прав человека при адвокатуре Англии и Уэльса.

В первом деле объединены жалобы **Магомеда Ахметовича Хашиева** (№ 57942/00) и **Розы Арибовны Акаевой** (№ 57945/00). Родственники заявителей стали жертвами несудебных казней и пыток со стороны российских военнослужащих во время «зачисток» Старопромысловского района г. Грозного в январе 2000 г. Тела брата и сестры первого из заявителей, двух его племянников, а также брата второго заявителя были обнаружены со следами огнестрельных ранений. Несмотря на то что суды Ингушетии установили факты смерти родственников заявителей в феврале 2000 г., уголовное дело не возбуждалось до мая 2000 г. Затем расследование неоднократно приостанавливалось, возобновлялось и приостанавливалось вновь.

Второе дело включает в себя жалобы **Медки Чучуевны Исаевой** (№ 57947/00), **Зины Абдулаевны Юсуповой** (№ 57948/00) и **Либкан Базоевой** (№ 57949/00). Эти жалобы касаются удара с воздуха по колонне беженцев, пытавшихся покинуть Чеченскую Республику. Трагическое событие произошло 29 октября 1999 г.

За месяц до этого, 29 сентября, в министерства и управления внутренних дел ряда краев и республик, входящих в состав Российской Федерации, поступили телефонограммы от командования Объединенной группировкой федеральных сил с приказом закрыть административные границы для выхода людей из Чеченской Республики. Выполнять это указание отказался лишь Президент Республики Ингушетия Руслан Аушев. В результате в Ингушетию устремился поток людей, бегущих от военных действий в Чечне. Но 22 октября 1999 г. федеральные силы полностью перекрыли административную границу между Ингушетией и Чечней, запретив пересекать ее гражданским лицам.

26 октября 1999 г. российские государственные средства массовой информации распространили сообщение о том, что с 29 октября для выезда в Ингушетию из Чечни будет открыт «гуманитарный коридор» (следует говорить не о «коридоре», а скорее о «форточке» на

границе, безопасных путей к которой не было), проходящий через контрольно-пропускной пост «Кавказ-1». Этот пост был оборудован на трассе Ростов—Баку у административной границы Чечни и Ингушетии.

Тысячи людей решили воспользоваться этой возможностью. 29 октября сотни машин скопились на трассе у границы с Ингушетией. Но в тот день проезд в Ингушетию так и не был разрешен (выход людей и проезд машин из Чечни возобновились лишь 2 ноября 1999 г.). Сотни машин с беженцами, скопившиеся у контрольно-пропускного поста, начали разворачиваться и возвращаться по трассе Ростов—Баку назад в сторону Грозного.

Однако у села Шаами-Юрт колонна была внезапно атакована с воздуха. Десятки людей были убиты и ранены. Погибли двое детей и невестка первой заявительницы, сама она была ранена, вторая заявительница тяжело ранена, третья жалуется на душевную травму и уничтожение принадлежавшего ее семье имущества. Уголовное дело по факту гибели людей также было возбуждено лишь в мае 2000 г., а впоследствии прекращено за отсутствием в действиях летчиков состава преступления.

Третье дело содержит жалобу, поданную **Зарой Адамовной Исаевой** (№ 57950/00) о событиях обстрела села Катыр-Юрт 4 февраля 2000 г. В конце января того года командованием федеральных сил в обстановке полной секретности была проведена специальная операция по выманиванию чеченских отрядов из Грозного. До чеченских командиров была доведена дезинформация, что боевики якобы могут купить у российских военных безопасный выход из Грозного в горы по определенному маршруту. Те оплатили коридор, но на самом деле на этом пути боевиков поджидали подготовленные мины поля. Федеральные артиллерия и авиация нанесли удары по селам, через которые проходил маршрут. Чеченские отряды понесли значительные потери, но еще больше жертв было среди гражданского населения. Под огнем погибли сын заявительницы и три ее племянницы, второй сын был ранен. Огнем было уничтожено ее имущество.

Российское правительство настаивает, что смерть родственников заявительницы наступила в результате абсолютно необходимого применения силы против боевиков. Расследование уголовного дела, возбужденного прокуратурой по фактам смерти жителей села Ка-

тыр-Юрт, прекращено за отсутствием в действиях военного командования, летчиков и артиллеристов состава преступления.

Во всех этих делах заявители ссылаются на ст. 2 («право на жизнь»), ст. 3 («запрещение пыток») и ст. 13 («право на эффективное средство защиты») Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, за исключением Л. Базаевой, жалующейся также на нарушение ст. 1 Протокола 1 к Конвенции («защита собственности»). Заявители утверждают, что российские войска неправоммерно убили их родственников, подвергали их бесчеловечному обращению, а органы прокуратуры не провели надлежащего расследования.

Эти жалобы были поданы в апреле–мае 2000 г., готовить их заявителям помогал Правозащитный центр «Мемориал».

Жалобы были объявлены (коммуницированы) Европейским судом Правительству РФ в июле 2000 г.

Переписка по данным делам через Суд между представителями заявителей и представителем Правительства РФ П.А. Лаптевым происходила в 2000–2001 гг.

В подготовке жалоб и в переписке с Судом после их коммуникации Правозащитному центру «Мемориал» оказывала помощь международная неправительственная организация Human Rights Watch, в частности, директор ее московского представительства Дидерик Лохман.

С лета 2002 г. по данным жалобам интересы заявителей в процедурах Суда представляли юрист Правозащитного центра «Мемориал» Кирилл Коротеев, а также профессор Лондонского университета «Metropolitan» и Академический координатор Европейского центра защиты прав человека Уильям Боуринг.

Решениями от 19 декабря 2002 г. Суд признал эти жалобы приемлемыми. После решений о приемлемости стороны подали свои замечания по существу дел. Кроме того, Правительство РФ предоставило представителям заявителей часть материалов уголовных дел, возбужденных по фактам убийств родственников заявителей и причинения вреда заявителям. В июне 2004 г. Суд решил провести устные слушания по данным делам, причем они были назначены на 23 сентября. По просьбе Правительства РФ слушания были перенесены на 14 октября 2004 г. В сентябре 2004 г. представитель Россий-

ской Федерации при Суде П.А. Лаптев и постоянный представитель РФ при Совете Европы А. Орлов просили перенести слушания «как минимум до февраля 2005 г.». Однако оба запроса были отклонены Судом. Также был отклонен запрос П.А. Лаптева об исключении из слушаний прессы и публики.

14 октября 2004 г. Европейский суд по правам человека провел устные публичные слушания по данным делам. От заявителей в заседании выступали юрист Правозащитного центра «Мемориал» Кирилл Коротеев, координатор Европейского центра защиты прав человека профессор Уильям Боуринг, а также директор Европейского центра защиты прав человека Филип Лич, присутствовал юрист регионального офиса ПЦ «Мемориал» в Урус-Мартане Докка Ицлаев. Сначала 45 минут выступали представители заявителя, потом (также 45 минут) — представитель Правительства РФ Павел Лаптев. Затем судьи задали несколько вопросов, представители сторон ответили и дали короткие комментарии к выступлениям друг друга, после чего было объявлено, что Суд удаляется на совещание для вынесения решения.

24 февраля 2004 г. Европейским судом по правам человека были вынесены решения по существу. ■

ДОКУМЕНТЫ И ПОЛЕЗНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Организация Объединенных Наций

ДЕКЛАРАЦИЯ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Утверждена резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи
от 8 сентября 2000 года

**Генеральная Ассамблея
принимает следующую Декларацию:**

I. Ценности и принципы

1. Мы, главы государств и правительств, собрались в центральных учреждениях Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке с 6 по 8 сентября 2000 года, на заре нового тысячелетия, чтобы вновь подтвердить нашу веру в Организацию и ее Устав как нерушимые основы мирного, процветающего и справедливого мира.

2. Мы признаем, что, помимо индивидуальной ответственности, перед нашими обществами мы несем также коллективную ответственность за утверждение принципов человеческого достоинства, справедливости и равенства на глобальном уровне. Поэтому мы как руководители ответственны перед всем населением Земли, особенно перед наиболее уязвимыми из них, и в частности перед детьми, которым принадлежит будущее.

3. Мы вновь заявляем о нашей приверженности целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, которые доказали свою неподвластность времени и универсальный характер. Их актуальность и способность служить источником вдохновения возрастают по мере того, как страны и народы становятся все более взаимосвязанными и взаимозависимыми.

4. Мы преисполнены решимости установить справедливый и прочный мир во всем мире в соответствии с целями и принципами Устава. Мы подтверждаем свое обязательство поддерживать все усилия, направленные на обеспечение суверенного равенства всех государств; уважения их территориальной целостности и политической независимости; урегулирования споров мирными средствами и в соответствии с принципами справедливости и международного права; права на самоопределение народов, все еще находящихся под колониальным господством и иностранной оккупацией; невмешательства во внутренние дела государств; уважения прав человека и основных свобод; соблюдения равных прав для всех без различия расы, пола, языка и религии и международного сотрудничества в решении международных проблем экономического, социального, культурного или гуманитарного характера.

5. Мы считаем, что главной нашей задачей сегодня является обеспечение того, чтобы глобализация стала позитивным фактором для всех народов мира. Это связано с тем, что хотя глобализация открывает широкие возможности, ее благами пользуются весьма неравномерно и неравномерно распределяются ее издержки. Мы осознаем, что развивающиеся страны и страны с переходной экономикой сталкиваются с особыми трудностями в плане принятия мер в связи с решением этой главной задачи. Именно поэтому глобализация может обрести полностью всеохватывающий и справедливый характер лишь через посредство широкомасштабных и настойчивых усилий по формированию общего будущего, основанного на нашей общей принадлежности к роду человеческому во всем его многообразии. Эти усилия должны включать политику и меры на глобальном уровне, которые отвечали бы потребностям развивающихся стран и стран с переходной экономикой и которые разрабатывались бы и осуществлялись при их эффективном участии.

6. Мы считаем, что существенно важное значение для международных отношений в XXI веке будет иметь ряд фундаментальных ценностей. К ним относятся:

Свобода. Мужчины и женщины имеют право жить и растить своих детей в достойных человека условиях, свободных от голода и страха насилия, угнетения и несправедливости. Лучшей гарантией этих прав является демократическая форма правления, основанная на широком участии и воле народа.

Равенство. Ни один человек и ни одна страна не должны лишаться возможности пользоваться благами развития. Должно быть гарантировано равенство прав и возможностей мужчин и женщин.

Солидарность. Глобальные проблемы должны решаться при справедливом распределении издержек и бремени в соответствии с фундаментальными принципами равенства и социальной справедливости. Те, кто страдает или находится в наименее благоприятном положении, заслуживают помощи со стороны тех, кто находится в наиболее благоприятном положении.

Терпимость. При всем многообразии вероисповеданий, культур и языков люди должны уважать друг друга. Различия в рамках обществ и между обществами не должны ни пугать, ни служить поводом для преследований, а должны пестоваться в качестве ценнейшего достояния человечества. Следует активно поощрять культуру мира и диалог между всеми цивилизациями.

Уважение к природе. В основу охраны и рационального использования всех живых организмов и природных ресурсов должна быть положена осмотрительность в соответствии с постулатами устойчивого развития. Только таким образом можно сохранить для наших потомков те огромные богатства, которые дарованы нам природой. Нынешние неустойчивые модели производства и потребления должны быть изменены в интересах нашего будущего благосостояния и благополучия наших потомков.

Общая обязанность. Обязанность по управлению глобальным экономическим и социальным развитием, а также устранению угроз международному миру и безопасности должна разделяться между народами мира и осуществляться на многосторонней основе.

Центральную роль в этом должна играть Организация Объединенных Наций как наиболее универсальная и самая представительная в мире.

7. С тем чтобы претворить эти общие ценности в конкретные действия, мы определили те ключевые цели, которым мы придаем особо важное значение.

II. Мир, безопасность и разоружение

8. Мы приложим все усилия к тому, чтобы освободить наши народы от бедствий войн, будь то внутри государств или между государствами, войн, которые за последнее десятилетие унесли более пяти миллионов жизней. Мы будем также добиваться устранения угроз, создаваемых оружием массового уничтожения.

9. Поэтому мы преисполнены решимости: укреплять уважение к принципу верховенства права, причем как в международных, так и во внутренних делах, и в частности обеспечивать выполнение государствами-членами решений Международного Суда, во исполнение Устава Организации Объединенных Наций, по любым делам, сторонами которых они являются; повышать эффективность Организации Объединенных Наций в деле поддержания мира и безопасности путем предоставления в ее распоряжение ресурсов и инструментов, необходимых для предотвращения конфликтов, мирного разрешения споров, проведения операций по поддержанию мира, постконфликтного миростроительства и реконструкции. В этой связи мы принимаем к сведению доклад Группы по операциям Организации Объединенных Наций в пользу мира и просим Генеральную Ассамблею оперативно рассмотреть ее рекомендации:

- укреплять сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и региональными организациями в соответствии с положениями главы VIII Устава;
- обеспечить соблюдение государствами — участниками договоров в таких областях, как контроль над вооружениями и разоружение, и норм международного гуманитарного права и права в области прав человека и призвать все государства рассмотреть возможность подписания и ратификации Римского статута Международного уголовного суда;
- предпринять согласованные действия в борьбе против международного терроризма и присоединиться как можно скорее ко всем соответствующим международным конвенциям;
- удвоить наши усилия по осуществлению принятого нами обязательства поставить заслон всемирной проблеме наркотиков;
- активизировать наши усилия в борьбе с транснациональной преступностью во всех ее аспектах, включая торговлю людьми, их контрабандный провоз и «отмывание» денег;

- свести к минимуму неблагоприятные последствия вводимых Организацией Объединенных Наций экономических санкций для ни в чем не повинных групп населения;
- обеспечить регулярный пересмотр режимов таких санкций и исключить неблагоприятные последствия санкций для третьих сторон;
- добиваться ликвидации оружия массового уничтожения, особенно ядерного оружия, и сохранять открытыми все имеющиеся возможности для достижения этой цели, включая возможность созыва международной конференции для определения путей и способов устранения ядерной угрозы;
- предпринять согласованные действия для прекращения незаконного оборота стрелкового оружия и легких вооружений, особенно посредством обеспечения большей транспарентности в области передачи оружия и поддержки региональных мер по разоружению, принимая во внимание все рекомендации предстоящей конференции Организации Объединенных Наций по проблеме незаконной торговли стрелковым оружием и легкими вооружениями;
- обратиться ко всем государствам с призывом рассмотреть возможность присоединения к Конвенции о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении, а также измененному Протоколу о минах к Конвенции о конкретных видах обычного оружия.

10. Мы настоятельно призываем государства-члены соблюдать «олимпийское перемирие», индивидуально и коллективно, в настоящее время и в будущем, и поддерживать Международный олимпийский комитет в его усилиях по поощрению мира и взаимопонимания между людьми посредством спорта и воплощения олимпийских идеалов.

III. Развитие и искоренение нищеты

11. Мы приложим все усилия к тому, чтобы избавить наших соотечественников, мужчин, женщин и детей, от унижающей человеческое достоинство крайней нищеты, в условиях которой в настоящее время вынуждены жить более миллиарда из них. Мы привержены тому, чтобы превратить право на развитие в реальность для всех и избавить весь род человеческий от нужды.

12. В этой связи мы твердо намерены создать, как на национальном, так и на глобальном уровне, условия, благоприятствующие развитию и ликвидации нищеты.

13. Успех в достижении этих целей зависит, в частности, от обеспечения благого управления в каждой стране. Он также зависит от обеспечения благого управления на международном уровне и транспарентности в финансовой, кредитно-денежной и торговой системах. Мы привержены формированию открытой, справедливой, регулируемой, предсказуемой и недискриминационной многосторонней торговой и финансовой системы.

14. Мы обеспокоены теми препятствиями, с которыми сталкиваются развивающиеся страны в деле мобилизации ресурсов, необходимых для финансирования их устойчивого развития. Поэтому мы будем прилагать все усилия к обеспечению успеха Международного и межправительственного мероприятия высокого уровня по финансированию развития, которое состоится в 2001 году.

15. Мы также обязуемся содействовать удовлетворению особых потребностей наименее развитых стран. Мы призываем промышленно развитые страны:

- принять комплекс мер по обеспечению беспопышного и неэквивалентного доступа практически всех экспортных товаров наименее развитых стран на свои рынки;
- без дальнейших промедлений приступить к осуществлению расширенной программы по облегчению долгового бремени бедных стран с высоким уровнем задолженности и согласиться на списание всей официальной двусторонней задолженности этих стран в обмен на принятие ими твердых обязательств в области борьбы с нищетой;
- оказывать более щедрую помощь в целях развития, особенно тем странам, которые действительно пытаются использовать имеющиеся у них ресурсы для сокращения масштабов нищеты.

16. Мы также преисполнены решимости всеобъемлющим образом и эффективно урегулировать проблемы задолженности развивающихся стран с низким и средним уровнем дохода на основе принятия различных национальных и международных мер, направленных на то, чтобы вывести их задолженность на приемлемый уровень в долгосрочной перспективе.

17. Мы также твердо намерены решать проблему особых потребностей малых островных развивающихся государств путем осуще-

ствления Барбадосской программы действий и решений 22-й специальной сессии Генеральной Ассамблеи оперативно и в полном объеме. Мы настоятельно призываем международное сообщество обеспечить, чтобы при разработке показателя уязвимости учитывались особые потребности малых островных развивающихся государств.

18. Мы признаем особые потребности и проблемы развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, и настоятельно призываем как двусторонних, так и многосторонних доноров увеличить объем финансовой и технической помощи этой группе стран в целях удовлетворения их особых потребностей в области развития и содействовать им в преодолении обусловленных их географическим положением трудностей путем совершенствования их транзитных транспортных систем.

19. Мы также преисполнены решимости:

- сократить к 2015 году вдвое долю населения земного шара, имеющего доход менее одного доллара в день, и долю населения, страдающего от голода, а также сократить вдвое к тому же сроку долю населения земного шара, не имеющего доступа к безопасной питьевой воде, в том числе из-за нехватки средств;
- обеспечить, чтобы к тому же сроку у детей во всем мире, как у мальчиков, так и у девочек, была возможность получать в полном объеме начальное школьное образование и чтобы девочки и мальчики имели равный доступ ко всем уровням образования;
- к тому же сроку добиться снижения материнской смертности на три четверти и смертности среди детей в возрасте до пяти лет на две трети по сравнению с их нынешним уровнем;
- к указанному сроку остановить распространение ВИЧ/СПИД, малярии и других основных болезней, от которых страдает человечество, и положить начало тенденции к сокращению их масштабов;
- предоставлять особую помощь детям, лишившимся родителей из-за ВИЧ/СПИД;
- к 2020 году обеспечить существенное улучшение жизни как минимум 100 миллионов обитателей трущоб, как это предусмотрено инициативой «Города без трущоб».

20. Мы также преисполнены решимости:

- способствовать равенству мужчин и женщин и расширению прав и возможностей женщин как эффективным средствам борьбы с

- нищетой, голодом и болезнями и стимулирования развития, которое носит подлинно устойчивый характер;
- разработать и осуществить стратегии, дающие молодым людям во всем мире реальный шанс находить достойную и продуктивную работу;
 - поощрять фармацевтическую промышленность к обеспечению более широкого распространения основных лекарств и их большей доступности для всех, кто в них нуждается в развивающихся странах;
 - наладить прочные партнерские отношения с частным сектором и организациями гражданского общества во имя развития и искоренения нищеты;
 - принять меры к тому, чтобы все могли пользоваться благами новых технологий, особенно информационных и коммуникационных, в соответствии с рекомендациями, содержащимися в Декларации министров на сессии ЭКОСОС 2000 года.

IV. Охрана нашей общей окружающей среды

21. Мы должны не жалеть усилий в деле избавления всего человечества, и прежде всего наших детей и внуков, от угрозы проживания на планете, которая будет безнадежно испорчена деятельностью человека и ресурсов которой более не будет хватать для удовлетворения их потребностей.

22. Мы вновь заявляем о своей поддержке принципов устойчивого развития, в том числе тех, которые изложены в Повестке дня на XXI век, согласованной на Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию.

23. В этой связи мы твердо намерены придерживаться во всей нашей экологической деятельности новой этики бережного и ответственного отношения к природе и для начала заявляем о своей решимости:

- приложить все усилия к тому, чтобы обеспечить вступление в силу Киотского протокола и приступить к предусмотренному им сокращению выбросов парниковых газов;
- активизировать наши коллективные усилия по лесоустройству, сохранению всех типов лесов и устойчивому развитию лесного хозяйства;
- добиваться полного осуществления Конвенции о биологическом разнообразии и Конвенции по борьбе с опустыниванием в тех

- странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке;
- остановить нерациональную эксплуатацию водных ресурсов, разрабатывая стратегии водохозяйственной деятельности на региональном, национальном и местном уровнях, способствующие справедливому доступу к воде и ее достаточному предложению;
 - активизировать сотрудничество в целях сокращения количества и последствий стихийных бедствий и антропогенных катастроф;
 - обеспечить свободный доступ к информации о геноме человека.

V. Права человека, демократия и благое управление

24. Мы не пожалеем усилий для поощрения демократии и укрепления правопорядка, а также для обеспечения уважения всех международно признанных прав человека и основных свобод, включая право на развитие.

25. Поэтому мы преисполнены решимости:

- полностью уважать и поддерживать Всеобщую декларацию прав человека;
- добиваться полной защиты и поощрения во всех наших странах гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав для всех;
- укреплять потенциал наших стран для претворения в жизнь принципов и практики демократии и уважения прав человека, включая права меньшинств;
- вести борьбу со всеми формами насилия в отношении женщин и осуществлять Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин;
- принять меры по обеспечению уважения и защиты прав человека мигрантов, трудящихся-мигрантов и членов их семей, прекращению учащающихся во многих обществах проявлений расизма и ксенофобии и поощрению большего согласия и терпимости;
- коллективно добиваться большей открытости политических процессов, создавая условия для подлинного участия в них всех граждан во всех наших странах;
- обеспечить средствам массовой информации свободу выполнять присущую им важную функцию, а также право общественности на доступ к информации.

VI. Защита уязвимых

26. Мы приложим все усилия к тому, чтобы детям, а также всему гражданскому населению, которое испытывает наибольшие страдания в результате стихийных бедствий, геноцида, вооруженных конфликтов и других чрезвычайных гуманитарных ситуаций, предоставлялась всяческая помощь и защита с целью их скорейшего возвращения к нормальной жизни.

Поэтому мы преисполнены решимости:

- расширять и укреплять деятельность по защите гражданского населения в сложных чрезвычайных ситуациях в соответствии с международным гуманитарным правом;
- укреплять международное сотрудничество, включая совместное несение бремени гуманитарной помощи странам, принимающим беженцев, и ее координацию; помогать всем беженцам и перемещенным лицам на добровольной основе возвращаться в свои дома в условиях безопасности и достоинства и беспрепятственно реинтегрироваться в свои общества;
- поощрять ратификацию и полное осуществление Конвенции о правах ребенка и факультативных протоколов к ней, касающихся участия детей в вооруженных конфликтах и торговли детьми, детской проституции и детской порнографии.

VII. Удовлетворение особых потребностей Африки

27. Мы будем поддерживать укрепление демократии в Африке и помогать африканцам в их борьбе за прочный мир, искоренение нищеты и устойчивое развитие, тем самым вовлекая ее в основное русло развития мировой экономики.

28. Поэтому мы преисполнены решимости:

- в полной мере поддерживать политические и институциональные структуры зарождающихся демократий в Африке;
- стимулировать и поддерживать региональные и субрегиональные механизмы предупреждения конфликтов и поощрения политической стабильности и обеспечивать надежный приток ресурсов для миротворческих операций на континенте;
- принять особые меры для решения проблем искоренения нищеты и устойчивого развития в Африке, включая списание задолженности, улучшение доступа к рынкам, расширение официальной помощи в целях развития (ОПР) и увеличение потоков

прямых иностранных инвестиций (ПИИ), а также передачу технологии;

- помочь Африке создать свой потенциал для обуздания пандемии ВИЧ/СПИД и других инфекционных заболеваний.

VIII. Укрепление Организации Объединенных Наций

29. Мы приложим все усилия к тому, чтобы превратить Организацию Объединенных Наций в более эффективный инструмент для решения всех этих первоочередных задач: борьбы за развитие для всех народов мира, борьбы с нищетой, невежеством и болезнями; борьбы с несправедливостью; борьбы с насилием, террором и преступностью; борьбы с деградацией и разрушением нашего общего дома.

30. Поэтому мы преисполнены решимости:

- подтвердить центральное место Генеральной Ассамблеи как главного совещательного, директивного и представительного органа Организации Объединенных Наций и дать ей возможность эффективно играть эту роль;
- активизировать наши усилия по проведению всеобъемлющей реформы Совета Безопасности во всех ее аспектах;
- продолжать укреплять Экономический и Социальный Совет, опираясь на его последние достижения, с тем чтобы помочь ему выполнять роль, предписанную в Уставе;
- укреплять Международный Суд, с тем чтобы обеспечить правосудие и верховенство права в международных делах;
- поощрять регулярные консультации и координацию между главными органами Организации Объединенных Наций в выполнении ими своих функций;
- обеспечить наделение Организации на своевременной и предсказуемой основе ресурсами, необходимыми ей для выполнения ее мандатов;
- настоятельно призвать Секретариат наилучшим образом использовать эти ресурсы в соответствии с четкими правилами и процедурами, согласованными Генеральной Ассамблеей, в интересах всех государств-членов, посредством задействования наиболее эффективных методов управления и передовых технологий и путем сосредоточения усилий на выполнении тех задач, которые соответствуют согласованным приоритетам государств-членов;

- поощрять соблюдение Конвенции о безопасности персонала Организацией Объединенных Наций и связанного с ней персонала;
- обеспечить бо?льшую согласованность политики и дальнейшее улучшение взаимодействия между Организацией Объединенных Наций, ее учреждениями, бреттон-вудскими учреждениями и Всемирной торговой организацией, а также другими многосторонними органами в целях обеспечения полностью скоординированного подхода к проблемам мира и развития;
- продолжать укреплять сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и национальными парламентами через их всемирную организацию — Межпарламентский союз в различных областях, включая мир и безопасность, экономическое и социальное развитие, международное право и права человека, демократию и гендерные вопросы;
- предоставить частному сектору, неправительственным организациям и гражданскому обществу в целом более широкие возможности для содействия достижению целей и осуществлению программ Организации.

31. Мы просим Генеральную Ассамблею регулярно рассматривать ход осуществления положений настоящей Декларации и просим Генерального секретаря публиковать периодические доклады для рассмотрения Генеральной Ассамблеей и в качестве основы для принятия дальнейших мер.

32. Пользуясь этой исторической возможностью, мы вновь торжественно заявляем о том, что Организация Объединенных Наций является незаменимым общим домом для всего человечества и что через нее мы будем стремиться воплотить в жизнь свое общее стремление к миру, сотрудничеству и развитию. Поэтому мы торжественно обещаем всемерно поддерживать эти общие цели и заявляем о нашей решимости обеспечить их достижение. ■

Материалы Службы Безопасности Украины о голодоморе 1932–1933 гг.

По материалам прессы подготовила Марина Гутгарц.

СБУ впервые огласила архивные документы Главного политического управления УССР о голодоморе 1932–1933 годов в Украине. Начальник Государственного ведомственного архива СБУ Сергей Богунов отметил, что все документы из архива СБУ, которые относятся к голодомору 1932–1933 годов, рассекречены, и все желающие могут с ними ознакомиться.

С августа 2006 года эти материалы размещены на официальном сайте СБУ www.ssu.gov.ua

Среди них нормативные документы ГПУ УССР, директивы, циркуляры, инструкции, которые шли из центральных органов Объединенного государственного политического управления, свидетельства очевидцев, материалы уголовных дел и пр.

В сборнике есть документы за подписью Иосифа Сталина и других государственных и партийных высокопоставленных лиц СССР и УССР.

В XX столетии Украина пережила три голодомора: в 1921–1923, 1932–1933, 1946–1947 годах, но второй был самым массовым и жестоким. По данным историков, в 1932–1933 годах жертвами голода, который возник в результате административных действий советской власти, в Украине, по разным оценкам, стали от 7 до 10 млн. человек.

Это означает, что в те годы Украина недосчиталась от 10 до 25 процентов своего населения, теряя по 25 тыс. человек в день, по тысяче — каждый час, по 17 — каждую минуту. Ученые пришли к выводу, что продолжительность жизни украинцев в 1933 году у мужчин составляла 7,3, у женщин — 10,9 лет. Последствия тех лет, по мнению экспертов, Украина ощущает и по сей день.

Редакция предлагает вам один из этих документов «Анализ цифровых данных об оперативной работе органов ГПУ УССР по сельскому террору за время с 1 января 1932 по 1 ноября 1932 года». ■

СВ. СЕКРЕТНО.

107
113

УЧЕТНО-ТАРИФНО-ПЕЧАТНО О Т Ж С Л.

А Н А Л І З

ІНТЕРНАЦІОНАЛЬНІ ОРГАНІЗАЦІЇ ПАЛІТИЧНОГО ПІДТРИМАННЯ
УКРАЇНИ ЗА ПЕРШОГО ПІВРІЧЧЯ 1932 Р. Д. А. С.

*Сторінка 1000000
не виводити
документів
до архіву
Сторінка 1000000
не виводити
до архіву*

Два. 28

Тов. Ванна Yes

180
114

А Н А Л И З

ИЗМЕНЕНИЙ ДАННЫХ ОБ ОПЕРАТИВНОЙ РАБОТЕ ОРГАНОВ ГПУ УССР ПО СНИЖЕНИЮ ТЕРРОРА ЗА ВРЕМЯ С 1-го ЯНВАРЯ 1932г. ПО 1 НОЯБРЯ 1932 Г О Д А.

1. ОБЩИЕ ДАННЫЕ ОБ ОПЕРАТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ ЗА 10 МЕСЯЦЕВ.

а/ На 1-ое Января 1932г. в производстве органов ГПУ УССР оставалось 198 дел на 649 человек.

За время с 1-го Января 1932 года по 1 Ноября 1932г. органами ГПУ УССР заведено 425 Следственных дел, по которым привлечено к ответственности 1.187 человек, в том числе арестованно - 1.160 человек / 97,7 %.

В числе заведенных дел:

Г р у п п ы в ы х - 237 дел с 996 обв. - 83,9 %
О д и н о ч е к - 191 - 16,1 %

б/ По отдельным органам привлечение за террор распределяется следующим образом:

	ВСЕГО прив- лечен.	В том числе:	
		По группов. делам.	Одн.очек.
Киевский обл.дел.	300	241-80,3	69 - 19,7%
Харьковский	265	218-82,1	47 - 14,9%
Винницкий	197	158-80,2	39 - 19,8%
Судеский	170	154-90,6	16 - 9,4%
Днепропетров.	80	66-82,5	14 - 17,5%
Донецкий	58	53-91,3	5 - 8,7%
Молдавский	47	43-91,4	4 - 8,6%
Пограничники	80	63-78,8	17 - 11,2%

в/ По отдельным месяцам количество заведенных дел и привлеченных по ним распределяется следующим образом:

	Всего дел.	Всего обв.	В том числ. однок.
Январь.....	64	162	29
Февраль	27	61	12
М а р т	53	132	25
А п р е л ь	42	138	23
М а и	46	105	21
И ю н ь	38	104	17
И ю л ь	38	140	13
А в г у с т	28	86	11
Сентябрь	44	116	19
Октябрь	45	123	15

11518

Наибольшее количество привлеченных падает на Иньвань / 162 чел./ Март / 152/, Июль / 140/; наименьшее – на Севраль / 61 чел./ и Август / 66 чел./.

2. СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПРИВЛЕЧЕННЫХ.

а/ Разбивка привлеченных по социальному составу дает следующие соотношения:

Среднихон.....	406 чел.	-	34,1 %
Кулаков	276	"	23,2
Колхозников	227	"	19,1
Бедняков	153	"	12,6
Рабочих	34	"	2,9
Служащих	34	"	2,9
Прочих	56	"	4,9

Таким образом, основную массу привлеченных по сельскому террору /69,0%/ составляют социально-близкие нам прослойки /рабочие, колхозники, бедняки и середняки/, кулаки составляют 23,2 %.

б/ По отдельным органам удельный вес отдельных социальных групп среди привлеченных характеризуется следующими данными:

О Р Г А Н И:	Кулаки.	Соц. близкие прослойки.	Служащие и прочие.
Киевский Област.дел.....	29,3	65,5	5,2
Винницкий	27,4	65,0	7,6
Киевский	25,0	66,5	6,7
Днепропетров.	23,8	73,5	3,7
Полтавский	22,5	67,5	10,0
Харьковский Област.дел.	22,0	73,7	4,3
Одесский	20,0	61,2	8,8
Молдавский	6,4	93,6	-

Наибольшее количество привлеченных по террору из соц. близких прослоек падает на Молдавский / 93,6 %/, Харьковский / 73,7%/, Днепропетровский / 73,5%/, и Киевский / 66,3%/, Област.дел ГПУ.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАТИВНОЙ РАБОТЫ ЗА 10 МЕСЯЦЕВ.

а/ В отчетном периоде было захвачено 400 дел на 1407 человек со следующими результатами:

Обсуждено к различным мерам Соц.защиты	-	75 чел.	-	5,3 %
Передано в суд и друг. органы	-	862	"	61,3
Освобождено с прекращением дел	-	470	"	33,4

з. 116
128

б/ По социальному составу 1.407 человек, прошедших по законченным делам разбивается следующим образом:

РЕЗУЛЬТАТЫ ПО ЗАКОНЧЕННЫМ ДЕЛАМ.	Всего освобождено по законч. делам.	%	В том числе:						
			Кулаков	Середняков.	Бедняков	Колхозн.	Рабочих	Слушавших	Прочих
Осужден. в концлаг.	34	2,4	13	15	1	1	-	-	3
- и в исправит. условно	22	1,6	14	13	1	1	-	-	1
- в др. орган.	10	0,7	4	5	1	1	-	-	1
Переведено в суд.	610	43,4	204	266	251	155	80	22	37
- в др. орган.	558	39,7	229	18	72	4	1	1	1
Освобождено.....	470	33,4	76	186	72	88	21	14	13
И Т О Г О:	1.407	100%	340	500	171	252	51	36	55

в/ Из 470 человек освобожденных с прожиточным для основной массы составом социально-бытовых прослоев / рабочие, колхозники, бедняки и середняки - 76,1%, кулаки составляют / 16,2%.

По отделным органам освобожденные распределяются следующим образом:

О Р Г А Н Ы:	Всего освобождено.	В том числе:						
		Кулаков	Колхозн.	Середняков.	Бедняков	Рабочих	Слушавших	Прочих.
Киевский Областдел.....	111.	15.	17.	52.	18.	5.	2.	1.
Харьковский -	110	32	17	40	10	5	1	5
Винницкий -	93	3	19	43	27	1	1	1
Полтавский -	53	12	11	21	6	1	1	1
Одесский Областдел -	47	4	10	18	8	2	1	3
Днепропетровский -	29	6	9	10	-	1	1	3
Донецкий -	19	4	3	-	-	6	5	1
Ильичевский -	8	-	2	3	3	-	-	-
В С Е Г О:	470	76	88	186	72	21	14	13

Наибольшее количество освобождено по делам Киевского, Харьковского и Винницкого Областделов ГПУ.

- 4. 185
117

г/ Относительно результатов по делам, рассмотренным Судами, Судобной
Тройкой и Особым совещанием при Коллегии ГПУ УССР следующие:

Осуждено к В.М.С.З. 36 чел.
Осужд. к лишен. свобод. на разл. сроки 67 " "
Осуждено к в н с н а к б. 31 " "
Осуждено к пр. мерам и условно. 15 " "

ВСЕГО:..... 148 чел.

х/ На изв. о результатах по делам, рассмотренным в отчетном периоде
в Суды НКД в количестве 610 человек выданы только 11 отказов
89 человек / 11 %:

МЕРЫ ОСУ. ЗАКЛЮЧ.:	И Т О Г О	В том числе по округам:					
		Киевский Округ.	Львовский Округ.	Харьковский Округ.	Специальный Округ.	Полтавский Округ.	Поступил в округ
В.М.С.З.	36.	12.	2.	5.	5.	7.	1.
Лишен. свобод. на разл. сроки.	33	15	10	5	3	-	-
Прочие меры.	5	-	-	4	-	-	1
Оправдано.	16	9	4	-	3	-	-
И Т О Г О: ...	89	36	16	14	14	7	2

НАЧАЛЬНИК УОБ ГПУ УССР:

/ВЕРНИК/

8 * Декабрь 1932г.

190
118

СПИСОК РАССЛАН:

Телеграмма № 1 - тов. ВАЛЕНЦКОМУ.

№ 2 - тов. РЕЗЕНУ

№ 3 - тов. ДИПЛЕВ-КОМУ.

№ 4 - тов. КАРЛСОНУ

№ 5 - тов. ЛЕСНУ

№ 6 - тов. КРИВЦУ

№ 7 - тов. ГАЛЦКОМУ.

№ 8 - ВРЕМЯ ГОДИН УЧР.

Сидорова

Сидорова

Сидорова

Всё в порядке!

Сидорова

Сидорова

Декларация Комитета по юридическим вопросам и правам человека Парламентской Ассамблеи Совета Европы

ОСУЖДЕНИЕ НЕДАВНИХ НАРУШЕНИЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

<http://kavkaz.memo.ru/docstext/docs/id/766941.html>

По предложению Подкомитета по правам человека Комитет по юридическим вопросам и правам человека ПАСЕ принимает следующую декларацию:

1. Комитет по правам человека Парламентской ассамблеи обеспокоен сообщениями о новых грубых нарушениях прав человека в Чеченской Республике.
2. Комитет, в частности, шокирован направленными на правозащитников репрессиями, особенно похищением 20 января 2005 г. Махмуда Магомадова в Грозном и случившимся в тот же день налётом сотрудников ФСБ на офис Общества российско-чеченской дружбы в Нижнем Новгороде.
3. Учитывая Резолюцию 1403 (2004) Парламентской Ассамблеи о положении с правами человека в Чеченской Республике, Комитет в самых решительных выражениях осуждает похищения, со-

вершенные, предположительно, сотрудниками силовых структур, контролируемых Рамазаном Кадыровым, как минимум восьми родственников Аслана Масхадова (среди которых его сестра Бучу Алиевна Абдулкадырова, 67 лет, его братья Леча Алиевич Масхадов, 68 лет, и Лёма Алиевич Масхадов, 55 лет).

4. Имея в виду серьезное нарастание нарушений прав человека, в частности пыток, насилия, «исчезновений» и убийств, которые были совершены силами, находящимися под командованием Рамазана Кадырова («кадыровцами»), Комитет с возмущением воспринял известие о награждении его медалью «Герой России». Комитет заявляет, что адекватной данной ситуации реакцией была бы не раздача наград, а обеспечение глубокого и эффективного расследования и привлечение к ответственности виновных в этих преступлениях.
5. В связи с дальнейшим ухудшением ситуации в Чеченской Республике Комитет подчеркивает необходимость осуществления международной поддержки беженцев из этого региона. Сохранение de facto разрешительной системы выбора места жительства (ранее именовавшейся «пропиской») в Российской Федерации в большинстве случаев не оставляет внутренне перемещённым лицам возможности найти убежище внутри страны.
6. Чудовищный пример влияния обстановки безнаказанности в Чеченской Республике на другие регионы Российской Федерации — насилие, совершенное с 10 по 14 декабря 2004 г. в городе Благовещенске (Башкортостан). Должно быть проведено глубокое расследование, а виновные преданы суду.

Принята 26 января 2005 г.

Утверждена Комитетом 27 января 2005 г.

Статус: действующий ■

Abstract

EDITORIAL

THE PROBLEM OF CRUELTY IN THE MODERN SCIENCE

The Social and Legal Aspects

LIBBY TATA ARSEL, MI CHRISTIANSEN, ERIC ROQUE.

Reparation for victims of torture: some definitions and questions

Torture as a deliberately inflicted pain by one human being in an official capacity against another human being leaves particular kinds of long-lasting and mental «scars» that need to be addressed by reparation.

A reparative act implies mending something that is broken, thus reparation for victims of torture means providing the tools mending a victim of torture to a whole and integrated person. What need to be taken into account concerning the prevision of reparation to victims of torture are the effects of the act itself. Torture victims are left with feelings of fear, guilt, shame, disillusionment, dependency insecurities.

Legal Aspects of War in Afghanistan and other Elements of Anti-Terror Campaign

This review is prepared by staff of international human rights organization Human Rights Watch. Using example of USA war in Afghanistan and international law documents authors show that the state has no right to conduct war by any means even with hidden enemy. The main goal of international humanitarian war also known as law and customs of war is protection of civil population and other persons not involved in combat.

PIER APRAKSEN. International humanitarian law and human rights law: differences, similarities, and mutual supplement.

International humanitarian law and human rights law have different fields of application. International humanitarian law is applied only in case of armed conflict and provides set of guaranties appropriate for such conflicts. International humanitarian law does not provide quite a number of human rights.

The Historical Aspect

LEV TOLSTOJ. Soldiers' booklet

JAMES MASE(USA, Washington DC). Political Reasons for Famine in Ukraine (1932–1933)

Author was a tutor of National University Kyiv Mohyla Academy, has lived in Ukraine for a quite a long time, in 1983-1990 was the executive director of Presidential and Congress Commission for studying famine 1932-1933 in Ukraine, participated in Parliamentary hearing on famine issue in Ukraine in 1993. James Mase by his articles and lectures promoted spreading of historical data about real situation in Ukraine in 30»s.

YURGEN BERTELSMANN. «There are human beings on both sides...» War as seen by German soldier

«It»s strange but despite cruelty and violence from both sides human relations are also possible. At both sides people are missing the same – right to human feelings. There is no personal interest in this conflict, everyone wants peace. One starts to understand the grief of other, feel compassion towards them and see that they want a little bit of joy...»

From the letter from East front

The Medical Aspect

FIONA FLECK (*Geneva*). Governments Need to be More Aware of Human Rights Implications of Health Care

Governments around the world need to be more aware of human rights issues when developing healthcare policy, says the World Health Organization in a new pamphlet on the subject.

The pamphlet says that the link between human rights and health has started only recently to get the attention it deserves, because of the growing demand for greater accountability in health.

JOSE QUIROGA, JAMES M. JARANSON. Politically-Motivated Torture and its Survivors: Assessment

Progress has been made on the legal and forensic evaluation of torture survivors, notably publication of the Istanbul Protocol. Questions raised regard-

ing the validity of memory recall have implications for assessment of torture survivors.

The Psychological Aspect

M.A.KOSTENKO, N.B.KOSTENKO, A.V.UREZKOV. Psychological and Social Work with the Participants of Local Wars

Manual

The authors of the manual work at crisis center for man – non-profit NGO in Altay region of Russia. The main goal of the center – prevention and rehabilitation of physical, psychological and social health of the man of the region. This manual will be helpful for psychologists and social workers dealing with victims of wars and interracial conflicts.

CHRISTIAN PROSS. Burnout, Vicarations Traumatization and its Prevention

Previous studies on burnout and vicarious traumatization are reviewed and summarized with a list of signs and symptoms. From the author's own observations two histories of caregivers working with torture survivors are described which exemplify the risk, implications and consequences of secondary trauma. Contributing factors in the social and political framework in which caregivers operate are analyzed and possible means of prevention suggested, particularly focusing on the conflict of roles when providing evaluations on trauma victims for health and immigration authorities.

The Cruelty and War

KEN ROTH. War in Iraq: Not a Humanitarian Intervention

The invasion of Iraq failed to meet the test for a humanitarian intervention. Most important, the killing in Iraq at the time was not of the exceptional nature that would justify such intervention. In addition, intervention was not the last reasonable option to stop Iraqi atrocities. Intervention was not motivated primarily by humanitarian concerns. It was not conducted in a way that maximized compliance with international humanitarian law. It was not approved by the Security Council. And while at the time it was launched it was reasonable to believe that the Iraqi people would be better off, it was not designed or carried out with the needs of Iraqis foremost in mind.

The Iraq war highlights the need for a better understanding of when military intervention can be justified in humanitarian terms. The above-noted International Commission on Intervention and State Sovereignty was one important effort to define these parameters. Human Rights Watch has periodically contributed to this debate as well, including with this essay, and various academic writers have offered their own views. But no intergovernmental body has put forth criteria for humanitarian intervention.

CHRIS STEPHEN. Human Rights and the War in Chechnya: A Test for Europe

Earlier 2005, the European Court of Human Rights ruled against Russia in three cases from the conflict in Chechnya, and dozens more are currently under consideration.» Chris Stephens gives details of alleged bombings and massacres, and tells what happens when Chechens seek justice from Russian courts.

THE INTERNATIONAL AND NATIONAL ORGANISATIONS ACTIVITY

World Health Organization WHO

Cost of violence

Violence devastates lives and also imposes major economic costs on societies around the world, some of which spend more than 4% of their Gross Domestic Product (GDP) on dealing with violence-related injuries. This and other findings are contained in a new report released 9 June by the World Health Organization (WHO) at the 7th World Conference on Injury Prevention and Safety Promotion from 6-9 June, 2004 in Vienna, Austria

1.6 million people die from violence around the world every year, and millions more are injured and suffer from physical, sexual, reproductive and mental health problems as a result. Violence is among the leading causes of death for people aged 15-44 years, accounting for 14% of deaths among males and 7% of deaths among females. WHO is actively involved in ongoing efforts to prevent interpersonal violence in all its forms, including child maltreatment, youth violence, intimate partner violence, sexual violence and elder abuse. The WHO recommendations call upon governments and stakeholders at all levels of decision-making to define priorities for, and support research on, the causes, consequences, costs and prevention of violence.

Human Rights Watch

Afghanistan: self-will of American troops

Human Rights Watch started in 1978 as Helsinki Watch, to monitor the compliance of Soviet bloc countries with the human rights provisions of the landmark Helsinki Accords. In the 1980»s, Americas Watch was set up to counter the notion that human rights abuses by one side in the war in Central America were somehow more tolerable than abuses by the other side. The organization grew to cover other regions of the world, until all the «Watch» committees were united in 1988 to form Human Rights Watch.

Human Rights Watch conducts regular systematic work on human rights violation investigations in 60 countries worldwide. This organization addresses human rights policy of the governments of all political spectrum and any geopolitics orientation.

During non-international conflicts Human Rights Watch record violations both from the government and from guerilla side. Human Rights Watch protects freedom of thought and freedom of expression, access to justice and

equality of the sides in process; record and condemn killings, disappearances, tortures, arbitrary arrests, censorship and other violations of internationally protected human rights.

Association for the Prevention of Torture

Official report of APT on torture in OSCE region in 2004

As it was stated in *Official report of APT # 1 for a working meeting # 7* it is unacceptable that human rights monitors each year have constant records of state officials' torture and degrading treatment towards detainees everywhere in OSCE region. It is obvious that now it is the time to have more serious attitude towards detained persons. APT thinks that if the countries would had effectively applied mentioned above means it would promote solving the issue of tortures in the region of OSCE responsibility. APT is always willing to help to any OSCE country ready to combat and prevent torture at its territory.

American Psychologist Association (APA)

ZHANNA KOREYKO. American Psychologists could Stand the Torture.

Psychologists argue with Pentagon refusing to be present at prisoners of war interrogations.

International Medical Rehabilitation Center for the Victims of Wars and Totalitarian Regimes (Ukraine)

TETYANA YABLONSKA. The Case of Ruslan Antonyk.

The International Medical Rehabilitation Centre for the Victims of Wars and Totalitarian Regimes (MRC) is a charitable, public organisation. The work of the centre focuses on offering practical assistance (medical, psychological, social and informational) to persons who have formerly undergone political repression and torture. The aims of the Centre are to render rehabilitation services to Ukrainians who suffered from violence and tortures as a result of Ukrainian governmental institutes, to establish a model of rehabilitation for torture victims provided by governmental structures, to decrease the level of cruelty in governmental institutes

The MRC will focus on the following target groups: persons recently suffered from violence and tortures during their detention in police departments, refugees from various regions (mainly from Asia and Africa) who arrive to Ukraine from the zones where conflicts and wars occur, Ukrainian Army soldiers, the victims of totalitarian regimes, covers primary and secondary victims of Stalin and Brezhnev's persecutions, prisons of Nazi camps and victims of political repression of extra-judicial character.

We introduce you the article of Tetyana Yablonska, the lawyer of MRC, with the case of real history of one of the client of the center.

Human Rights Center «Memorial», Russia

Chechnya, 2004: Kidnapping and Disappearing of People

During years of second war in Chechnya kidnapping and disappearance of people become common. In passed 2004 many officials and journalist discussed it. One can get an impression from that statements and materials that situation improves and amount of kidnapped people decrease in times. And it fits the official concept well: normalization is succeeding in Chechnya.

But if we ask precise questions: «How many people disappeared?» and «Who kidnap them?» - the clear picture disappears at once. Governmental representatives present versions that are opposing each other. And not only the different officials stating different things – sometimes the same person make statements that are different from his previous words.

Neighbor has the better house?

An interview with the head of Nazran office (Ingushetia, Russia) of Human Rights Center «Memorial» Shakman Akbulatov about situation in Chechnya

European Court on Human Rights

Judgment on complaints of inhabitants of Chechnya

In 2005 European Court on Human Rights proclaimed judgment on six complaints of Russian citizens, residing in Chechnya regarding the armed conflict at North Caucasus.

DOCUMENTS AND USEFUL INFORMATION

United Nations

MILLENNIUM DECLARATION

Documents of Secret Service of Ukraine about Famine 1932–1933 in Ukraine

«Analyses of reports of operative work of the bodies of GPU of USSR on rural terror from 1st of January 1932 till 1st of November 1932»

Declaration of PACE's Committee on Legal Affairs

Condemn of recent violations of human rights in Chechnya

